Крайний и Безпалов.

ЛЕНИН

23

„МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ"

[92 : 335. 4 (Ленин)]

ЛЕНИН

Составили
В. КРАЇНИЙ и М. БЕСПАЛОВ

под редакцией Д. ЛЕБЕДЯ.

Издание второе
исправленное и дополненное.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

(361)

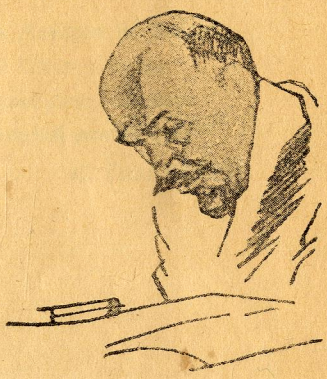
«МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ»
Харьков 1924.

Отпечатано в 8-й Гос. типографии Треста „Киев-Печать". Обложка работы художника З. Толкачева.
20—35 тысяч по заказу Литиздата ЦК жд и вод.

РУП. Киев.

Львівська державна наукова бібліотека
№ 2983

Заказ № 195



Портретов Ленина не видно.
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

И. ПОЛЕТАЕВ

ВВЕДЕНИЕ.

Книга, выпускаемая ЦК. КСМУ., посвященная вождю мирового рабочего движения и Коммунистической партии, является чрезвычайно ценным вкладом в современную общественно-политическую литературу. Она вносит свою долю, правда, еще далеко недостаточную, в дело освещения той огромной области революционно-марксистской, коммунистической политики, которая дав власть российскому пролетариату в октябре 1917 года, вывела пролетариат на широкую дорогу революционного творчества.

Писать теперь книгу о Ленине значит писать всю историю революции, насчитывающей десятки лет подготовительной работы и имеющей сейчас шестилетний опыт претворения в жизнь большевицких революционных идей. Сделать это с достаточно широкой полнотой и в большом об'еме будет возможно, под силу эпохе, которая практически будет развертывать коммунизм. Вот почему настоящий сборник, посвященный характеристике вождя мировой революции, может быть только первой страницей в той книге, которую еще в наши дни должно написать. Эта книга должна содержать опыт, науку классовой пролетарской борьбы, ее тактики и стратегии, науку о марксизме, получившем свое дальнейшее углубление и творческое развитие в практике пролетарской борьбы, собранной под новым именем—ленинизм.

Ленинизм—школа умелого сочетания теории и практики при проведении пролетариатом своей классовой программы, как и марксизм, продукт многолетней и упорной работы, в данном случае, российского пролетариата. Как Маркс, творя теорию классовой борьбы должен был опираться на сумму всех теоретических достижений экономических, общественных и других наук, должен был изучить целую цепь общественных явлений в их историческом развитии и связи, должен был глубоко проанализировать и изучить весь механизм, всю внутреннюю сущность капиталистического общества, чтобы потом основываясь на научных выводах предсказать скорую неминуемую гибель капитализма, классовое восстание и грядущее торжество пролетариата, точно также и политика Коммунистической партии, политика всего рабочего класса в эпоху социалистической революции, выявленная вождем революции—Лениным, основывалась с одной стороны на научной теории пролетариата—марксизме, а с другой на постоянном изучении опыта всех предшествующих революций, каждого вчерашнего дня рабочего движения.

Вот почему нельзя рассматривать огромные достижения Коммунистической партии, в смысле высокого поднятия ее общественно-политического уровня, в области постановки ею массового марксистского образования, ее мировые политические победы, лишь как результат удачно совпавших, счастливо скомби-

нированных обстоятельств. Тактика рабочего класса в период пролетарской революции является закономерным следствием всего предшествующего опыта рабочего движения и научно обоснована марксизмом. Об этом Ленин пишет в своем письме о тактике в апреле 1917 года: «Марксизм требует от нас самого точного, об'ективно проверенного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию безусловному, обязательному с точки зрения всякой научно-обоснованной политики»... «Наше учение не догмы, а руководства для действия»— так говорили Маркс и Энгельс, издеваясь над простым изучением формул различных буржуазных и мелко-буржуазных «социалистических» теорий о пролетарской борьбе».

Нас могут спросить (и представители социал-демократических группировок часто, с видом ученых знатоков, спрашивают) почему это весь вопрос большевицкой тактики мы сосредотачиваем на одной личности Ленина, между тем как марксизм исходит только от коллективного массового творчества и не придает никакого особого значения роли личности в истории. Это самый тупой, недосмысленный, с марксизмом ничего общего не имеющий вопрос, но мы должны на него ответить. Всякий общественный класс в целом никогда не в состоянии понять, охватить всей суммы лежащих перед ним классовых задач, и тем более практически руководить своей политической борьбой. Для этой цели он путем естественного отбора выдвигает из себя коллектив из наиболее ему преданных, наиболее сильных, лучше других осознавших и понявших его задачи людей. Так, рабочим классом был выдвинут свой коллектив—коммунистическая партия, которая вот уже четверть столетия ведет упорную борьбу за полное его освобождение и наиболее полно и правильно отражает его интересы.

Партия, таким образом, качественно значительно сильнее, сознательнее и развитее, чем класс, ею представляемый в целом. Но и она, в свою очередь, отбирает из себя руководителей—наиболее опытных, индивидуально обладающих всеми ее качествами, выпуклей и ярче других отражающих ее интересы.

Тридцать лет назад небольшой передовой группой рабочего класса был выдвинут из своей среды вождем Владимир Ильич Ленин, лучше, правильней других, намечавший и острее поставивший в то время ее задачи и длинный ряд лет борьбы, сопровождавшихся бурями и затишьями в развитии рабочего революционного движения, бывших не раз свидетелями ухода от рабочего класса многих его старых вождей, показал, что выбор произведенный закономерностью коллективного творчества, в отношении Ленина подтвержден всей деятельностью и поведением его как личности. Такое сочетание в одном лице интересов класса, партии, не только не противоречит марксизму, но прямо из него исходит.

Изучая сейчас деятельность Ленина, как вождя и члена Ком-

мунистической партии, изучая его научные труды и литературные работы, мы, тем самым, фактически изучаем весь тот опыт в области развития теории и практики, который вынесла пролетарская партия за двадцать пять лет своей политической борьбы и работы.

Для рабоче-крестьянской молодежи, в первую очередь коммунистической, изучение Ленинизма, в настоящее время, является обязательной и важной задачей. Если старое поколение партийцев и сознательных рабочих имело всегда возможность согласовывать теоретические построения, ставившиеся лучшими теоретиками социализма и классовой борьбы с повседневной практикой этой борьбы на фабриках, заводах, в деревне, то для современной молодежи России эта возможность уже в значительной степени отсутствует. Молодежь воспитывается в обстановке революционного времени, в условиях пролетарской диктатуры, ставящей уже совершенно иные задачи, чем те, которые ставились большевицкой партией и рабочим классом до 1917 года. А потерять революционной молодежи связь с предшествующим опытом пролетарской борьбы и революционных движений, значит парализовать в себе способность делать правильные выводы на сегодняшний день в своей работе.

Деятельность нашей партии, политика и тактика рабочего класса за десятилетие до пролетарской революции наиболее полно отражены в литературных трудах и речах тов. Ленина, собранных в пятнадцати томах его полного собрания сочинений. В них молодежь сумеет найти многое, что даст ей основное представление о прошлой борьбе, об условиях жизни при русском капитализме, о том, какова была политика и задачи рабочего класса и как они развивались.

Русская революция положила начало новой эпохе решительной борьбы за коммунизм в мировом масштабе. Целый длительный ряд тяжелых революционных лет закрепления и организации коммунизма в России, развития коммунистической революции во всем мире, лежит перед пролетарской молодежью. Старое поколение работников физически изживается и уходит и было бы чудовищным, если бы наша партия не сумела передать весь свой опыт подрастающему поколению. Научить подрастающую молодежь и, в первую очередь, коммунистическую, революционной политике с таким рассчетом, чтобы по мере ее приобщения к коммунистическому строительству, она была бы уже вооружена всем опытом, оставленным ей прошлыми годами борьбы и строительства,— вот ближайшая,непосредственная задача коммунистической партии.

Само собой разумеется, что политика еще не усваивается только по книгам и речам лучших ее творцов, что таковую нужно связывать и с нашей обстановкой и с грядущей обстановкой мировой революции, которая сейчас дает не мало практических уроков в повседневной борьбе.

Пролетарской молодежи, учащейся сейчас революционной борьбе пролетариата, значительно легче, чем это было старым ветеранам, начинавшим борьбу. Молодежь имеет богатое наследие долголетней истории рабочего класса, имеет блестящую школу классовой политики и стратегии—школу В. И. Ленина.

Всегда, на всех этапах развития революционного движения в России, анализ, даваемый Лениным, предвидение им, могущей сложиться, обстановки, намечение им тактики рабочего класса, в основном, находилось в полном соответствии с действительными интересами классовой борьбы пролетариата.

Когда стала создаваться большевицкая партия, выделившаяся из общей социал-демократической, Ленин с удивительной прозорливостью и решительностью, вопреки мнению большинства тогда интеллигентов марксистов, предусмотрел необходимость самой строгой рабочей дисциплины в партии с тем, чтобы возможность поступления в ее ряды принадлежала только тем, кто безоговорочно признает программу партии, ее революционную тактику и обяжется их выполнять. И весь последующий ход революции, под руководством большевицкой партии воочию убедил всех, как прав был Ленин, ибо не будь в партии пролетариата крепкой, стальной пролетарской дисциплины и мощной воли к борьбе, она не проделала бы с успехом революции.

В 1905 году, когда после поражения пролетариата, многие старые вожди социал-демократии пророчили рабочему движению длительное затишье и торжество реакции, а рабочих звали строить легальные организации, где они занялись бы крохоборством и выпрашиванием политических подачек, когда эти социал-демократы ставили крест на возможность русского пролетариата заниматься в ближайшее время всякой революционной политикой, большевицкая партия под руководством Ленина поставила вопрос о необходимости укрепления подпольной работы, вовлечения в ее ряды рабочих, работы над развитием классового самосознания пролетариата. Длинная цепь событий последующих лет, бывших свидетелями, как русская социал-демократия бросалась не один раз на соглашения с буржуазией, показали, что Ленин неуклонно вел партию по пути последовательной революционной борьбы, не идя ни на какие уступки и соглашения.

В 1914 г., когда война сеяла сумятицу в головах социалистов всех стран и, в первую очередь, русских социал-демократов, в то время, когда самые старые и лучшие теоретики социализма заняли патриотическую позицию, стали указывать рабочему классу необходимость участия в войне и звать рабочий класс в царскую армию, Ленин, почти единственный среди эмигрантской и западноевропейской социал-демократии, громовым голосом, звучавшим, как голос десятков миллионов сознательных пролетариев всех стран, сказал, что война 1914 г. это угроза пролетариату всех стран и что не мириться с нею надо, а об'явить войне буржуазной войну проле-

царскую. И в последующие годы постепенно, вначале на Циммервальдской конференции, потом на Кинтальской, целые группы и отдельные вожди приходили к положению, выдвинутому Лениным два года назад.

Главный вопрос для российского рабочего движения—о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством—был решен в постановке, данной впервые Лениным, в том смысле, что пролетариат, не упуская и не ослабляя руководства революционной борьбой, должен все время строить свою тактику так, чтобы не отпугивать, а приближать к себе крестьянство. И еще за долгие годы до революции, Ленин предусмотрел даже практическое решение основного вопроса—земельного в момент пролетарской революции, и революция уже фактически осуществила то, что намечалось большевицкой партией раньше.

Через все постановления и резолюции с'ездов социал-демократической партии за все время ее существования, красной нитью сквозит четкая революционно-марксистская мысль о том, что русский рабочий класс не должен дать себя столкнуть с пути подготовки к пролетарской революции, и эти мысли во всех резолюциях с'ездов принадлежат вождю большевицкой партии Ленину.

Быть или не быть Октябрю? Этот вопрос для сотен самых испытанных теоретиков и практиков классовой борьбы был пугалом, и они или не были способны дать на него прямой ответ или давали ответ отрицательный. И здесь Ленин, верный, всегда последовательный, и трезвый революционный большевицкий политик, ответил, что в начавшейся схватке между рабочим классом и крестьянством России с одной стороны, и капиталом с другой, настало время выступить и взять власть в руки рабочих, в руки коммунистической партии.

Брест-Литовский мир, заключенный по предложению Ленина вызвавший недоумение внутри нашей партии со стороны самых видных ее членов, оказался своевременным стратегическим обходом нашей революции, позволившим ей сосредоточить свои силы и энергию в борьбе с внутренней буржуазией. Переход от политики военного коммунизма, неизбежного в первый период пролетарской революции в наших российских условиях, к новой экономической политике, своевременно намеченной Лениным, утвердил то что он проповедывал в партии и рабочему классу десятки лет до революции, т. е. необходимость самой тесной политической и экономической связи между интересами крестьянства и рабочего класса.

Вот как богата эта школа, школа ленинизма, школа последовательной, всегда сообразующейся с данным моментом, но всегда до конца преданной интересам пролетариата, марксистски-революционной политики, тактики и стратегии рабочего класса.

В настоящее время мы стоим накануне нового этапа борьбы

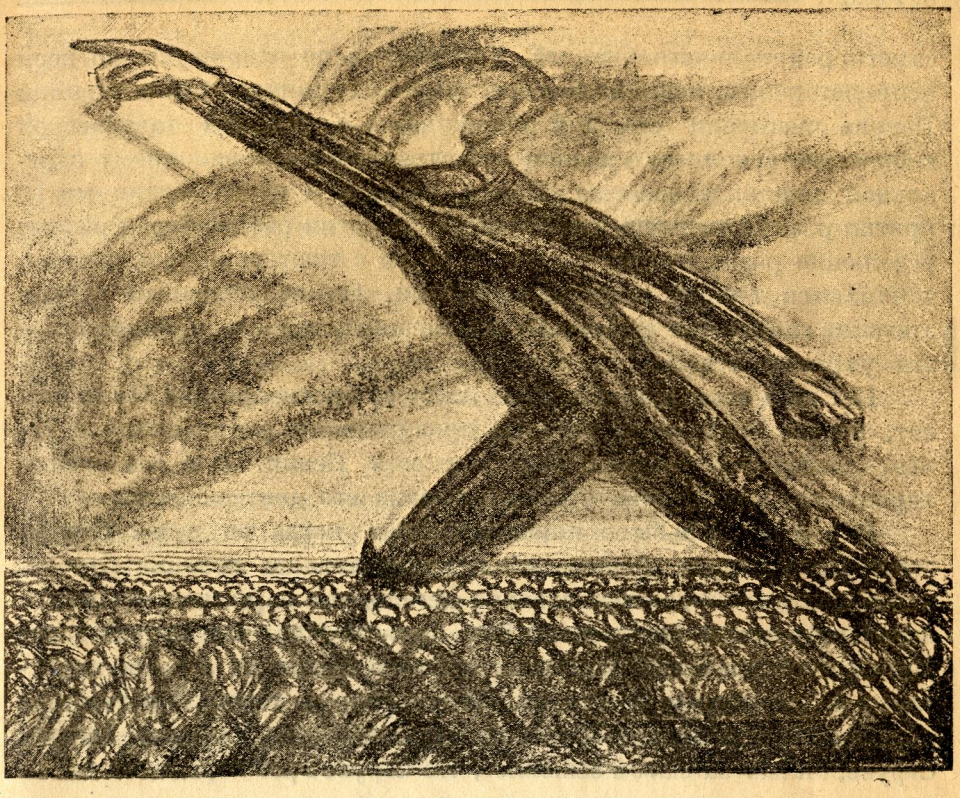
международного пролетариата с капиталом. Первые его отряды в лице германского пролетариата, готовятся и организуются. От нас многое зависит, чтобы сделать успешными грядущие бои, чтобы передать опыт нашей борьбы, помочь усвоить нашу революционную тактику заграничным товарищам и, в частности, рабочей молодежи Германии и других стран, что является как делом нашей партии, так и нашего комсомола. Поэтому следует пожелать, чтобы комсомол, при помощи партии, развернул широкую работу по популяризации, изучению, пропаганде и распространению среди заграничных комсомольских организаций литературы о тактике большевицкой партии в период пролетарской революции.

Наиболее полезной и благодарной задачей в области работы издательства «Молодой Рабочий» будет, если вслед за этой книгой будет издана серия популярных книг, комментирующих различные актуальные вопросы нашей революции, как-то: взаимоотношения рабочего класса с крестьянством в период пролетарской революции, аграрный вопрос, вопросы экономики и т. п. Здесь не требуется выдумывать новых положений, и нужно только в популярных брошюрах изложить отдельные части нашей тактики, отдельные вопросы нашей политики, как они разработаны в трудах Ленина, это и будет учебником молодежи. Как в свое время была целая полоса, когда социалистическая литература работала только над комментированием и популяризацией пролетарской науки-марксизма, так и в настоящее время надо работать над раз'яснением такой же пролетарской науки в области революционной политики—Ленинизма.

Д. Лебедь.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ



Вождь. Кулак.

К. РАДЕК.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЖДЬ.

Западно-европейские рабочие видят в Ленине олицетворение русской революции. А считая ее первым отрядом мирового восстания, они видят в нем вождя мировой революции. Что представляет собою Ленин? Этого они не знают и не могут знать, ибо понять значение Ленина—это означает продумать историю русской революции и сделать из нее все выводы для тактики пролетариата и мировой революции. Ленин—квинт-эссенция рабочей русской революции. Он, можно сказать, олицетворение ее коллективного ума и ее смысла. Поэтому, так важно для западно-европейских рабочих знать Ленина.

На деле знать Ленина означает понимать задачи коммуниста в мировой революции. Если взять самую общую формулу существа ленинской политики, то она состоит в гармоническом соединении

самого радикального анализа, критицизма по отношению ко всем непролетарским, некоммунистическим тенденциям,—это противники Ленина называли его доктринерством,—с великой тактической гибкостью, с полным умением считаться по революционному с реальной действительностью. Ленин написал в своей жизни мн го критик разных теоретических учений, он сотни раз разбирал разные резолюции разных политических течений с тщательностью, с какой занимаются теологи изучением библии. Но излюбленным словом этого же самого человека является английская пословица: «факты— это упрямые вещи».

Нет ли в этом реализме беспощадного противоречия? Не только нет, но это соединение глубоко продуманного радикализма с самым настоящим реализмом—это и есть Ленин. Это соединение характерно для Ленина с самого начала его деятельности.

В момент борьбы с народничеством, когда во главе борьбы стоит Петр Струве, Ленин сумел, путем анализа позиции Струве, разоблачить в тогдашнем главаре легального марксизма будущего идеолога русской буржуазии. Ему недостаточно, что Струве доказывает нео бходимость капиталистической стадии на пути к пролетарской революции в России. Рассматривая самым тщательным образом формулировку критики народничества, данной Петром Струве, он шаг за шагом выясняет, что Струве враг народничества не потому что в народничест е недостаток революционного реализма, не потому, что народники не понимают роли пролетариата в будущей русской революции, а потому, что Петр Струве за капитализм в то время, когда они хотели бы перескочить этап капиталистического развития. Нужен был глубокий радикализм Ленина, чтобы разглядеть в тогдашнем Петре Струве сегодняшнего Петра Струве.

А как же обстояло дело с возникновением меньшевизма? Совместно с Плехановым, Аксельродом, Мартовым издает Ленин «Искру». Об'единены они все б рьбою за марксизм на всех фронтах, об'единены великим подвигом создания общерусской революционной организации. Намечаются вдруг разногласия, казалось бы, по совершенно второстепенному вопросу—по вопросу об организации.

В этих разногласиях дело идет сначала об определении круга лиц, принадлежащих к партии. Казалось бы, чисто формальный вопрос. Но расхождение в этом вопросе вскрывает ни более, ни менее, как разницу не только во взглядах на характер революции, разницу в тенденциях, представляемых разными частями революционной интеллигенции, входящей в состав социал-демократической партии. Ленин пытается отстоять независимость партии от мелкобуржуазных тенденций симпатизирующей социализму интеллигенции, которая примыкала к марксизму, ибо марксизм выражал самым радикальным образом ее оппозицию против царизма.

Путем теоретического анализа Ленин находит в зачатках меньшевистской идеологии своих вчерашних ближайших друзей идеологию компромисса с буржуазией, будущую идеологию меньшевизма. Как смеялись многие из заграничных социалистов, когда им рассказывали, что в русской социалдемократии происходит раскол из-за определения параграфа, говорящего о том, кто состоит членом партии.

Кто из европейских социалистов, хотя на момент, мог бы предположить, что этот спор о том, кто может считаться членом партии, будет через пятнадцать лет решаться с оружием в руках, как спор о том, должен ли рабочий класс брать в свои руки власть или должен плестись в хвосте буржуазии?

Мы могли бы таких примеров дальновидности Ленина привести еще десятки, но это требовало бы черезчур длинной экскурсии в историю русской революции. Мы остановимся на том основном, что видно из этих двух приведенных примеров, что имеет громаднейшее значение для западно-европейских коммунистов. Источником дальновидности Ленина, которую считали доктринерством, является марксизм, который вошел у него в плоть и кровь. Теперь, когда ход революции приводит к нам не только миллионы впервые проснувшихся рабочих, рабочих безо всякого революционного опыта, безо всякого революционного сознания, но также и тысячи революционеров из мелко-буржуазной интеллигенции, пропитанных насквозь тысячью буржуазных предрассудков, претендующих на роль идеологических обновителей затхлого рабочего движения,— это специально важно подчеркнуть.

Марксизм научил Ленина твердо понимать, что идеи не являются случайностью, если они охватывают какие-либо значительные группы. Марксизм научил Ленина искать за теоретическими разногласиями разногласия социальные, разногалсия между классами, или противоречия в самом рабочем классе, который не представляет собою чего-либо абсолютно однородного, а разные степени перехода от буржуазии к пролетариату.

Подобно тому, как практики старого рабочего движения высмеивали марксистский анализ и, не видя дальше носа, путались в лабиринте социальных явлений, также и молодые коммунистические элементы, не прошедшие школу коммунизма, считают, что достаточно быть вооруженным революционным воодушевлением и обладать достаточным количеством революционных фраз, чтобы справиться с самыми сложными вопросами. Старые «практики» ссылались на свой опыт; молодые запално-европейские коммунисты, не будучи в состоянии сослаться на революционный опыт, выдвигают свою революционную волю, свое революционное чутье, как средство познания действительности.

Львівська державна наукова бібліотека
№ 2983

Львів. бібліотека

Но ни опыт старых «практиков», ни революционное чутье не давали возможности ориентироваться на счет смысла расхождения между большевиками и меньшевиками в их начальной стадии, ибо когда дело идет о будущем, опыт о нем ничего не может сказать, а что касается революционной воли и чутья, то это факторы вполне суб'ективные. Суб'ективно всякий оппортунист может чувствовать очень революционно. Только точный анализ уклона мысли, выяснение его последствий и его источников, т. е. выяснение того, что при данном соотношении социальных сил может скрываться за уклоном политического направления, позволяет ориентироваться в значении нового намечающегося направления, может позволить дознаться, какая социальная группа, какой социальный интерес скрывается за ним.

«Доктринерство» Ленина было ни чем другим, как методичной рекогносцировкой в области классовой борьбы, посылкой в стан врагов разведчиков. Остро отделяя марксистскую постановку вопроса от всех примесей и придатков, Ленин отмежевывал интересы рабочего класса от интересов всех других классов. То, что противники называли доктринерством, была громадной важности предварительная работа над формированием отрядов будущей рабочей армии. Но Ленин исполнял не только эту работу: определяя классовые интересы пролетариата, в противоположность интересам всех других классов, установлял позицию рабочего класса. Он, при помощи той же марксистской теории, искал союзников для рабочего класса, пытался выяснить, не идут ли известные интересы других классов, хотя бы до известного пункта, в том же самом направлении, как и интересы рабочего класса.

Когда Ленин принял участие в борьбе с народничеством, с направлением, которое указывало на крестьянство, как на социальную базу русской революции, он сумел в борьбе против романтики народников не забыть вопроса, не является ли крестьянство, вследствие условий своего быта, будущим союзником гегемона революции, рабочего класса. Отмежевание интересов рабочего класса не помешало Ленину в его попытке выяснения роли крестьянства, как попутчика пролетариата в революционном движении. Тут марксистский «доктринер» уже доказал на деле, что марксизм является не помехой, а помощью в реальной революционной политике.

Эта реальная революционная политика знаменовала политическую линию Ленина во всей истории русской революции. Если между задачами вождя рабочего класса в период, когда этот класс находится в оппозиции к капиталистическому обществу и задачами вождя пролетариата после захвата государственной власти существует глубокая разница, то она не существует в политических методах руководства пролетарской партии в оба эти периода борьбы.

В период борьбы за власть революционный вождь должен направлять все силы рабочего класса для радикального штурма на окопы противника. Он должен пытаться, по возможности, сдвинуть влево центр тяжести капиталистического общества и государства.

В период после захвата власти задача его состоит в том, чтобы вести всю передовую массу, всю эту армию, состоящую не только из авангарда, но и из арьергарда, на бой. Но в одном и другом случаях он должен считаться с фактами, и вся революционная деятельность Ленина за двадцать лет борьбы, предшествовавшей захвату власти рабочим классом, была для него подготовкой к его теперешней деятельности государственного мужа русского рабочего класса.

Мы часто спрашиваем друг друга, откуда взялся в революционной сфере, в революционной нелегальной организации человек, умеющий так великолепно оценивать соотношение сил, схватывать, как далеко можно итти в данный момент, определять, чего можно требовать от рабочего класса, какие задачи можно ставить советскому государству и какие выше его сил. Ведь, революционная нелегальная партия самым своим положением толкается к тому, чтобы переоценивать роль революционной воли; ведь она, партия— в первую очередь агитационная, т. е. партия, призывающая пролетариат к напряжению сил.

Но кто внимательно проследит революционное прошлое Ленина, тот заметит, как во всякий момент своей революционной деятельности он и в прошлом, в зависимости от соотношения сил, менял тактику. Сколько раз за это хулили его «оппортунистом». Достаточно вспомнить, что Ленин, отстаивавший весной 1906 года, когда казалось, что волна революции еще поднимается, бойкот первой Думы, осенью того же года, когда факты доказали ему, что революция идет на убыль, выступил поборником участия рабочих в выборах в эту царскую конюшню. Считаясь с тем, что пока что не стоит на очереди массовая схватка, при которой царская говорильня могла бы скрывать фактическое поле сражения, он понимал, что та же самая говорильня в эпоху отлива может послужить трибуной для революционной агитации и средством для революционной организации. Тут проявилась вся гибкость ленинского «оппортунизма», который имел тот же самый источник, что и его «доктринерство». Этим источником был марксизм, который не знает постоянных отношений данного класса к данным формам борьбы, а требует постоянной перемены тактического фронта, стратегического плана, в зависимости от перемечы в общественном соотношении сил.

Если что нас удивляет в деятельности Ленина, как руководителя пролетарского государства, — оно удивляет не только нас,

но весь буржуазный мир—это его решительный переход от общей революционной агитации против всего империалистического мира к капитуляции перед германским империализмом, от нее к попытке сделки с англо-американским империализмом а когда она не удалась, к самой решительной борьбе с ним, после же ее победоносного конца к новой попытке сделки с империализмом, но уже не на брестской основе. Все это является образцовым применением марксистского метода к оценке положения.

Точно так же как в области внешней политики, дело обстоит с политикой Ленина в области борьбы на внутреннем фронте. После захвата власти в октябре 1917 года, он самым решительным образом пытается сломить саботаж буржуазной интеллигенции, чтобы привлечь ее как элемент социалистического строительства. После того, как коммунистическая партия повела за собой все крестьянство в бой против помещиков и капиталистов, взявшая власть в руки, она, под руководством Ленина, пытается внести расслоение между крестьянами, отделить от них бедноту, построить советскую цитадель в деревне. Но когда нажим мирового капитализма в 1917—1919 годах принуждает концентрировать все силы на борьбу с большой буржуазией, с мировой буржуазией, Ленин провозглашает попытку компромисса со средним крестьянством, ибо ясно, что в данный момент русский деревенский мелкий буржуа менее опасен, чем владыка мировой буржуазии американских и английских трестов.

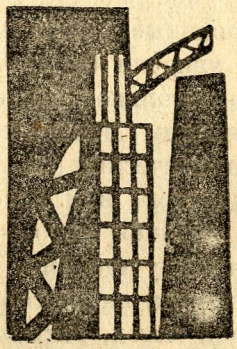
Во всех перепетиях классовой борьбы, во всех зигзагах, по которым движется вперед революция пролетариата, Ленин не забывает основной азбуки марксизма, не забывает того факта, что гегемоном революции является пролетариат. Связь с пролетариатом стоит для Ленина выше всего. На вопрос, как он борется против сектантского ухода от масс и оппортунистических устремлений революционного авангарда пролетариата в его массе—это вопрос, стоющий самого внимательного отношения со стороны европейских коммунистов.

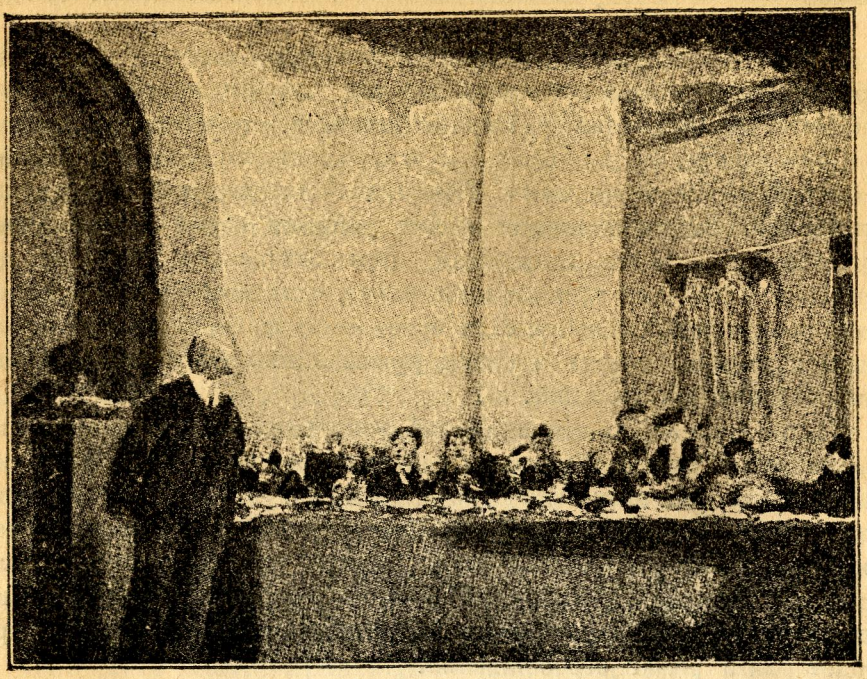
Когда после поражения первой революции, массы, пробужденные ею к массовой организации, к массовой деятельности, пытаются сохранить профессиональные союзы, эти союзы находятся под стопой победоносного царизма, многие товарищи видят в них столыпинские участки, но не организации рабочего класса. Тогда Ленин дает пароль не уходить от профессиональных союзов, а войти в них, раздвигать их рамки, втягивать их в революционную борьбу, которая надвигается, делать из них орудие революционной борьбы, в противовес оппортунистам, которые стремились использовать их для создания легальной работы партии на почве и в рамках столыпинского режима.

Когда, во время мартовской революции, советы оказались в большинстве своем соглашательскими, это ни на один момент не сбивает Ленина с толку. Видя в них массовые органы пролетарской революции, он защищает самую интенсивную, упорную борьбу за обладание этими советами. Гениальный стратег и тактик пролетарского движения понимает всеми фибрами своей души, всеми нервами своего мозга и ощущает прямо физически, что никакая стратегия и никакая тактика не помогут, если коммунизм не будет иметь обеспеченной базы, т. е. не будет иметь за собой пролетарской массы и не будет иметь в своих руках линий постоянной связи, т. е. рабочих организаций.

Ленин, как вождь пролетарской революции—это олицетворение марксизма в действии. Изучение революционной деятельности Ленина представляет поэтому одну из самых насущных практических потребностей Коммунистического Интернационала. В неслыханно-тяжелых, сложных условиях приходится работать коммунистам Западной Европы и Америки. Практика русской рабочей революции осветила и им общий путь к победе, указав им в диктатуре пролетариата рычаг освобождения.

Путь, ведущий к диктатуре пролетариата на Западе, рабочие должны прокладывать себе среди другой группировки социальных сил, чем в России. Это требует от них, самостоятельной ориентации, требует от них отказа от применения русского шаблона, требует гибкости ума, самостоятельности решений. Ничто не может лучше помочь им в этой сложной задаче, как близкое знакомство с практическими развитием русского большевизма и его вождя Ленина. Лучше, чем от кого бы то ни было, могут западно-европейские коммунисты научиться от Ленина соединению самой смелой, самой революционной политики с реалистическим учетом сил.





Речь Ленина на 1-ом заседании ВЦИК'а. Пастернак.

Н. БУХАРИН

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕОРЕТИК.

Теперь уже весь мир знает, что Ленин—величайший вождь масс, гениальный тактик и революционный стратег. Это знают не только широкие рабочие массы: даже политические противники, квалифицированные вожди мирового империализма, которые с удовольствием увидели бы труп пролетарского вождя, открыто признают его колоссальное значение.

Но сравнительно немногим Ленин известен, как блестящий т е о р е т и к, тонкий аналитический ум, несравненный мастер общественных наук. А между тем, нам ясно, что текущая политическая борьба есть такое сложное дело, что правильная тактика должна покоиться на точном учете сил, покоиться на глубоком понимании данной кон'юнктуры, на способности предсказывать будущее. Эту возможность дал метод, выработанный гением Маркса. Марксистский метод явился превосходнейшим оружием в руках рабочего класса. Но никто из марксистов не владел и не владеет этим методом так, как владеет им Владимир Ильич. «Философы

до сих пор об'ясняли мир, а все дело в том, чтобы его изменить». В этих словах Маркс характеризовал самую глубину своего метода и своего собственного существа.

Марксизм есть теоретическая практика и практическая теория, изменяющая мир. Ленин, как никто более, воплотил это существо революционного марксизма. Теория, как об'бщенная практика, практика, как прикладная теория—это синтез теоретической и практической борьбы. Революционное их единство с необычайной выпуклостью выражено во всей деятельности Владимира Ильича. Он в с е г д а, даже среди классовой борьбы, занимался теоретическими вопросами, но н и к о г д а эти теоретические вопросы не были оторваны у него от практики. Его практика и есть практика революционера. Такой же является и его теория.

Еще на заре марксистского движения, когда обсуждался вопрос о «судьбах капитализма в России», Ленин занял выдающееся место среди русских экономистов. Его ум подмечал все противоречия развития, всю его революционную сущность. Народники в крестьянстве видели трудовую идеальную гармоническую крепость, на которой созиждется церковь будущего.

Ленин беспощадно высмеивал борцов этой приглаженной действительности. А правда ли, что это единый клас, а не выделяются ли кулацкие хозяйства с наемным трудом, а не растет ли число безлошадных? Вот вопрос, который ставил Ленин, и в ряде блестящих работ («Критика экономического романтизма» и другие статьи, потом вошедшие в сборник «Аграрный вопрос», «Развитие капитализма в России» и т. д.), он показал, как развивается в России капилизм, как растет пропасть между бедняком и кулаком, как кулак, ростовщик, капиталист начинает выплывать на поверхность. Народническое «мирное житие», учение, что все на Шипке спокойно, что все крестьяне одинаковы, что капитализму в России не бывать,— Ленин разнес в пух и прах, вздорную болтовню тех, кто хочет п р и к р ы т ь разницу между кулаком и бедняком, но защищает интересы кулака п р о т и в интересов бедняка.

Книгу Ленина, которую он писал в сибирской ссылке, некоторые марксисты называли блестящей, но сухой и черезчур ученой работой. Что она была ученейшим сочинением, которое вынуждены были рекомендовать студентам все мало-мальски грамотные профессора, ибо ее нельзя было замолчать—с этим нужно согласиться. Ленин проявил себя здесь, как единственный в своем роде софистик и крупнейший аналитик. Но неправда, что она суха, что мысль ее безжизненна. Гораздо более прав был наш прежний соратник, а теперь враг В. Базаров, который писал, что у Ленина каждая цифра дышет революционной ненавистью к господствующим классам.

Против народников выступили не только марксисты-революционеры. В марксистской школе появились и будущие деникинские министры, рыцари российского капитализма, грядущие соратники Рябушинских и Путиловых, профессора, приват-доценты, ученые: Струве, Туган-Барановский, Булгаков и пр. Струве написал даже первый социал-демократический манифест. Но Ленин в ученой лисе, Струве, сразу почувствовал предателя и лжеца. Струве также называл себя марксистом. Он также проповедывал против народников. Но его марксизм был не марксово учение о ниспровержении капитализма, а тщательный анализ «хороших свойств» этого капитализма, его прогрессивности, благопристойности, необходимости и пр., не тем анализом роста противоречий, которые приводят к восстанию пролетариата. А в этом последнем и состоит душа марксизма.

Владимир Ильич пошел в бой с открытым забралом. Выхолощенный, буржуазный, фальсифицированный марксизм Струве, который провозгласил основным лозунгом «на выучку к капитализму», — Ленин опрокинул навзничь теоретическим оружием настоящего революционного марксизма. Во всех вопросах теории, был ли то вопрос о рынках, или вопрос о дифференциации крестьянства или вопрос об общинах, или вопрос о русской промышленности и ее судьбах, — Ленин с удивительной зоркостью подмечал то, что было скрыто от других, — все явления, все силы, которые двигают вперед, ведут к росту пролетариата, к его сплоченности, к его восстанию, к его победе.

Когда в германской социал-демократии возникло ревизионистское течение, критиковавшее Маркса и его учение о неизбежности пролетарской революции и выставлявшее положение о мирном характере капиталистического развития, Ленин выступил снова с рядом работ. Особенно излюбленной темой был у него аграрный вопрос. Самую сухую теоретическую вещь (в роде спора о законе убывающего плодородия почвы, о теории ренты) Ленин анализировал так точно, ясно и так революционно, что его работы являются образцом (такова, например, его небольшая работа «Аграрный вопрос и критики Маркса»).

Глубочайшее теоретическое понимание развития подготовило ту ясную тактическую позицию, которую наша партия заняла в революции 1905 года.

Но вот наступает полоса контр-революции. Начинается усвоение пережитого вместе с тем и поиски дальнейших путей. Среди части социал-демократов обнаруживаются колебания в сторону от материалистической философии. Владимир Ильич бросается в бой и на этом фронте. Он выступает с толстым томом «Заметки об одной

реакционной философии», дающим острую критику нематериалистической теории познания.

В одном «серьезном» буржуазном издании рецензент книги Ленина писал, отдавая должное ясности мысли, что не было книги, в которой самые абстрактные философские понятия сочетались бы с такими ругательными эпитетами, как в этой работе. Но смиренномудрый автор рецензии не догадывался, что и здесь у Ленина была борьба, в которой противнику не могло быть пощады, если он заслуживал осуждения, ибо и в философии для Ленина дело шло не о самоуслаждении глубокомысленными изысканиями, а об основательной борьбе.

На заре нового под'ема движения разражается война. Перед спутанным сознанием рабочего класса встает ряд важнейших проблем. —

Корни войны, ее смысл и значение—все это прежде всего нужно понять. На сцену выступили под марксистским флагом самые ярые осквернители марксизма. Владимир Ильич садится за изучение вопроса об империализме и в ряде новых работ вскрывает всю фальшь каутскианских теорий. Противоречивый характер развития, неизбежность хода к катастрофе—вот что прежде всего отмечал Ленин. «Финансовый капитализм может быть мирным», говорил Каутский. «Все, что происходит, имеет свое оправдание», писал Кунов. И те, и другие плевали на Маркса. А Ленин брал сухие цифры, анализировал капиталистическое развитие последних лет и с точностью астронома швырял в лицо врагам революции безусловное, мужественное, научное предсказание революционной грозы.

Жизнь оправдала теорию Ленина, потому что эта теория была глубочайшей теорией общественного развития, которая видит на несколько лет вперед, потому что она была р е в о л ю ц и о н н о й т е о р и е й.

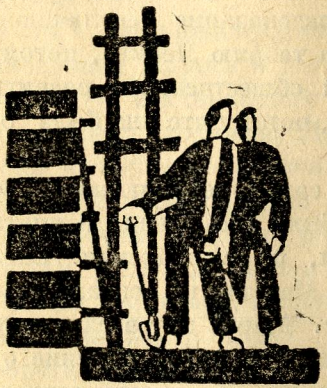
Но, быть может, самым гениальным теоретическим построением Владимира Ильича было его учение о диктатуре пролетариата, о ее роли, о ее формах, о ее значении. Здесь Ленин не только разрабатывал учение Маркса, но создал целую новую т е о р е т и ч е с к у ю ш к о л у. Маркс мог в самых острых чертах наметить линию. Ленин завершил это дело. Учение о диктатуре пролетариата и Советской власти—освещение современного пролетарского движения, которое Ильич с величайшей теоретической смелостью впервые изложил в своих знаменитых «тезисах» на апрельской конференции 1917 года. Маркс писал однажды, что суть его учения состоит не в теории классовой борьбы, ибо классовая борьба была открыта до него, а в том что развитие капитализма приводит неизбежно к диктатуре пролетариата. Учение Ленина касается лишь следующей исторической ступени, и так как Ленин не только ге-

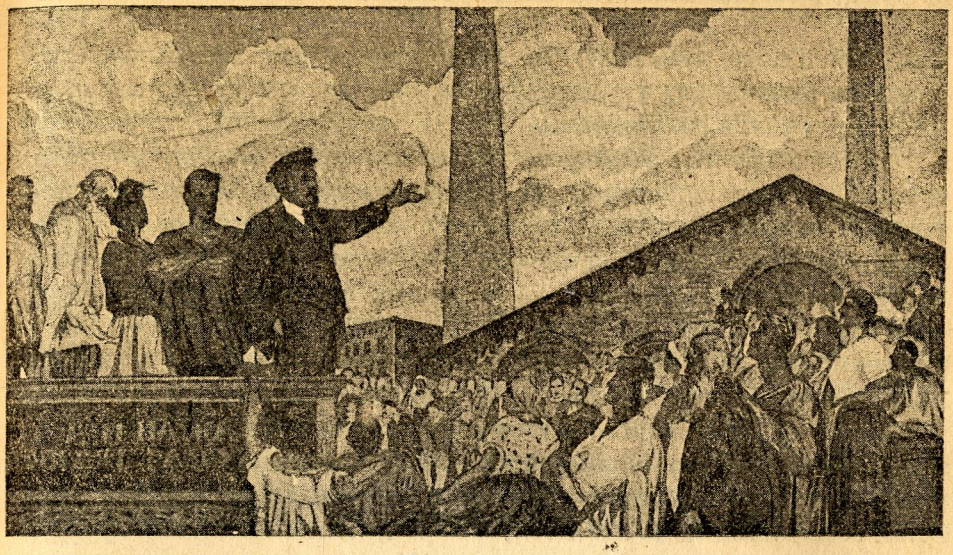
ниальный теоретик, обществовед, но и популярный работник-писатель, его теория становится силой, ибо ею овладевают массы.

Творца научного коммунизма, Маркса, буржуазно-либеральные профессора травили за «его бездушность», «пафос ненависти» и пр. Маркс был пламенным революционером, действительно ненавидящим священной ненавистью рабский строй, в котором кучка «цивилизованных варваров» угнетала миллионы рабов, но все видели гигантский рост этого великана мысли.

Теперь, когда раскрыты все классовые карты, буржуазные идеологи начинают признаваться, что большевизм и есть самый доподлинный марксизм. Так пишет профессор Зомбарт в своей новой работе «Основы социализма», так пишет Струве. Но они в ужасе смотрят на большевизм и его мирового вождя, ибо «красный призрак коммунизма» одевается плотью и кровью, вооружается острым оружием критики и ктитикой оружия ниспровергает ненавистный капитализм.

Живое воплощение теоретического и практического разума рабочего класа, Ленин руководит этой победоносной борьбой. Мы все, его ученики и товарищи, твердо надеемся, что вместе с ним увидим и день нашей мировой победы, с которой начнется действительная история освобожденного человечества.





Ленин на трибуне. В. Щербаков

И. СТАЛИН

ОРГАНИЗАТОР И ВОЖДЬ Р. К. П.

Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя «подлинно» марксистскими. И все таки они далеко не тождественны; более того, между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом—такова основная болезнь этой группы. Отсюда разочарования и вечное недовольство судьбой, которая сплошь и рядом подводит ее, оставляет с «носом». Имя этой группы—меньшевизм (в России), оппортунизм (в Европе).

Товарищ Тышко (Иогихес) на лондонском с'езде довольно метко охарактеризовал эту группу, сказав, что она не стоит, а лежит на точке зрения марксизма.

Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется, — вот на что, главным образом, обращает свое внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий.

В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим, собственно, и об'ясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом, и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы о б ' я с н и т ь мир, а должны итти дальше с тем, чтобы и з м е н и т ь его. Имя этой группы—большевизм, коммунизм.

Организатором и вождем этой группы является Ленин.

ЛЕНИН, КАК ОРГАНИЗАТОР.

Образование пролетарской партии в России протекало при особых условиях, отличных от условий на Западе в момент организации там рабочей партии. На Западе, во Франции, в Германии, рабочая партия вышла из профессиональных союзов в условиях легального существования союзов и партий, в обстановке после буржуазной революции, при наличии буржуазного парламента, когда пробравшаяся к власти буржуазия стояла лицом к лицу против пролетариата.

В России, наоборот, образование пролетарской партии происходило при жесточайшем абсолютизме, в о ж и д а н и и буржуазно-демократической революции. С одной стороны, партийные организации переполнялись буржуазными «легально-марксистскими» элементами, жаждущими использования рабочего класса для буржеазной революции, с другой стороны, лучшие партийные работники вырывались царской жандармерией из рядов партии; между тем нарастание стихийного революционного движения требовало наличия стойкого, сплоченного и достаточно конспиративного боевого ядра революционеров, могущего направить движение на свержение абсолютизма.

Задача состояла в том, чтобы отделить овец от козлищ, отмежеваться от чужаков, организовать кадры опытных революционеров на местах, дать им ясную программу и твердую тактику, наконец собрать эти кадры в единую боевую организацию профессиональных революционеров, достаточно конспиративную для того, чтобы устоять против жандармских набегов, но вместе с тем достаточно связанную с массами для того, чтобы повести их в нужную минуту на борьбу.

Меньшевики, те самые, что «лежат» на точке зрения марксизма, решали вопрос просто: так как на Западе рабочая партия вышла из беспартийных профессиональных союзов, борющихся за улучшение экономического положения рабочего класса, то в России следует проделать, по возможности, то же самое, т. е. пока ограничиться «экономической борьбой рабочих с хозяевами и правительством» на местах, не создавая обще-русской боевой организации, а потом, потом... если не появятся к тому времен профессиональные союзы, созвать беспартийный «рабочий с'езд» и об'явить его партией.

О том, что этот «марксистский план» меньшевиков, утопический для русских условий, предполагает тем не менее широкую агитационную работу, направленную на принижение идей партийности, уничтожение партийных кадров, оставление пролетариата без своей партии и отдачу рабочего класса на с'едение либералам,—об этом едва ли тогда догадывались меньшевики, да, пожалуй, и многие из большевиков.

Величайшая заслуга Ленина перед русским пролетариатом и его партией состоит в том, что он раскрыл всю опасность меньшевистского организационного «плана» еще в тот момент, когда «план» был едва зачат, когда сами авторы «плана» с трудом представляли ясно его очертания, и, раскрыв его, открыл бешеную атаку против организационной распущенности меньшевиков, сосредоточив все внимание практиков на этом вопросе. Ибо речь шла о существовании партии, о жизни и смерти партии.

Поставить обще-русскую политическую газету, как центр стягивания партийных сил, организовать стойкие партийные кадры на местах, как «регулярные части» партии, собрать эти кадры воедино через газету и сплотить их в обще-русскую боевую партию с резко обозначенными границами, с ясною программою, твердой тактикой, единой волей,—вот какой план развил Ленин в своих знаменитых книжках: «Что делать», «Шаг вперед, два назад».

Достоинство этого плана состояло в том, что он вполне отвечал русской действительности и мастерски обобщал организационный опыт лучших практиков В борьбе за этот план большинство русских практиков решительно пошло за Лениным, не останавливаясь перед расколом. Победа этого плана заложила фунда-

мент той сплоченной и закаленной коммунистической партии, равной которой не знает мир.

Нередко наши товарищи (не только меньшевики!) обвиняли Ленина в чрезмерной склонности к полемике и к расколу, в борьбе с примиренцами и пр. Несомненно, и то и другое имело место в свое время. Но не трудно понять, что наша партия не могла бы избавиться от внутренней слабости и расплывчатости, она не могла бы достичь присущей ей силы и крепости, если бы она не изгнала из своей среды непролетарские, оппортунистические элементы.

В эпоху буржуазного господства пролетарская партия может расти и крепнуть лишь в той мере, в какой она ведет борьбу с оппортунистическими анти-революционными и анти-партийными элементами в своей среде и в рабочем классе. Лассаль был прав, говоря: «партия укрепляется тем, что очищает себя». Обвинители обычно ссылались на германскую партию, где процветало тогда единство. Но, во-первых, не всякое единство является признаком силы; во-вторых, достаточно взглянуть теперь на бывшую германскую партию, разодранную на три партии, чтобы понять всю фальшь и мнимость «единства» Шейдемана и Носке с Либкнехтом и Люксембург. И как знать, не лучше ли было бы для германского пролетариата, если бы революционные элементы германской партии своевременно раскололись с анти-революционными ее элементами...

Не правда ли, Ленин был тысячу раз прав, ведя партию по пути непримиримой борьбы с анти-партийными и анти-революционными элементами: только в результате такой организационной политики могла создать в себе партия то внутреннее единство и поразительную сплоченность, обладая которыми она безболезненно вышла из июльского кризиса при Керенском, вынесла на своих плечах октябрьское восстание, без потрясений перенесла кризис Брестского периода, организовала победу над Антантой и, наконец, достигла той невиданной гибкости, благодаря которой она в состоянии в любой момент перестроить свои ряды и сосредоточить сотни тысяч своих членов на любой большой работе, не внося замешательства в свою среду.

ЛЕНИН, КАК ВОЖДЬ Р. К. П.

Но организационные достоинства Р. К. П. представляют лишь одну сторону дела. Партия не могла бы вырасти и окрепнуть так быстро, если бы политическое содержание ее работы, ее программа и тактика не отвечали русской действительности, если бы ее лозунги не зажигали рабочие массы и не толкали вперед революционное движение. К этой стороне дела перейдем сейчас.

Русская буржуазно-демократическая революция (1905 г.) протекала при условиях, отличных от условий на Западе во время революционных переворотов, например, во Франции и в Германии.

Революции на Западе разыгрывались в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и повести их на борьбу с аристократией.

В России, наоборот, революция (1905 год) началась в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы: сравнительно многочисленный и сплоченный капитализмом русский пролетариат имел уже ряд боев с буржуазией, имел свою партию, более сплоченную, чем буржуазную, и свои классовые требования; русская буржуазия, жившая к тому же заказами от правительства, была достаточно напугана революционностью пролетариата для того, чтобы искать союза с правительством и помещиками против рабочих и крестьян. Тот факт, что русская революция вспыхнула в результате военных неудач на полях Манчжурии, лишь форсировал события, ничего, однако, не меняя в существе дела.

Обстановка требовала, чтобы пролетариат стал во главе революции, сплотил вокруг себя революционное крестьянство и повел решительную борьбу против царизма и против буржуазии одновременно во имя полной демократизации страны и обеспечения своих классовых интересов.

Но меньшевики, те самые, что «лежат» на точке зрения марксизма, решали вопрос по-своему: так как русская революция буржуазна, а в буржуазных революциях руководят представители буржуазии (см. историю французской и германской революции), то пролетарит не может быть гегемоном русской революции; руководство должно быть предоставлено русской буржуазии, той самой которая против революции; крестьянство также должно быть предоставлено попечению буржуазии, а пролетариату следует оставаться в положении крайней левой оппозиции. И эти пошлые перепевы плохоньких либералов выставлялись меньшевиками, как последнее слово «подлинного» марксизма.

Величайшая заслуга Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской «схемы революции», отдающей рабочее дело на с'едение буржуазии. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства вместо диктатуры буржуазии, бойкот булыгинской думы и вооруженное восстание вместо участия в думе и органической работы в ней, идея «левого блока», после того, как дума все же состоялась

и использование думской трибуны для внедумской борьбы вместо кадетского министерства и реакционного «бережения» думы, борьба с кадетской партией, как контр-революционной силой, вместо блока с ней,—вот какой тактический план развил Ленин в своих знаменитых брошюрах: «Две тактики», «Победа кадетов».

Достоинство этого плана состояло в том, что он, прямо и решительно формулируя классовые требования пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции в России, облегчал переход к революции социалистической, носил в себе в зародыше идею диктатуры пролетариата. В борьбе за этот тактический план большинство русских практиков пошло за Лениным решительно и бесповоротно. Победа этого плана положила фундамент той революционной тактике, благодаря которой потрясает ныне наша партия основы мирового империализма.

Дальнейшее развитие событий, четырехлетняя империалистическая война и потрясение всего народного хозяйства, февральская революция и знаменитое двоевластие, временное правительство, как очаг буржуазной контр-революции, и Петроградский Совет, как формула зарождавшейся проелтарской диктатуры, октябрьский переворот и разгон учредилки, упразднение буржуазного парламентаризма и провозглашение Республики Советов, превращение войны империалистической в войну гражданскую и выступление мирового империализма вкупе с «марксистами» на словах против пролетарской революции, наконец, жалкое положение меньшевиков, уцепившихся за учредилку, выброшенных пролетариатом за борт и прибитых волной революции к берегам капитализма,— все это лишь подтверждало правильность основ революционной тактики, формулированной Лениным в «Двух тактиках». Партия, имеющая в руках такое наследство, могла бы плыть вперед смело, не боясь подводных камней.

* * *

В наше время пролетарской революции, когда каждый лозунг партии и каждая фраза вождя повторяется на деле, пролетариат пред'являет своим вождям особые требования. История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей, но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями; ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика). Таковы, напр., Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Есть и другого рода вожди, вожди мирного времени сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы.

Такие вожди популярны лишь в верхнем слое пролетариата и то лишь до известного времени: с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям, таковы, напр., Плеханов в России, Каутский в Германии.

Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения. П. Аксельрод, когда он был марксистом, писал о Ленине, что он «счастливо соединяет в себе опыт хорошего практика с теоретическим образованием и широким политическим кругозором» (см. предисловие П. Аксельрода в брошюре Ленина «Задачи русских социал-демократов»). Что сказал бы теперь о Ленине идеолог капитализма г. Аксельрод, не трудно догадаться. Но для нас, знающих Ленина близко и могущих смотреть на дело об'ективно, несомненно, что это старое качество вполне сохранилось в Ленине. В этом нужно искать психологическое об'яснение того факта, что Ленин, и именно он, является ныне вождем самой сильной и самой закаленной в мире пролетарской партии.

Л. ТРОЦКИЙ

ЛЕНИН, КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП.

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Он лучше всего характеризуется непримиримым разрывом в первые дни мировой войны с той подделкой под интернационализм, которая господствовала во втором Интернационале. Оффициальные вожди «социализма» примиряли с парламентской трибуны интересы отечества с интересами человечества отвлеченными доводами в духе старых космополитов. На практике это вело, как мы знаем, к поддержке грабительского отечества силами пролетариата.

Интернационализм Ленина—никак не формула словесного примирения национального с интернациональным, а формула международного революционного действия. Мировая территория, захваченная так называемым цивилизованным человечеством, рассматривается, как единое поле гигантской борьбы, составными элементами которой являются отдельные народы и их классы. Ни один крупный вопрос не замыкается в национальные рамки. Видимые и невидимые нити соединяют его действенной связью с десятками явлений во всех концах мира. В оценке международных факторов и сил Ленин свободнее, чем кто-либо, от национальных пристрастий.

Маркс считал, что философы достаточно истолковали мир, и видел задачу в том, чтобы переделать его. Но сам он до этого не дожил—гениальный предтеча. Переделка старого мира ныне в полном ходу, и первым ее работником является Ленин. Его интернационализм есть практическая оценка и практическое вмешательство в ход исторических событий в м и р о в о м масштабе и в м и р о в ы х целях. Россия и ее судьба—только один из элементов этой грандиозной исторической тяжбы, от исхода которой зависит судьба человечества.

Интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации. Но в то же время сам Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю собирает ее в себе, дает ей высшее выражение и именно таким путем достигает вершин интернационального действия и мирового влияния.

На первый взгляд характеристика фигуры Ленина, как «национальной», может показаться неожиданностью, но в сущности это ра умеется само собой. Для того, чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна очевидно, неразрывная органическая связь с основными силами народной жизни,—связь, идущая от глубочайших корней.

Ленин олицетворяет собой русский пролетариат: молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Ленину от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет и падает русская нация. Свобода от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии,—отвага, никогда не переходящая в безразсудство, характеризуют русский пролетариат и с ним вместе Ленина.

Природа русского пролетариата, которая делает его ныне важнейшей силой международной революции, подготовлена ходом национальной русской истории: варварской жестокостью самодержавного государства, ничтожеством привилегированных классов, лихорадочным развитием капитализма на дрожжах мировой биржи, выморочным характером русской буржуазии, упадочностью ее идеологии, дряхлостью ее политики. Наше «третье сословие» не имело и не могло иметь ни своей реформации, ни своей Великой Революции. Тем более всеоб'емлющий характер приобрели революционные задачи русского пролетариата. Наша история не дала в прошлом ни Лютера, ни Фомы Мюнстера, ни Мирабо, ни Дантона, ни Робеспьера. Именно поэтому русский пролетариат имеет своего Ленина. Что потеряно в традиции, то выиграно в размахе революции.

Ленин отражает собой русский рабочий класс, не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетриата не

только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека. Перед Смольным стоит памятник другому большому человеку мирового пролетариата. Маркс на камне, в черном сюртуке. Конечно, это мелочь, но Ленина даже мысленно никак не оденешь в черный сюртук. На некоторых портретах Маркс изображен с широкой крахмальной манишкой, на которой болтается что-то в роде монокля. Что Маркс не был склонен к кокетливости, это слишком ясно для тех, кто имеет понятие о духе Маркса. Но Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса своими корнями уходят не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков.

Самый стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несет в себе литературные и эстетические накопления всей предшествующей социально-политической немецкой культуры, начиная с реформации и ранее. Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уже, конечно, не рисовка: это просто внешнее выражение в н у т р е н н е г о с о с р е д о т о ч е н и я с и л д л я д е й с т в и я. Это хозяйская, мужицкая деловитость только в грандиозном масштабе.

Маркс—весь в «Коммунистическом манифесте», в предисловии к своей «Критике», в «Капитале». Если б он даже не был основателем Первого Интернационала, он навсегда остался бы тем, чем является сейчас. Наоборот, Ленин весь в революционном действии. Его научные работы—только подготовка к действию. Если бы он не опубликовал в прошлом ни одной книги, он навсегда вошел бы в историю таким, каким входит теперь: вождем пролетарской революции, основателем Третьего Интернационала.

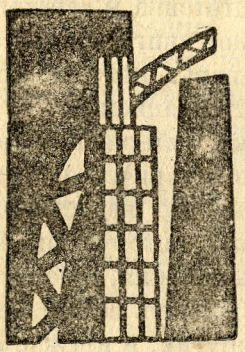
Ясная научная система, материалистическая диалектика—необходима для действия того исторического размаха, какой выпал на долю Ленина,—необходима, но недостаточна. Тут нужна еще та подспудная творческая сила, которую мы называем интуицией: способность налету оценивать явления, отделять существенное и важное от шелухи и пустяков, заполнять воображением недостающие части картины, додумывать за других, и прежде всего за врагов, сочетать все это воедино и наносить удар одновременно с тем, как в голове складывается «формула» удара. Это—и н т у и ц и я д е й с т в и я. Одной стороной своей она сливается с тем, что по-русски зовется с м е т к о й.

Когда Ленин, прищурив левый глаз, слушает радиотелеграмму, заключающую в себе парламентскую речь одного из империали-

стических вершителей судеб, или очередную дипломатическую ноту— сплетенье кровожадного коварства с полированным лицемерием,— он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь: это мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли.

Молодой русский пролетариат мог совершить то, что совершает, только рванув за собой на своих корнях тяжелую глыбу крестьянства. Все наше национальное прошлое подготовило этот факт. Но именно потому, что ходом событий у власти поставлен пролетариат, революция наша сразу и радикально преодолела национальную ограниченность и провинциальную захолустность прежней русской истории. Советская Россия стала не только убежищем Коммунистического Интернационала, но и живым воплощением его программ и его методов.

Теми неведомыми, наукой еще не раскрытыми путями, какими формируется человеческая личность, Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего в человеческой истории революционного действия. Именно потому, что через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернационально-теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал в самом прямом и самом непосредственном смысле революционным руководителем мирового пролетариата.



Б. ГОРЕВ

ЛЕНИН

(ИЗ КНИГИ «ОТ ТОМАСА МОРА К ЛЕНИНУ»)

Главной особенностью Ленина, как социалиста, отличающей его от всех предшественников, является редкое сочетание революционной теории с готовностью применять ее на практике, с огромной волей к действию, сопровождаемой верой в себя, в свою правоту и в свои силы. В самом деле, в области марксистской теории революции Ленин, как это он сам нередко признавал, мало, даже почти вовсе не отличается от других ортодоксальных, непримиримых марксистов конца XIX и начала XX века, как Каутский, Гед и особенно Плеханов.

Ленин (бронза). Лехт.

Все они считали диктатуру пролетариата неизбежной фазой грядущей революции; все они знали, что социалистам придется прибегать к насилию, все они решительно отрицали сотрудничество социалистов с буржуазией. Плеханов на втором с'езде Российской социал - демократической рабочей партии говорил, что для революционных марксистов благо революции должно быть высшим законом, что во имя этого блага можно и лишить политических прав членов бывших господствующих классов и разогнать враждебный пролетариату парламент. Каутский уже в 1902 г. писал, что мировая социальная революция начнется, пожалуй, из России; а во время первой русской революции, в 1906 г., он говорил, что она является

чем-то переходным от революции буржуазной к революции социалистической, к которой, по его мнению, капиталистическая Европа была вполне подготовлена.

Таковы были мнения и взгляды виднейших теоретиков марксизма на классовую непримиримость пролетариата и задачи революционных марксистов в пролетарской революции. Но когда эта революция приблизилась вплотную, когда от слов надо было переходить к делу, все они терялись и проповедывали тактику, нередко прямо противоположную своим прежним убеждениям. Так было с Плехановым в эпоху 1914—1917 г. г., так было, как мы знаем, с Каутским и во время войны, и особенно в оценке германской и русской революции.

И только один Ленин, который при своем выступлении в начале 1900-х годов на широкую политическую арену был вполне солидарен с Плехановым и Каутским,—только он один сумел соединить революционную теорию с такой же решительной тактикой, которая не отступает ни перед чем во имя того, что она считает благом революции.

Таким образом, в области теории социализма Ленин взял на себя задачу восстановить и выяснить глубоко-революционную сущность учения Маркса и Энгельса, противопоставляя ее тем, кто на словах и на деле отступают в сторону оппортунизма, половинчатости и «соглашательства». На практике же Ленин, начиная с 1905 г. и особенно в 1917 г., применял ту теорию революции, которую Маркс выработал на опыте в 1848 и 1871 г. г.

Второй особенностью Ленина, сделавшей его вождем революции, является сильно развитое в нем чутье действительности, уменье угадать во-время назревающий поворот в социально-политической обстановке, уменье предсказывать эволюцию событий, партий и лиц и сообразно с этим менять курс и темп собственной революционной деятельности.

Так, проповедуя бойкот первой Государственной Думы в 1906 г. в надежде на новый под'ем революции, Ленин в 1907 г. понял, что революция кончилась, и стоял за участие в выборах в 3-ю Думу, разойдясь в этом со многими большевиками, которые обвиняли его в оппортунизме, примиренчестве, меньшевизме и т. п. Наоборот, при первых признаках общественного оживления в России в 1910—1911 г. г. Ленин снова решительно взял курс на революцию.

Уже в 1905 г., вернувшись из эмиграции и ознакомившись с первым петербургским советом рабочих депутатов, Ленин предсказал что Советы—это форма будущей революционной власти. С самого начала мировой войны Ленин предсказывал, что война империалистическая перейдет в войну гражданскую, и неустанно проповедывал ту именно тактику, которую он потом проводил в России в 1917 г. А осенью 1915 г. Ленин уже серьезно обсуждал вопрос о том, как будут вести себя большевики, когда будущая революция поставит

их у власти. Вернувшись в Россию в апреле 1917 г., он провозгласил в своих знаменитых тезисах, что в России будет «не парламентарная республика, а республика Советов», и настойчиво, вплоть до самой Октябрьской революции, выдвигал этот лозунг.

Когда на первом с'езде Советов в июле 1917 г., где большевики составляли ничтожное меньшинство, в ответ на вызов, брошенный Церетелли, Ленин сказал, что большевики готовы одни взять власть,—это было встречено громовым хохотом всего с'езда. А через четыре месяца большевики были у власти.

Третьей чертой характера Ленина, как социалиста, является его преклонение перед о р г а н и з а ц и е й и д и с ц и п л и н о й. Уже в самом начале своей деятельности, в средине 90-х годов, а особенно в своей знаменитой книге «Что делать», он представлял себе партию, как сплоченную, связанную строжайшей централизацией и дисциплиной, организацию «профессиональных революционеров». Из-за понимания этой дисциплины в сущности произошел первый раскол на с'езде 1903 г. на будущих меньшевиков и большевиков.

С той страстной настойчивостью, какой Ленин обладал в высшей степени, он неустанно проповедывал необходимость дисциплины в партии и подчинения всех ее членов партийному центру, и этим содействовал образованию того сплоченного ядра большевицкой партии, которому удалось взять и удержать власть в России.

Наконец, Ленин обладал свойством, которое особенно необходимо всякому подлинному вождю партии и широких масс: это свойство—искусство «социального гипнотизма», т.-е. уменье так воздействовать устной и печатной речью на разум и волю масс, что эта воля подчиняется воле вождя.

И этим свойством, как и всеми остальными, Ленин отличается с самого начала своей политической деятельности.

В самом деле, Ленин представляет редкий пример исключительной цельной фигуры, остающейся верной себе в основном и даже в мелочах свыше 20-ти лет. О н н и к о г д а с е б е н е и з м е н я л, все его поведение, начиная с 1917 г., можно было предвидеть при внимательном изучении его литературной деятельности с первых его шагов на социал-демократическом поприще.

Уже в первом его произведении, изданном в 1894 г. всего в 50-ти экземплярах на гектографе и носившем название «Кто такие друзья народа и как они воюют против социал-демократов», мы встречаем все будущие особенности его полемической манеры: заслуженные «властители дум» всей революционной молодежи, столпы легального народничества, как Михайловский, Южаков и др., бесцеремонно назывались «лакеями», «царскими холопами» и т. д.

Таким образом, Ленин 1917-го и последующих годов во всяком случае лишь вынес на общегосударственную и международную арену

ге принципы, которые он в скромных рамках подпольной организации вырабатывал и проводил 20 лет перед тем вместе со своими будущими противниками—Плехановым и Мартовым.

В знаменитой брошюре «Что делать», вышедшей в начале 1902 г., весь позднейший Ленин уже выявлен вполне.

Вот, напр., что писал тогда Ленин о свободе вообще и о свободе критики в частности: «Свобода—великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: свобода критики. Люди действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободу новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми...

Все, что в 1902 г. относилось к критике внутри революционной партии, теперь лишь перенесено к такой же критике внутри революционного государства, окруженного врагами внешними и внутренними; но сущность осталась одна и та же.

Всемирно-исторической фигурой Ленин стал, лишь благодаря войне и русской революции, без которых он так и остался бы только влиятельным вождем одной из русских социалистических партий; но несомненно и то, что уже с самого начала 1900-х годов особенно с 1905 года Ленин предвидел перспективу власти для революционной социал-демократии и сознательно шел к этой цели.

Он никогда не смотрел, подобно меньшевикам, на революционную партию, как на партию «крайней оппозиции». Задачей каждой революционной партии он считал именно завоевание власти для проведения своей программы. Поэтому уже при первых раскатах революции 1905 г., которую Ленин считал буржуазной по своей сущности, он выдвинул лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства, он проповедывал участие с.-д. во временном революционном правительстве именно для того, чтобы довести до конца буржуазную революцию.

Вот что он писал в 1905 г. в своей замечательной брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции». «Пролетариат должен повести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии». В этих словах, уже намечена вся большевицкая программа Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Точно так же те кажущиеся противоречия, которые наблюдаются в политике Ленина после Октябрьской революции, то соединение принципиальной непримиримости и крайней революционности с готовностью делать программные уступки в роде введения декретом эс-эровской «социализации земли», отступление в роде «новой экономической политики», заключение сделок с классовыми и политическими врагами (Брестский мир и т. п.),—все эти противоречия тоже в полной мере присущи были Ленину уже с начала 1900-х годов.

Об этих кажущихся противоречиях Ленин сам рассказывает в своей чрезвычайно интересной брошюре «Детская болезнь левизны в коммунизме» вышедшей уже в 1920 г. «Русские революционные социал-демократы—писал он там—до падения царизма неоднократно пользовались услугами буржуазных либералов, т.-е. заключали с ними массу практических компромиссов и в 1901—1902 г.г., еще до возникновения большевизма, старая редакция «Искры»... заключала (правда, ненадолго) формальный политический союз со Струве, политическим вождем буржуазного либерализма, умея в то же время вести, не прекращая, самую беспощадную идейную и политическую борьбу против буржуазного либерализма и против малейших проявлений его влияния извнутри рабочего движения».

В другом месте той же брошюры Ленин пишет: «Отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще каких бы то ни было есть ребячество, которое даже трудно взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить конкретные случаи именно таких компромисов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и предательство, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против этих конкретных компромиссов, не позволяя многоопытным «деляческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждения о «компромиссах вообще».

Ленин соединяет в себе глубокий ревслюционный энтузиазм и даже фанатизм с холодным политическим расчетом, доходящим до последовательного применения принципа «цель оправдывает средства». Если присоединить к этому уменье предвидеть ход исторических событий, а также огромную настойчивую волю и решительность,—то станет понятным, почему в эпоху величайшего потрясения капитализма и величайшей революции, какую знал мир, именно Ленин стал во главе бывшей Российской империи и во главе всего мирового революционного движения, которому изменили почти все крупнейшие европейские социалисты.

Эскиз. Н. Альтман.

Н. ОСИНСКИЙ

РИСУНОК ПЕРОМ.

До 1917 года я знал и чувствовал Ленина только на расстоянии: в эмиграции или в высылке за границей не был и всю дофевральскую партийную жизнь провел в России и притом не в Питере, где живал нелегально Ленин.

Признаюсь в естественной, по молодости лет и по исконной глупости человеческой, иллюзии: представление об его внешности было у меня окрашено в романтический и героический тон. Ленин представлялся мне человеком высокого роста, «отлично сложенным», с быстрыми движениями, с ясными глазами, «пронзающими насквозь»—словом, с «сильной и блестящей внешностью». Такое впечатление внушали тогда в первую очередь его статьи и стенограммы его речей.

Когда я в первый раз увидел Ленина в 1917 г., летом, в Питере, не на собрании, не в «ходе действия» его внешней личности, то, хотя уже имел более точные сведения об его наружном виде, все же по старой памяти, испытал некоторое разочарование. Поразила меня только его манера, что-нибудь читая, как будто всовывать голову в вороха бумаг, точно нюхая поверхность бумажного моря, и одновременно прямо таки рассыпать искры из блестящих глаз по бумаге: он точно парил низко над этим материалом, сразу видя все его концы и готовый сразу ястребом низвергнуться в замеченную точку.

Тут уж я заметил в его внешнем облике нечто несоответствующее внутреннему представлению о нем, и притом существенным, а не поверхностным чертам этого представления. Впоследствии я убедился, что внешняя оболочка Ленина в высшей степени характерным образом отражает его духовную сущность.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз вы видите перед собой невысокого человека, который производит впечатление замечатель-

ного крепыша (каковым он в действительности и является, и благодаря чему только он смог, неся в своем теле пули Фанни Каплан и истекая кровью, сам дойти до автомобиля, доехать домой и подняться по лестнице на третий этаж). Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в темный, непритязательный гладкий костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блещущие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному и невольно наворачивается сравнение—отполированный, блестящий стальной снаряд, начиненный взрывчатым веществом колоссальной силы. С одной стороны—человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, что почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд-Джорджем и мирно потолковать об устроении дел Европы. А с другой стороны—как бы в результате не взлетели на воздух и Ллойд-Джордж и вся Генуэзская конференция! Ибо он—с одной стороны У л ь я н о в, а с другой стороны он—Ленин.

Ленин изгнал из обихода коммунистической партии всякий элемент фразы и позы. Вот почему мне несколько совестно рисовать этот его портрет: быть может, все-таки я что-нибудь делаю слишком «картинным» и «красочным». Но, изгнав из себя и из других этот элемент, Ленин не изгнал из себя (не собирался и не мог изгнать из других) элемента беззаветной, сжатой, но прямо-таки я р о с т н о й революционной энергии. Пусть только она не расходуется на красивые романтические слова, направляющие ее по ложному пути. Пусть она выражается только в д е й с т в и я х и в словах, точно о п р е д е л я ю щ и х з а д а ч и о б'е м д е й с т в и я, и притом в словах самых простых.

Читатели помнят, вероятно, статью «О значении золота при социализме и теперь», помещенную года полтора назад в «Правде». Она характерна, как сравнительно редкий образчик случая, когда эта «яростная» революционная энергия Ленина проступает на поверхность в словах. Этих случаев больше было до 1917 года. В частности мне вспоминается превосходная статья Ленина «Памяти графа Гейдена» (видного октябриста), написанная весной 1907 года. Тогда еще так можно и должно было писать. Но когда рабочие взяли властьв свои руки—направляйте всю вашу энергию в дело и только в дело.

Разговаривая с Лениным с глазу на глаз, вы получаетет иногда другое странное впечатление. Ничего «особенного», «замечательного», «глубокого» он вам не скажет. Скажет не только вещи простые, но, пожалуй, уж и слишком обыкновенные. Но вы скоро можете заметить, что дело тут в двух обстоятельствах. Во-первых, он, так сказать, бережет свой порох для разговора, предназначающагося «всем, всем, всем». А, во-вторых, простота в массе случаев определя-

ется тем, что мысль рассчитана на очень большой масштаб распространения и приложения. Ведь не один раз Ленин подчеркивал, что в настоящее время только такие мысли и предложения могут иметь вес, которые двинут в ход миллионы людей и будут проверены опытом этих миллионов.

Из этого ясно, что во весь рост вы увидите Ленина только на большом собрании. Здесь (особенно если Ленин в ударе, и особенно так было до ранения, когда жест Ленина был совершенно свободным) вы увидите и услышите вещи, глубоко западающие в память.

На трибуну быстро выходит небольшой крепкий человек, и в то время, как по залу несется ураган аплодисментов и криков, стихающий только для того, чтобы разразиться снова, — он обоими руками приглаживает свой череп, точно до сих пор не снял парика, который носил в сентябре 1917 года, разбирает листки записей, всовывает в них голову, поворачивая ее туда и сюда—словом, старается как-нибудь укрыться от неизбежного, но отнимающего время звукового дождя, который на него сыплется. Вот, наконец, он стих и Ленин начинает голосом отчетливым и размеренным, хотя с некоторым ударением в нос и как будто пришептыванием, особенно в тех местах, где речь доставляет удовольствие ему самому. Этот последний оттенок берется, вероятно, от обильного чтения и частых разговоров на самых различных языках.

Пока Ленин находится в начале речи, обе руки его бездействуют и иногда спрятаны в карманах. Но вот появляется на поверхность правая рука, и ее энергичный жест начинает ставить точки, запятые, тире в речи, начинает подчеркивать слова и фразы. Дальше уже и левая рука не может утерпеть, и обе вместе начинают иллюстрировать усложняющийся ход мысли. Они находятся в быстром движении, и вся речь развивается быстро, и все быстрее яснеет в умах слушателей, и все больше растет в них наслаждение от того, что сознание проясняется в основном вопросе, что «решающий пункт» всплывает с полной отчетливостью, что «основное звено цепи ухвачено», что теперь и они, и миллионы людей за стенами сумеют «вытащить всю цепь». Тут уже и для Ленина речь достигает апогея. Уже сделали руки свое дело. Откинувшись назад туловищем, он закладывает обе руки большими пальцами в прорезы жилета, распахнув пиджак. Точно при этом руки и захватили как раз те главные звенья, которые надо тащить. И почти неподвижный, незаметно с невероятной энергией жестикулируя уже только одним корпусом, Ленин ведет людей к выводам простым и точным, бросая те слова, точно определяющие задачи и об'ем действия, о которых мы говорили раньше.

Конечно, внешнее действие речи Ленина—только аккомпанимент, сопровождение к действию логическому. Огромная сила этого

последнего состоит в том прояснении сознания по решающему пункту, о котором сказано раньше. Слушатели испытывают великое наслаждение, великую радость от того, что этот человек ухватывает жизнь так, как она есть, в той ее простоте, которую, однако, так трудно раскрыть, и раскрыв, обнажив до конца ее простые движущие силы, указывает простые—как сама жизнь—решения, именно те, которые могут и должны двинуть миллионы. Оценки Ленина и его практические предложения так же гениально просты, как, скажем, описания Толстого, а литературный стиль Ленина целиком можно сопоставить со стилем Толстого, хотя, конечно, эти два человека во всех остальных отношениях представляют громаднейшие различия.

Каковы же эти простые движущие силы и почему раскрытие их производит такой колоссальный под'ем и такое огромное организующее действие? Это—классовые интересы масс, и это—те ближайшие классовые задачи, которые сама масса уже искала инстинктивно, даже уже нашла, но которые надо суметь выделить в самом ядре, отбросив в сторону всякую шелуху, и сделать совершенной очевидностью. Если в чем может сказываться деятельность гениального общественного мыслителя и вождя, то имеено в этом. И в этом—огромная сила Ленина.

Характернейшая черта Ленина: за время с начала революции он безвыезцно пребывает сперва в Питере, затем в Москве. Он никогда не выезжал на места. Все прочие политические и советские работники большевизма, поскольку они год просидят безвыездно в Москве, теряют «связь с местами» и «контакт с жизнью». Не терял этого лишь один Ленин, непрерывно пребывая в центре и отсюда гораздо лучше и дальше видя кругом, чем люди, которым для этого надо поближе подходить к наблюдаемым предметам.

Да ведь если бы Ленину начать «об'езжать места», ему надо, было бы об'ехать весь мир. Ибо его слова и действия рассчитаны всегда не только на миллионы рабочих и крестьян, живущих и борющихся в России, но и на большее число таких миллионов, рассыпанных по всем частям света. И вот две характернейших черты Ленина: первая—способность каким-то чутьем по письменным знакам и устным сообщениям понимать, что делается на огромном пространстве в массовом масштабе, в целом, и вторая—в таком же массовом масштабе и на такое же пространство давать действенный отклик—«всем, всем, всем».

Ленин бесспорно грандиозная фигура в мировом рабочем и революционном движении. И поэтому почти невозможно нарисовать его личный портрет, или нужно рисовать его какими-то новыми способами. Но то, что могла сложиться и развиться такая фигура, обладающая как раз двумя последними, только что намеченными чертами,

что это означает? Это означает, что размеры рабочего революционного движения приняли мировую величину, и что вождь такого движения должен быть как бы командиром мощной радиостанции, принимающей волны со всех концов света и всюду посылающей ответные волны.

Есть ли отдаленное подобие такого вождя в стане наших врагов? А ведь в их руках все еще не только самые мощные радио-станции в материальном смысле слова, в их руках все орудия современной техники и все сокровища умственной культуры. Нет таких вождей у них. И это в эпоху самого тяжкого кризиса капитализма, когда только тесной классовой спайкой и решительным классовым действием можно было бы вернуть жизнь к старому равновесию и закрепить рычаги в своих руках. И если таких вождей у них нет, значит их уже не в состоянии породить та среда, из которой они могли бы выйти. Значит, после тяжелых новых боев—их будет еще так много!—конечная победа все же будет нашей, и «на нашей улице будет праздник»!

М. КОЛЬЦОВ

ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО.

I.

Там—натянулись туго обручи, готовые сию минуту лопнуть от рывка измученных людей в синих блузах, засаленных кепках. Раскаленные жарой, ждут циклона, благодетельной грозы, освежения и отдыха.

Здесь—холодное лето. Невысохшие слезы деревьев, смутный лик природы и недоуменных городов. Здесь, в России, тоже ждут циклона—другого. Тепла, жаркой рабочей страды. Напрягая мускулы и налитые жилы, тужатся сцепить два вагона, город с деревней, чтобы с грохотом катить дальше вперед.

И там, и здесь в темные минуты отчаяния, в радостные перерывы труда, стирая пот со лба, чуть собрав мысли, замирают и притихшие думают о человеке, далеком и близком, о болезни человека незнакомого но такого нужного и важного, того, на имени которого скрещиваются умы борящихся классов всего человечества. Если слышат тревожное, темнеют лица и сжимаются руки. Если радостное, об улучшении—тогда распрямляется спина, ярче светят глаза борцов и тружеников.

В темных еврейских местечках, когда заболевает цадик (важная духовная персона), ходят его служки по домам и «собирают годы» у верующих на продление цадиковой жизни. Набожный еврей жертвует месяц из своего земного существования, другой—две недели. Праведные лепты их зачтутся на текущем счету в царствии небесном, а цадик,—по наивному поверью—выживет и выздоровеет. В большом городе Нью-Йорке, в 1923 году, дело поставлено в аналогичной области гораздо лучше. Там газеты пестрят об'явлениями предложением и спросом на человеческую кровь для переливания в жилы больных. Бедный, но полнокровный человек может всегда перехватить деньжонок, уступив своей крови богатому, но малокровному. Даже твердая цена установилась на этот продукт: сто долларов за кварту хорошей крови кондиционного качества.

Если бы можно было передать Ленину сил, здоровья, крови, он жил бы Мафусаилом неслыханной мощи и крепости. Пролетариат же всего мира, переливая вождю частицы миллионов жизней, не думал бы ни о загробном возврате, ни о земном возмещении. Разве не кровь самого пролетариата—кровь Ильича? Не рабочие мускулы—его мускулы? Не центральная узловая распределительная станция и главный стратегический штаб—мозг Ленина?

. . . . . .

Мы знаем:

1) любит детей,
2) и котят,
3) часто смеется,
4) скромен в одежде и в образе жизни.
5) хороший шахматист,
6) любит кататься на велосипеде.

Это почти все. Еще немного, но не много знаем мы о нем. И что тут такого важного: любит детей. Мало ли кто любит детей!

Как это странно: так ценим, так любим и так мало знаем лично. У нас есть уже и институт Ленина, собирающий всякую бумажку с его пометкой, а сам живой Ленин нам еще до сих пор полностью незнаком и непонятен.

От какого-нибудь паршивого Наполеона у нас осталось впятеро больше торжественных фраз, поз, скрещенных рук, анекдотов и «исторических случаев», чем от живого, присутствующего Ленина.

И афоризмы ленинские тоже такие же скромные, как его пиджак. Простые, утилитарные, не лезущие быть помещенными в одной книжке с Александром Македонским и королевой Викторией.

— В большом хозяйстве всякая дрянь пригодится!
— Лучше меньше, да лучше!
— Долой революционную фразеологию!
— Поменьше политиков, побольше инженеров и агрономов!

Если мы будем подходить к великому человеку Ленину с такими же методами, с какими подходят к обычным патентованным великим людям, мы не добьемся ничего. Мы будем ловить руками пустой воздух.

В том-то и вся поразительная суть, что Ленин—первый из «новой серии» великих умов и воль, выдвинутых человечеством в начавшийся новый период социалистического переустройства мира. И выглядит он, этот первый из новой вереницы, совсем не так, как выглядели расфуфыренные фигуры старых «гениев», подмалеванные поклонением буржуазных историков.

От Наполеона, Кромвеля, Гарибальди остались портреты, анекдоты, запыленные перчатки под стеклом музеев. После Ленина останутся великие исторические сдвиги. И отчего? Именно оттого, что гений Ленина насквозь утилитарен, глубоко сращен с его партией, классом и эпохой.

Попробуем взять, скажем, Петра Великого и отделить его от его страны. Это нетрудно. Можно легко себе представить другого, например, китайского Петра Великого, тоже у себя стригшего дворянам не бороды, а косы, насаждавшего мореплавание, геометрию, выпивки, французскую болезнь.

Попробуйте взять отдельно Ленина. Исцарапайте себе до крови мозги, не возьмете. Ни за что не разберешь, где кончается личный Ленин и начинается его семья-партия, так же как невозможно определить резкие грани там, где кончается партия и начинается пролетариат.

Ленин—это сложнейший тончайший аппарат, служащий пролетариату для его исторической мысли. Потому-то так скромен, защитно-одноцветен его облик, потому-то так прирос он к рабочему классу, потому и физически больно пролетариату, когда Ленин болен.

И потому в Ленине, первом из будущих, мы не можем и не должны искать мелких личных признаков, жестов и фраз, обязаны видеть его черты в чертах нашей фантастической и безотрадно-правдивой, безпощадной и целомудренно-справедливой революционной эпохи.

Отлично известно отношение партии к Ленину. Единственное в истории, неповторимое сочетание доверия, благоговения, страха, восхищения с дружеской фамильярной спайкой с грубоватой рабочей лаской, с покровительственной заботой матери о любимом сыне. В. И. Ульянов (Ленин)—грозный глава республики-победительницы, и Ильич—простой близкий старший брат. Не было никогда нигде такой всесторонне сплетенной связи полководца с войском, политического вождя с единомышленниками.

II.

Даже они, враги Ленина, признали сначала его мудрость.

Потом его гениальную смелость, прямоту и беспощадность к предрассудкам чужим и своим собственным. Личный героизм.

Наконец, его абсолютное всестороннее человеческое бескорыстие, чистоту до святости.

И это вбилось гвоздем.

В душно-наэлектризованный вечер 8-го марта меня на улице остановил знакомый. Буржуа, мещанин, циник, вечный злопыхатель, открытый враг. В руке бумажный комок — «Сообщение о здоровьи председателя Совета Народных Комиссаров».

— Читали?

— Читал. А что?

— Как же теперь? Что же будет? Что же это? Как это?

Я сделал бесстрастное лицо и велел себе улыбнуться.

— Будет, как было, не беспокойтесь. Но вам-то что до Ленина?

Он смутился, стали нехороши глаза. Но овладел собой и сказал мне тихо и просто:

— Сам не понимаю, как это прокралось ко мне. Только чувствую, что несчастье с ним было бы для меня личным горем. Да и для других, в роде меня. Можете радоваться.

Такое, от таких же людей, я слышал не раз. Слышу все чаще. То же, вероятно, приходится слышать и другим товарищам. Люди, враждебно настроенные против революции, непримиримые к коммунистам, отделяют Ленина от партии и воздают ему великое признание, политическое и моральное.

Отчего?

Разве Ленин был менее, а не более грозен с буржуазией? Разве он был мягче, а не беспощаднее в тяжелом углублении революции и укреплении советской власти на спинах ее врагов? Разве он выделялся своим «либерализмом» и миндальничанием, а не наоборот?

Нет, не от того. От другого.

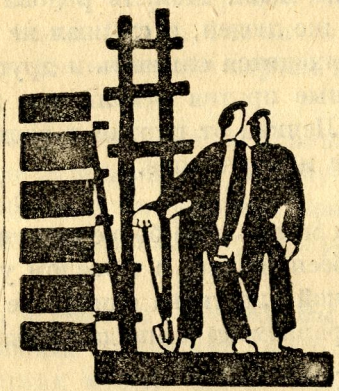
От того, что в Ленине даже враги его видят нездешнего человека, пришельца из другого, неминуемого, будущего мира, пионера оттуда, из мира о с у щ е с т в л е н н о г о коммунизма, — мира, который раньше или позже, с отсрочкой или без, но все равно наступит.

Со всей остальной партией, от рядовых коммунистов до крупнейших вождей, нашим врагам и «нейтральному» мещанину приходится сталкиваться в будничной борьбе, на классовом фронте, в ежедневных отчаянных стычках. Мы их повседневные противники, надоевшие солдаты неприятельской армии в многолетней, но обыденной борьбе. Ленин отмечен для них праздничной печатью соци-

альной справедливости, той, которую они в глубине души не могут отрицать.

Ленин среди нас, коммунистов, действительно, может быть, единственный человек оттуда, из будущего. Мы все по уши в повседневном строительстве и борьбе, он же, крепко попирая ногами обломки старого, строя руками будущее, ушел далеко вверх, в радостные дали грядущего мира и никогда от них не отрывался. Мы все помним, как рассердился Владимир Ильич, увидя где-то на митинге плакат «Царству рабочих и крестьян не будет конца», как горячо подчеркивал он тогда переходную роль классов на пути к будущему внеклассовому обществу...

Безупречный воин за мировую справедливость, человек из будущего, посланный заложником грядущего коммунистического мира в нашу вздыбленную эпоху угнетения и рабства — вот звание, категорически признанное о б о и м и лагерями классово-воюющего человечества за Владимиром Лениным, при жизни его, на пятьдесят четвертом году.

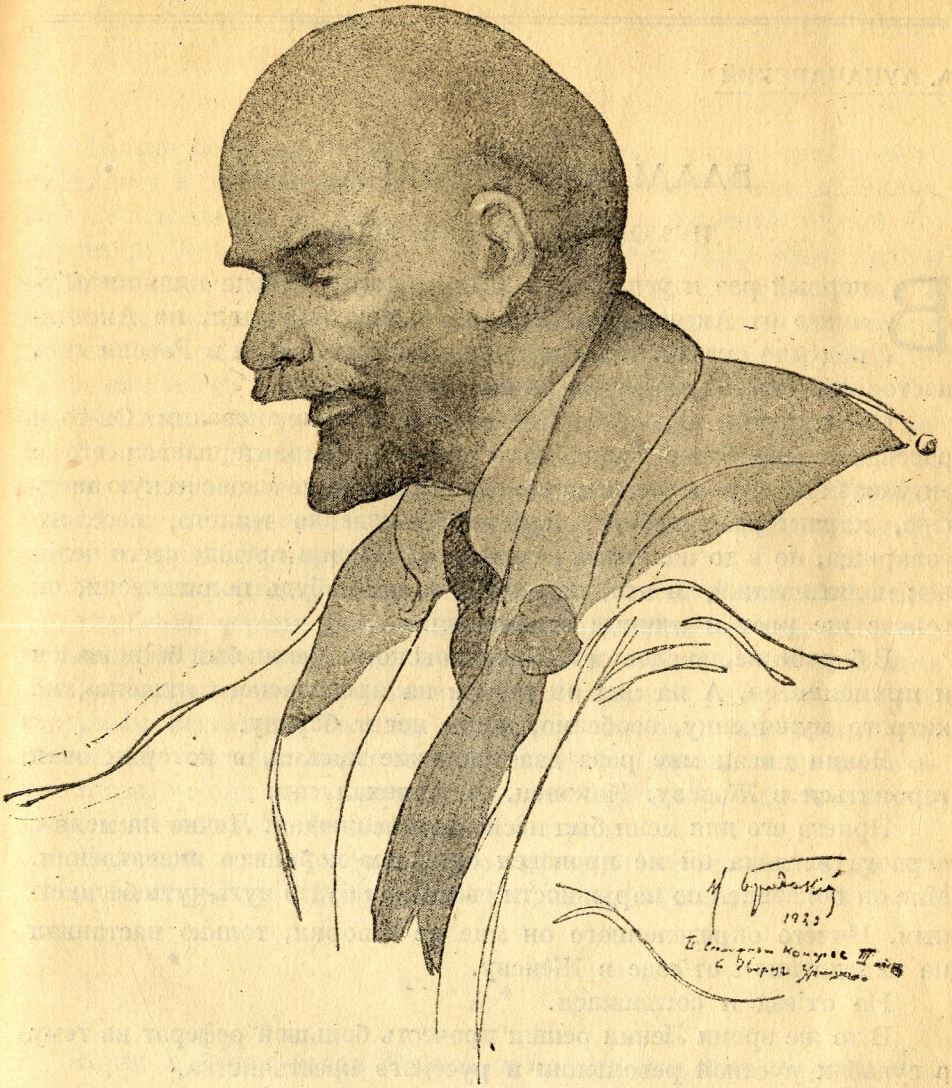


МЫСЛИ О ГРЯДУЩЕМ.

А Ленин мыслями далеко уже летал
Мы в атомные вихри
Точно в колодец заглянули,
Где только в черном корридоре дно.
Как утро осенью сереет еле-еле.
Не то оно, не то и не оно
(Быть может показалось).
А вихри те, как в доменной печи
Кружат, гогочут, воют как сирены,
И содрогается вселенная,
От сил тех, словно великан завод;
Не только их не ловит слухом
И не приносит в душу — мозг
Ваш огрубевший эпителий,
Коре земной подобный.
Его мы разомнем еще,
Как задубевшую подошву,
Мы обострим его приборами из знаний
И аппаратов нервностью снабдим.
И будем мы выслушивать, как сердце,
Гуденье атомов
И станет так:
Не мышцы тел людских
Потянут грязь мазута.
В шахтерский глаз не залетит огонь.
Пыль единая и острая
От антрацита глыб
В миллиардах тонн
Уснет.
И вместо скрежета железа
Машины мощных сил

От взрывов атомных спокойно замурлычат,
Разлягутся по залам, как коты.
— Покой
— Труду
Украсят их кантом и мимозой,
Сплетенными из творческих огней.
Что ночью, как и днем, им красками сиять,
Лаская взгляд
Забудут электричество, как и ненужный уголь,
Орудье старое, докучливую сказку,
Ленивый радий же в музей сдадут
За то, что атомов распадом вялым
Ребенка человечество когда-то научил,
Как водород взрывать.
И вот в симфониях не в первый раз —
Весенний обновленный свет
В машинах запоет.
Пылинка соли в мановое семя
Свет будет сеять матовым туманом
И крошка цинка,
Как камфора по жилам
Спокойное тепло повсюду разнесет
По мягкой оболочке атмосферы.
Не испугаются, что вырвется на волю,
Как дикий зверь, освобожденный атом.
Ведь в комбинациях сверхгениальных овладеют
Им клеточки мозга людского.
Чтобы веселая земля
Опять туманностью не стала.
И горизонты для людей
Расширятся и созвездиям далеким
В просторы грустные из бездны пыли
Тогда вспомнят и о нас,
Как о далекой дивной были...

ОТДЕЛ ВТОРОЙ



Н. ПОЛЕТАЕВ

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный схватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый
Века пронизывающий взгляд.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Из книги «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВОРОТ».

Впервый раз я услышал о Ленине после выхода книжки «Тулина» от Аксельрода. Книжки я еще не читал, но Аксельрод мне сказал: «теперь можно сказать, что и в России есть настоящие социал-демократические мыслители».

Перед этим я виделся в Киеве с тов. Кржижановским. Он-то и рассказал мне более подробно о Ленине. Характеризовал его с энтузиазмом; характеризовал его огромный ум, нечеловеческую энергию, характеризовал его, как необыкновенно милого, веселого товарища, но в то же время отмечал, что Ленин прежде всего человек политический, и что, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения.

В борьбе же, по словам Кржижановского, Ленин был беспощаден и прямолинеен. А на вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужиченку, особенно, когда носит бороду.

Ленин писал мне раза два короткие письма, в которых звал поторопиться в Женеву. Наконец, он приехал сам.

Приезд его для меня был несколько неожидан. Лично на меня с первого взгляда он не произвел слишком хорошего впечатления. Мне он показался по наружности своей как будто чуть-чуть бесцветным. Ничего определенного он мне не говорил, только настаивал на немедленном от'езде в Женеву.

На от'езд я согласился.

В то же время Ленин решил прочесть большой реферат на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства.

На этом реферате я в первый раз услышал его, как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперенные в толпу слушателей, становящиеся почти мрачными и впивающиеся, как бурава, глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора, то вперед, то назад, эта, плавно текущая, и вся насквозь зараженная волей речь.

Я понял, что этот человек должен производить, как трибун, сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин, как публицист, своим грубоватым необыкновенно ясным стилем, своим уменьем представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

* * *

Только позднее, гораздо позднее, я узнал, что не трибун и не публицист и даже не мыслитель—самые сильные стороны в Ленине, но уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей чертой его характера, что составляло половину его облика, была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче, но никогда не выходившая за круг, начертанный сильным умом, которая всякую частную задачу устанавливала, как звено в огромной мировой политической цепи.

Кажется, на другой день после реферата мы, не помню по какому случаю, попали к скульптору Аронсону, с которым я был в то время в хороших отношениях. Аронсон, увидев голову Ленина, пришел в восхищение и стал просить у Ленина позволения вылепить, по крайней мере, хотя медаль с него.

Он указал мне на замечательное сходство Ленина с Сократом.

Строение черепа Владимира Ильича, действительно, восхитительно. Глубоко впавшие, небольшие и страшно внимательные глаза, насмешливые, полные иронии, блещущие умом и каким-то задорным весельем. Только, когда он говорит, они становятся мрачными и словно гипнотизирующими. У Ленина очень маленькие глаза, но они так выразительны, так одухотворены, что я потом часто любовался их бессознательной игрой.

Большой нос и толстые губы придают несколько татарский облик Ленину, что в России, конечно, легко об'яснить.

* * *

Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки* Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями.

Его гнев также необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его, действительно, в последнее время могли гибнуть десятки, а может быть и сотни, он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутливую форму.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил опреде-

* Писано Луначарским в 1920 г.

ляющее веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит то же благотворное обаяние жизни.

Пишет он страшно быстро, крупным размашистым почерком, без единой помарки набрасывает он свои статьи, которые не стоят ему никакого усилия. Сделать это он может в любой момент, обыкновенно утром, встав с постели, но и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно.

Читал он все последнее время, за исключением, может быть, короткого промежутка за-границей, во время реакции, больше отрывками, чем усидчиво, но из всякой книги, из всякой страницы он вынесет что-то новое, выкопает ту или иную нужную для него идею, которая служит ему потом оружием.

Особенно зажигается он не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жив ярый полемист.

Но если Ленина как-то смешно назвать трудолюбивым, то трудоспособен он в огромной степени.

* * *

Зато Ленин умеет отдыхать. Он берет этот отдых, как какую-то ванну, во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей и какой-то наивной жизненности составляет рядом с прочной широтою ума и напряженной волей, о которой я говорил выше, очарование Ленина. Очарование это колоссально: люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему, как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений: от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь косолапого мужика, явившегося из глубины Пензенской губернии, от первоклассных политических умов до солдат и матросов, вчера еще бывших черносотенцами, сегодня готовых во всякое время сложить свои буйные головы за «вождя мировой революции — Ильича».

Это фамильярное название «Ильич» привилось так широко, что его повторяют люди, никогда не видавшие Ленина.

Вернусь к линии моих воспоминаний о Ленине до великой революции.

В Женеве мы работали вместе с Лениным в редакции журнала «Вперед», потом «Пролетарий». Ленин был очень хорошим товари-

щем по редакции. Писал он много и легко, как я уже говорил, и относился очень добросовестно к работам своих коллег: часто поправлял их, давал указания и очень радовался всякой талантливой и убедительной статье.

В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником, пользовался каждым их промахом, раздувал всякие намеки на оппортунизм, в чем была впрочем доля правды, потому что позднее меньшевики и сами раздули все тогдашние свои искры в достаточно оппортунистическое пламя. На интриги он не пускался, но в политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного.

* * *

После 1905 г. встретились мы с Лениным вновь за-границей на Штутгардтском конгрессе. Здесь мы были с ним как-то особенно близки. Вместе взвешивали перспективы великой социальной революции. При этом, в общем, Ленин был большим оптимистом, чем я. Я находил, что ход событий будет несколько замедленным, что, повидимому, придется ждать, пока капитализируются и страны Азии, что у капитала есть еще порядочные рессурсы, и что мы разве в старости увидим настоящую социальную революцию. Ленина эти перспективы искренно огорчали.

Когда я развивал ему свои доказательства, я заметил настоящую тень грусти на его умном сильном лице, и я понял, как страстно хочется этому человеку еще при своей жизни не только видеть революцию, но и возможно делать ее. Однако, он ничего не утверждал, он был, повидимому, только готов реалистически признать и уклон вниз и уклон вверх и вести себя соответственно.

Как странно, что немного позднее мы политически разошлись в противоположные стороны. Ленин приспособился ко времени реакции, которую считал длительной, высказался за думскую борьбу, приблизился к меньшевикам, в то время, как я остался на позиции чисто революционной линии во что бы то ни стало.

У Ленина оказалось больше политической чуткости, что не удивительно. Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, который сочетает с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии.

* * *

Ленин всегда очень застенчив и как-то прячется в тень на международных конгрессах: может быть потому, что он недостаточно

верит в свои знания языков, между тем он хорошо говорит по немецки и весьма недурно владеет французским и английским языками.

А вот каков он за практической работой. Мне чрезвычайно часто приходилось работать с Лениным для выработки разного рода резолюций. Обыкновенно это делалось коллективно. Ленин любит в этих случаях общую работу. Недавно мне пришлось вновь участвовать в такой работе при выработке резолюции 8-го С'езда по крестьянскому вопросу.

Сам Ленин чрезвычайно находчив при этом, быстро находит соответственные слова и фразы, взвешивает их с разных концов, иногда отклоняет. Чрезвычайно рад всякой помощи со стороны. Сколько раз удавалось мне найти вполне подходящую формулу: «вот, вот, это у вас хорошо сказанулось, диктуйте-ка», говорит в таких случаях Ленин. Если те или другие слова покажутся ему сомнительными, он опять-таки, вперив глаза в пространство, задумывается и говорит: «скажем лучше так». Иногда формулу, предложенную им самим с полной уверенностью, он отменяет, со смехом выслушав меткую критику.

Такая работа под председательством Ленина ведется всегда необыкновенно скоро и весело. Не только его собственный ум работает возбужденно, но он возбуждает в высшей степени умы других.

* * *

Во время моего и Богданова расхождения с Лениным, Богданов был до такой степени раздражен, что предсказывал Ленину неминуемый отход от революции и даже доказывал мне и Е. К. Малиновской ,что Ленин неизбежно сделается октябристом.

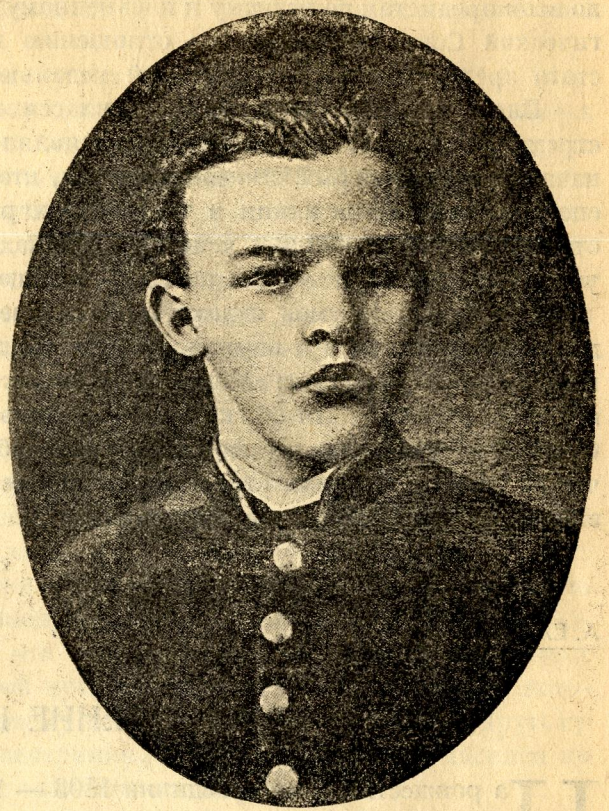
Да, Ленин сделался октябристом, но совсем другого Октября.

БОНЧ-БРУЕВИЧ

КАК УЧИЛСЯ ЛЕНИН.

Будучи учеником восьмого класса Симбирской классической гимназии, Владимир Ильич 18 апреля 1887 г. подал прошение директору этой же гимназии, в котором писал: «желая подвергнуться испытанию зрелости, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о допущении меня к оному».

Ему разрешено было сдать экзамены на аттестат зрелости в виду полной подготовленности к этому делу. Он, обучавшийся в гимназии общим новым языкам (французскому и немецкому), из 350 уроков, имевшихся в течение полугода 1886—87 учебного года, пропустил по болезни 34 урока и 10 по другим уважительным причинам. По «неуважительным причинам» он за все полугодие, как это видно из цитируемой ведомости, не пропустил ни одного урока. Значась за № 26 (по алфавиту) в общем списке лиц, имеющих подвергнуться испытанию зрелости в Симбирской гимназии в 1887 г., как из документов видно, в Симбирской гимназии В. И. «обучался восемь лет, при чем имел поведение отличное, исправность в посещении — весьма исправную, приготовление к урокам — весьма аккуратное, исполнение письменных работ — отменно усердное, внимание в классе — очень внимателен, интерес к учению — с любовью занимается всеми предметами и особенно древними языками». Успехи в предметах гимназического курса: по предметам закона божия, логики, греческого языка, физики и математической географии, французского языка, русского языка и словесности, латинского языка, ма-



Ленин—гимназист.

тематики, истории и немецкого языка—были отмечены высшим баллом; по всем предметам, кроме логики, он имел круглые 5, а по логике четыре, так что в среднем выводе он имел годичную отметку $4^{10}/_{11}$.

Получить столь высокую отметку в восьмом классе в те времена, какую имел Владимир Ильич было крайне трудно, и только исключительно одаренные ученики добивались ее.

Рассмотрев все эти сведения об успехах и поведении В. И., педагогический совет определил: «допустить к испытанию зрелости».

При сдаче экзамена при испытании зрелости Ильич получил по всем предметам по устному и письменному круглое пять, и Педагогический Совет определил по отношению к нему «удостоен аттестата зрелости и награды золотой медалью».

Блестяще окончив курс наук классической гимназии, Ильич стремился в университет, о чем он и заявлял своему гимназическому начальству. В «особых замечаниях о тех, кто на основании успехов, способностей, прилежания и твердости характера подает надежды относительно дальнейших успехов в науках, с указанием, в какой университет поступил», мы находим сообщение:

Ульянов и Наумов подают наибольшие надежды относительно дальнейших успехов в науках. Оба заявили желание поступить на юридический факультет: «Ульянов в Казанский университет, Наумов в Московский». Таким образом из всего класса, в котором в общем было 29 человек только двое удостоились быть отмеченными в качестве «достойнейших» строгим гимназическим начальством, и из этих двух В. И. Ульянов был первым.

А. ЕЛИЗАРОВА

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В МОСКВЕ.

На рождественские праздники 1893 — 1894 г. Владимир Ильич приезжал к нам в Москву. И тут имел место очень интересный диспут его с народниками. Вот что рассказывает о нем в своих рукописных воспоминаниях тов. Голубева-Яснева:

«Я хочу описать маленький эпизод богатой не только фактами, но и историческими событиями, жизни Владимира Ильича — это одно из первых его публичных выступлений на довольно большом по тому времени нелегальном собрании. Владимира Ильича я знаю давно: в 1890 г., когда я познакомилась с ним, он был совсем еще молодым человеком, изучавшим Маркса и вообще страшно много работавшим над собой; меня, помню, страшно изумляла его работоспособность необычайная. Но уже и тогда, в молодые годы, это

был вылитый из стали Владимир Ильич с готовым, продуманным, остроумным и метким ответом на устах.

Жили мы тогда в Самаре. Поволжье переживало голод (1891 г.), давший как бы толчек всему оппозиционно-настроенному; преобладали, конечно, народнические течения, а у Владимира Ильича была уже своя определенная точка зрения, своя определенная линия поведения. Заходил ли вопрос о голоде, о помощи голодающим, об участии нас, революционеров, в рабочих общественных столовых, у Владимира Ильича на все был свой, выгодно отличавшийся своею определенностью и революционной (это мое тогдашнее определение) выдержанностью ответ.

Вернусь к описываемому эпизоду. Было это зимой 1893 — 94 г. Я тогда была выслана под гласный надзор в Тверь. Но, пользуясь близостью, часто удирала и приезжала в Москву, где заводила порванные связи. Москва после голодного 1891 — 92 г. г. несколько оживилась, появилось много разных кружков и организаций: народовольцы, народоправцы, культурники и т. п. Пора проповеди маленьких дел еще не прошла. Я вела сношения по преимуществу с группой, так называемых, народовольцев, и вот в один из моих приездов в Москву один из этих народовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень мол «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения. «Так как вечеринка предполагает собрать по возможности всех идущих врозь, но бьющих вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного».

Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу. В те времена я была еще выдержанной якобинкой, сравнительно редко видала за этот период Вдалимира Ильича, но то, что он говорил, так долбило мозг, что мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-либо другому я понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились». (М. Голубева).

Вечеринка эта имела место в «Гиршах» (дом Гирша, где-то на Бронных, кишевший тогда студентами). Квартира из трех, помнится, комнат была набита народом. Преобладало студенчество, но и интеллигентные круги Москвы были сильно представлены. Был прочитан какой-то реферат. Я реферата не помню, может быть, потому, что пришла с опозданием. Помню лишь дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде «в красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другой комнате и сначала произнес несколько смелых иронических «цвишенруфов», заставивших всех — большинство очень неодобрительно повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным, отношением.

Малоизвестный снимок.

Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало,—особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло, и наконец, стушевался.

Марксистская часть молодежи торжествовала победу. Рассказывает об этом «разговорном собрании» и Чернов в своих «Записках социалиста-революционера».

«Впервые знакомство (с народоправцами), состоялось на одном из «разговорных собраний», гвоздем которого были иногородние гости. Один их них, несколько пасмурный и рыжебородый, был мне заочно хорошо известен по литературе: то был Василий Павлович Воронцов (В. В.). На другого мне таинственно указал кто-то:

«Обратите внимание вот на того, молодого, с лысинкой: это очень-очень интересный человек, он среди питерских марксистов—большая шишка; его брат тоже был крупной величиной, он повешен по народовольческому делу».

Это был Владимир Ульянов (Ленин). Он показался мне очень невзрачным; его картавящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью» и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление.

На него с большим азартом налетал В. П. Воронцов: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает право вам утверждать подобные вещи; пред'явите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот с другой стороны свой анализ дал Николай—он (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет»!

Этот способ аргументации на нас не производил впечатления; что всякое молодое поколение не может сразу пред'явить фундаментальных трудов, было нам понятно и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, показалось нам, злоупотребляет случайными выгодами такси несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызался» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно. Их стычка, впрочем, выродилась быстро в беспорядочный диалог; его пришлось прервать, так как он все более принимал личный характер.

— С кем это я спорил, — спросил, по словам т. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

— Да с В. В. (Воронцов, известный писатель-народник). Он страшно рассердился.

— Что же вы мне не сказали раньше. Если бы я знал, что это В. В., я бы и спорить не стал с ним,—сказал Владимир Ильич.

«Я поняла в том смысле эти его слова, что он считал спор с В. В. бесполезным, — все равно мол его не переубедишь, — и потому стала оспаривать целесообразность такого спора и доказывать какое большое значение он имел для слушателей. И, действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное. О нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте,— одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что мол из этого будет» (М. Голубева).

Я тоже помню, что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил, толкнув их на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ТОВАРИЩ ЛЕНИН.

Он нам важен не как личность. В нем слилась для нас свобода.
В нем слилось для нас стремленье, в нем—веков борьбы гряда...
Он немыслим без рабочих, он немыслим без народа,
Он немыслим без движенья, он немыслим без труда.
Царство гнета и насилья Мы поставим на колени.
Мы — строители Вселенной. Мы — любви живой струя...
Он нам важен не как личность, он нам важен не как гений,
А как символ: «Я — не Ленин, но вот в Ленине — и я».

Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ

ПО СОСЕДСТВУ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ.*

(1889 г.)

Наибольший интерес для всех нас представляла личность Владимира Ильича. Около него чаще всего вертелись наши мысли и наши разговоры.

Еще в Казачьем мы с Ф. В. Ленгником очень часто делились своими мнениями о роли, о значении и личном характере этого человека. Зная о нем исключительно по наслышке, мы самым легкомысленным образом судили о нем вкривь и вкось, по большей части сходясь на том, что это «генерал» и больше ничего: любит командовать и распоряжаться подручными, как шахматными пешками, высокомерно держит себя с окружающими, а между тем куда же мол ему до такого гиганта мысли, как Плеханов.

И все-таки... страшно было интересно взглянуть хоть единым глазком на этого «генерала», послушать хоть краем уха его высокомерных речей, а в случае чего, то и вызвать его храбро на словесный турнир не без надежды дать ясные доказательства того, что и у нас головы не соломой набиты, что и мы тоже, можно сказать, не лыком шиты.

Немудрено поэтому, что, когда я получил от жены, уехавшей по месту своего нового назначения, письмо с описанием своего первого знакомства с Владимиром Ильичем, я вцепился в это описание всеми щупальцами своего крайне заинтригованного внимания.

По словам жены, Владимир Ильич, по каким-то своим делам, находившийся в Красноярске в то время, когда она проезжала через этот город, поспешил розыскать ее там чтобы познакомиться и взять под свое покровительство при проезде на пароходе в Минусинск. Произвел он на нее впечатление самого милого и обходительного человека, каких только ей когда-либо приходилось встречать. Дорогой он был очень заботлив и внимателен к ней и к А. М. Старковой, ехавшей к мужу. Когда во время шестидневного пути на пароходишке, не имевшем буфета, оказался продовольственный кризис, он вызвался раздобыть для пассажиров продуктов у местных крестьян и быстро стал карабкаться на крутую высокую гору, которая чуть ли не отвесною стеною спускалась к Енисею.

«Гм... — подумал я тогда же при чтении письма жены, — что-то это не похоже на «генеральские замашки»...

---

* Статья эта — глава из книги воспоминаний Лепешинского „На повороте".

Воспоминания относятся к периоду ссылки В. И. совместно с другими большевиками в Сибирь (в селе Шушенском Енисейской губернии в 1897—1900 годах).

Еще одна особенность поразила жену во время поездки на пароходе. Ее койка приходилась по соседству с койкой Владимира Ильича, и она имела возможность наблюдать за процессом его чтения. В руках у него была какая-то серьезная книга. Не проходило и полминуты, как его пальцы перелистывали уже новую страницу. Она заинтересовалась, читает ли он строчку за строчкой или скользит лишь глазами по страницам книги. Владимир Ильич, несколько удивленный вопросом, с улыбкой ответил:

— Ну, конечно, читаю... И очень внимательно читаю, потому что книга стоит того...

Этот маленький штрих, характеризующий необычайную продуктивность кабинетной работы Владимира Ильича, интересно было бы сопоставить с тем фактом, что впоследствии на протяжении каких-нибудь полутора лет он, погрузившись в изучение литературы по философии в Парижской Национальной Библиотеке и в Британском музее, успел написать свою известную книгу «Материализм и эмпириокритицизм», при чем в сочинении этом имеются ссылки на сотни изученных им первоисточников на английском, немецком и русском языках.

***

Я не стану подробно описывать, как мы проводили время в Минусинске, а остановлю лишь внимание читателя на портрете Владимира Ильича Ульянова, которого я успел достаточно оценить уже тогда — за несколько дней пребывания с ним в одном доме.

Все мои представления о нем, как о «генерале», о насмешливом заносчивом и жестоком человеке, рассеялись в прах после первых же минут знакомства с ним.

Никто из нас не отличался таким естественно-простым, милым, хорошим отношением к окружающим людям, такой чуткостью, деликатностью и таким уважением к свободе и к человеческому достоинству каждого из нас, его товарищей и единомышленников, как этот «генерал».

У многих из тех, кто не знает его лично, составилось представление о нем, как о человеке, который смотрит на все окружающее его, в том числе и ближайших к нему товарищей, как на простое средство для достижения своих политических целей; он не достаточно оценивает в другом «я» человеческую личность, смотрит на эту личность с узко-утилитарной точки зрения и отбрасывает ее, как выжатый лимон, когда человек становится ему совершенно не нужен; он мол беспощадно жестокий полемист, который не успокоится до тех пор, пока не положит своего противника на обе лопатки, и т. д. и т. д. Из всей этой суммы признаков, характери-

зующих Владимира Ильича с точки зрения обывательского представления об этом «чудище», которое, повидимому, напоминает известное в истории литературы «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй», быть может есть некоторая доля правды только в последнем штрихе— насчет его психологии, как полемиста.

Действительно, опасно было слишком неосторожной рукой залезать в его умственную кладовую с намерением нарушить сложившийся там порядок идей. Если нападения на него со стороны какого-нибудь спорщика принимают слишком уж претенциозный характер, он никогда не прочь принять вызов, но зато уж только держись. Диалектика у Владимира Ильича сокрушительная. Все неясности речи храброго витязя, все неудачные его фразки, словечки, все «эмбрионы» проскользнувшей у него ереси в потенции будут мгновенно подхвачены на острие ильичевского сарказма, при чем смеющиеся, мечущие время от времени искры убийственной иронии, пронзительные черные глазки с раскосом на широком скуластом лице, приводя оппонента Ильича в смущение, заставляют его язык прилипать к гортани.

Одна любопытная особенность полемики Ильича: он не столько з а щ и щ а е т свою мысль, сколько обыкновенно н а п а д а е т на мысль противника, заставляя этого последнего становиться в оборонительную позу. Но эта оборона ведет только к тому, что у Ильича получается все более и более об'ектов для жестокой критики. Он пользуется тезисами или даже «случайными» фразами противника, чтобы вложить в них определенное жизненное содержание и вскрыть их подоплеку, переводя их с языка мудреной, путанной, туманной фразеологии на вульгарный язык конкретной живой действительности, так что автор инкриминируемых словечек или фраз приходит в ужас от этих операций.

У обиженного противника получается такое убеждение, что Ильич «придирается» к нему и «искажает» его мысль в кривом зеркале своей критики до полной неузнаваемости. Недаром даже Мартов когда-то в одной из своих полемических брошюр против Ленина во время после с'ездовского раскола жалобно пищал, что Ленин не желает понять его аргументации и яко бы своими вечными «уклонениями» в сторону от существа спорного вопроса ускользает из клещей его, мартовской, логики, как вьюн из-под пальцев рыболова.

Ошибочно, однако, было бы думать, что у Владимира Ильича только и было на уме, как бы подловить того или иного завравшегося болтунишку и тяжеловесными ударами своей страшной логики уложить его наповал. На самом деле до окружающих обывателей ему не было никакого дела, а что касается нас, близких к нему товарищей, то он очень благодушно смотрел на пробелы и дефекты нашей мысли, относясь к нам скорее, как педагог, чем как полемист.

Увлекаясь какими-нибудь новыми теоретическими построениями, он был полон жажды поделиться своими интересными идеями с нами, приобщить нас к облюбованному им источнику интеллектуальных наслаждений и поднять наше сознание до уровня его мысли. В таких случаях он буквально няньчился с нами, как со своими питомцами.

Мне кстати вспоминается момент, характеризующий Ильича, как педагога

Во время заграничной эмиграции в 1900 — 1905 г.г., в самые «тихие», мертвые для большевизма дни, в момент максимума большевицких неудач и невзгод, он не позволял нам впасть в состояние прострации или умственной дремоты и организовал регулярные собрания кучки женевских большевиков с целью систематического штудирования под его руководством партийной программы. И что за умилительную картину представляли эти собрания! Левый лукавый глазок Ильича светился добрым-добрым огоньком и вовсе не обнаруживал тенденции подстрелить молнией иронии какого-нибудь очередного горе-оратора.

Никто не стеснялся «высказаться». Хотя говорилось много и благоглупостей, но Ильич всегда мягко и деликатно наводил шатающуюся мысль того или иного политического младенца на верный путь. И удивительнее всего то, что, несмотря на разнообразие состава аудитории, в которой были и интеллигенты с значительной теоретической выучкой и едва грамотные рабочие. — все чувствовали себя в одинаковой мере учениками приготовительного класса, котором предстоит пройти большой путь обучения элементам партийной грамоты. Достигал этого Ильич тем, что несколько повышал требования к туманной интеллигентской фразеологии, подвергая ее более тщательному критическому осмотру, и в то же время чутким ухом ловил налету всякую здоровую подсказанную пролетарским инстинктом рабочего мысль, но выкроенную хотя бы и суконным языком малограмотного человека. В результате — все оставались очень довольны этими уроками, и редкий из нас позволял себе без особо уважительных причин пропустить очередное собрание нашей партийной школы.

Но, повторяю, если против Ильича задорно выступал какой-нибудь драчунишка-полемист и у с п е в а л р а з б у д и т ь в н е м и н с т и н к т ы спортсмена, то будь это хотя бы даже самый близкий приятель Ильича, последний спуску не давал и был к своему противнику беспощаден.

Я сказал «инстинкты спортсмена», и это вовсе не обмолвка, не простая стилистическая случайность.

Во время своей молодости, будучи в ссылке, он необычайно охотно и со всем пылом отдавался всякого рода физическому и умственному спорту.

Высыпает, напр., своя компания на гладкий лед замерзшей реки, чтобы «погиганить» на коньках. Возбужденный и жизнерадостный Ильич уже первый там и задорно выкрикивает: «ну-ка, кто со мной внепегонку» . И вот уже несколько пар ног на славу работают, «завоевывая пространство». А впереди всех Ильич, напрягающий всю свою волю, все свои мышцы, на подобие излюбленных персонажей Джека Лондона, лишь бы победить во что бы то ни стало и каким угодно напряжением сил.

Или, например, наши любители охоты собираются побаловаться с ружьишком за плечем Лучшие охотники — Курнатовский и Старков; что же касается Ильича, то он большой мастер «пуделять» (охотничий термин, означающий неудачные выстрелы с промахами). Но разве может он и в этом деле отстать от других, быть в числе «последних?» Ни в коем случае. И если Старков исходит двадцать верст, то Ильич избегает (буквально избегает) по кочкам и болотам сорок верст, гонимый надеждой где-нибудь да подстрелить такую глупую птицу, которая позволит приблизиться к ней на расстояние достаточно близкое, чтобы какая-нибудь шальная дробинка горе-охотника нашла-таки, наконец, свою несчастную жертву.

* * *

Ярче всего натура Ильича, как спортсмена, сказывалась в шахматной игре.

Как известно, и Маркс, и Энгельс, и Либкнехт очень любили шахматную игру, при чем проигрыши партий для Маркса очень часто были источниками такого нервного раздражения, которое вызывало у него целый поток энергичных словечек против счастливого соперника. Владимир Ильич никогда не раздражался и не ругался по поводу шахматных своих неудач, но любил эту игру не менне Маркса.

Пишущий эти строки тоже принадлежит к числу больших поклонников этого вида спорта, и одним из самых приятных для меня воспоминаний является то время, когда я заполнял свою скучную однообразную жизнь в Курагине нетерпеливым поджиданием два раза в неделю писем от Владимира Ильича, с которым затеял игру по переписке Эти письма были приятны для меня прежде всего потому, что Владимир Ильич, кроме очередных шахматных ходов, всегда уж бывало нацарапает страничку — другую, в которой поделится своими литературными планами, расскажет, что он сейчас пишет, какая на горизонте появилась новая оппортунистическая звезда и т. д. и т. д.

Но специфический интерес представляли для меня тогда и очередные ответы моего шахматного партнера. Я возился с этой партией,

как чуть ли не с заветной задачей своей жизни. Все мое свободное время (а у меня его было много) уходило у меня на то, чтобы создавать на шахматной доске всевозможные вариации ближайших комбинаций и выбирать, таким образом, наилучшую из них. А так как Владимир Ильич мог тратить на это дело минуты, а не многие часы в день, то он в конце концев партию проиграл, и я был счастливейшим из смертных.

Когда я впервые познакомился в Минусинске с Владимиром Ильичем, то с нетерпением жаждал померяться с ним силами на шахматной доске.

Старков и Кржижановский, которых я систематически обыгрывал во время нашего этапного путешествия в вагоне из Петербурга в Москву и из Москвы в Сибирь, были очень высокого мнения о моем шахматном искусстве и подзадоривали меня и Ильича поскорее засесть за шахматный столик. Мы не заставили себя долго уламывать и чуть ли не через четверть же часа после первого свидания сидели друг против друга, углубившись в игру.

Не без некоторого волнения я стал передвигать пешки и фигуры. Скоро результат игры выяснился: я торжественно и чудно партию проиграл.

Ну, что ж, это со мной иногда случается, в особенности если я начинаю играть с новым партнером, к манере игры котораго я еще не успел привыкнуть. Вот посмотрим, что скажет вторая партия. Но и другая партия кончилась для меня столь же печально. О, черт побери, реванш, скорее реванш!

Но и третья и четвертая партия имели то же финал, при общем ликовании моих старых шахматных противников—Старкова и Кржижановского.

Нечего делать, как это ни неприятно было для самолюбия, но пришлось согласиться на игру с компенсацией сил: Ильич снимал у себя какую-нибудь легкую фигуру, и тогда шансы на победу уравновешивались.

Помню, между прочим, как мы втроем, т. е. я, Старков и Кржижановский, стали играть с Ильичем по совещанию. Роль лидера тройственного соглашения принадлежала, конечно, мне, но лежавшая на мне обязанность выяснять перед моими союзниками значение тех или иных ходов удваивала напряжение моих сил и моего внимания. И о счастье, о восторг, Ильич «сдрефил»!... Ильич терпит поражение. Он уже потерял одну фигуру, и дела его совершенно не важны. Победа обеспечена за нами.

Рожи у представителей шахматной «антанты» веселые, плутовские, с оскалом белых зубов все более и более ширятся.

«Антанта» зло посмеивается над добиваемым противником и в шутливой болтовне выражает свой неподдельный восторг, смакуя

удачные последствия того гениального хода белых, который для черных оказался весьма роковым, а между тем не замечает того, что полуразбитый, но еще не капитулировавший враг сидит в застывшей позе над доской, как каменное изваяние, олицетворяющее сверхчеловеческое напряжение мысли. На его огромном лбу, с характерными «сократовскими» выпуклостями выступили капельки пота, голова низко наклонена к шахматной доске, глаза неподвижно устремлены на тот уголок, где сосредоточен был стратегический главный пункт битвы...

Ленин дает «шах» и «мат».

Легенда гласит, что Архимед, углубленный в решение своей геометрической задачи, не подарил ни малейшим знаком внимания римского солдата, который обнаружил по отношению к нему достаточно явные агрессивные намерения. Ильич в этот момент напоминает Архимеда. Повидимому, если бы кто-нибудь крикнул сейчас: «пожар, горит, спасайтесь...», он бы и боровью не шевельнул. Цель его жизни в данную минуту заключается в том, чтобы не поддаться, чтобы устоять, чтобы не признать себя побежденным. Лучше умереть от кровоизлияния в мозг, а все-таки не капитулировать, а все-таки выйти с честью из затруднительного положения...

Легкомысленная «Антанта» ничего этого не замечает.

Первый забил тревогу ее лидер.

Ба-ба, ба, это что-то нами непредвиденное... голосом, полным тревоги, реагирует он на сделанный Ильичем великолепный маневр. Гм... гм... це діло треба розжувати, бормочет он себе под нос.

Но увы, разжевать нужно было раньше а теперь уже поздно, Двумя — тремя «тихими» ходами упорный противник «антанты», под шумок ее преждевременного ликования, создал совершенно неожиданную для союзников ситуацию, и боевое «счастье» им изменило.

С этого момента их лиц все более и болеее вытягиваются, а у Ильича глазки загораются лукавым огоньком. Союзники начинают переругиваться между собою, попрекая друг друга в ротозействе, а их победитель весело превесело улыбается и вытирает платком пот со лба.

Я не могу отказать себе в удовольствии перенестись мысленно от этого маленького эпизода из моих далеких воспоминаний к нынешнему моменту мировой революции

Сейчас перед взором Владимира Ильича Ленина расстилается не шахматная доска, а карта всего мира. Он стоит лицом к лицу не с минусинской шахматной «антантой», а с коалицией дирижеров буржуазного хора, хищников всей Европы, Азии и Америки. «Игра», что и говорить, потруднее и посложнее, чем та, которую когда-то Ильич вел с «чемпионами» сибирского ссыльного захолустья. Но и теперь вся сила его ума, вся его огромная воля мобилизована полностью без остатка для победы во что бы то ни стало. Его великолепно устроенная голова напряженно работает и сейчас над своего рода мировой шахматной проблемой.

Всмотритесь в эту «игру». Вот он выдвигает вперед пешечную демократию против цитаделей отечественного капитализма. Вот «делает гамбит» — соглашается на братскую жертву. Вот производит неожиданную рокировку — центр игры переносит из Смольного за Кремлевские стены. Вот развертывает силы с помощью Красной Армии, Красной конницы, Красной артиллерии, обороняется, защищает результаты сделанных завоеваний, а всли возможно, то и нападает. Вот «заманивает» противника — выбрасывает идею концессий Вот как будто отступает и делает чреватые последствиями «тихие ходы» — идет на соглашение с крестьянством, облюбовывает план электрофикации и т. д. Вот проводит пешки на ту линию, где они обращаются в большие фигуры; через аппараты советских и партийных организаций подготовляет из рабоче-крестьянской среды новую интеллигенцию, крупных администраторов, политиков, творцов новой жизни.

И хочется думать, что рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, весь мир будет потрясен финалом «игры: Ильичевское «шах и мат» по адресу капитализма положит конец «игре», которую будут тщательно изучать следующие поколения на протяжении сотен и тысяч лет...

* * *

Несколько дней, ассигнованных на наш минусинский праздничный с'езд, пролетают как один миг. Шахматы, веселая болтовня, дискусии, прогулки и опять шахматы, а для разнообразия и хоровое пение.

Особую страстность и бьющую ключем жизнь в наши вокальные увлечения вносит Владимир Ильич. Когда дело доходит до выполнения нашего обычного репертуара, он входит в раж и начинает командовать:

— К чорту «такую ее долю», выкрикивает он, давайте зажарим «Смело, товарищи, в ногу».

И тотчас же, чтобы избежать дальнейших парламентских проволочек по части вырешения вопроса о естественной очереди предлагаемого им номера, который, признаться сказать, достаточно уже успел поднадоесть остальной компании. он спешит затянуть своим хриплым и несколько фальшивым голоском, представляющим нечто среднее между баритоном, басом и тенором:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнув в борьбе...

И когда ему кажется что честная компания недостаточно отчетливо фразирует козырные места песенки, он, с разгоревшимися глазами, начинает энергично в такт размахивать кулаками, нетерпеливо притопывать ногой и подчеркивает, в ущерб элементарным правилам гармонии, нравящиеся ему места напряжением своих голосовых средств, при чем очень часто с повышением какой-нибудь отвественной ноты на полтона или даже на целый тон...

И водрузим над землею
Красное знамя труда,

гремит его «нечто в роде баритона», заглушая все остальные голоса.

Раз уже речь зашла об эстетической природе Владимира Ильича, то для полнаты картины следует добавить несколько штрихов.

Владимир Ильич не только не лишен чувства изящного, не только не похож на портрет сухого, черствого, неспособного ни к каким «нежностям», ни к каким эстетическим эмоциям человека с гипертрофированной природой политического деятеля, который (портрет) очень часто рисуется в представлении об Ильиче среди широкой публики, но обладает удивительно нежной, я сказал бы, не лишенной даже некоторой сантиментальности душой.

Он очень любит музыку и пение. Для него не было когда-то лучшего уловольствия, лучшего способа отдохнуть от кабинетной работы, как послушать (я мысленно переношусь в период нашей эмиграции в 1904 — 1905 г.) пение тов. Гусева (Драбкина), или игру на скрипне П. А. Красикова под аккомпанимент Лидии Александровны Фотиевой.

Тов. Гусев обладал, а вероятно и сейчас обладает, очень недурным, довольно мощным и сочным баритоном, и когда он красиво отчеканивал «н а с н е в ц е р к в и в е н ч а л и», вся наша семейно-большевицкая аудитория слушала его, затаив дыхание, а Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колено, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения. Или, напр., когда П. А. Красиков вытягивал смычком из своей скрипки чистые прекрасные звуки баркароллы Чайковского, Владимир Ильич первый, по окончании игры, бурно аплодировал и требовал, во чтобы то ни стало повторения.

Никто, между прочим, не представляет себе Ильича, как большого любителя поэзии и именно поэзии классической, немножко отдающей стариной. Он никогда не прочь, в очень редкие минуты своего отдыха, заглянуть в какой-нибудь томик Шекспира, Шиллера, Байрона, Пушкина и даже таких менее крупных поэтов, как Баратынский или Тютчев. Даже, если не ошибаюсь, Тютчев пользуется его преимущественным благорасположением.

Но какой же он эстет, скажет, быть может, иной читатель, если он враг красивой речи... Ну кто же не знает его излюбленной фразы по адресу Потресова или какого-нибудь иного утонченного стилиста: «О, друг мой Аркадий, не говори так красиво»...

Да, это правда, Ильич не долюбливает витийства, вычурных оборотов речи и трескучей фразеологии, в серьезных статьях или речах тем менее уместной, чем больше от них требуется ясности мысли.

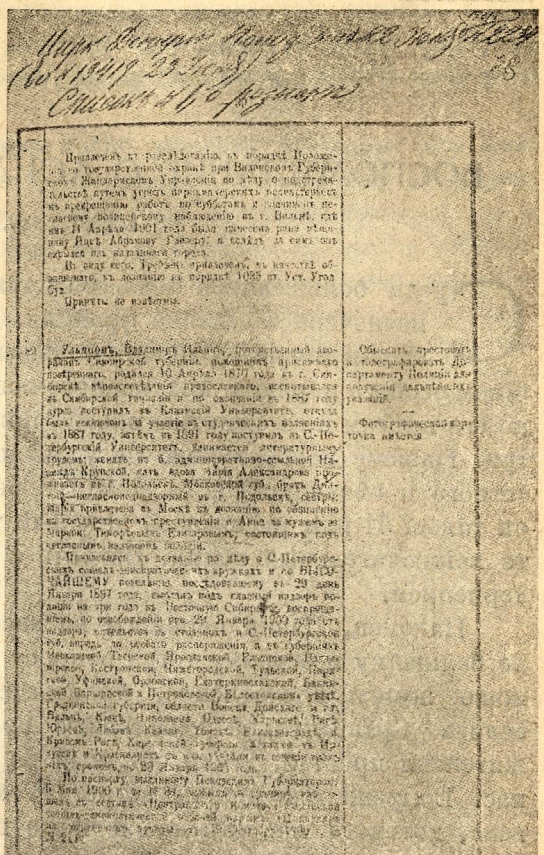
Кстати сказать, Владимир Ильич, если не ошибаюсь, не очень-то долюбливал маленьких детей *, т. е он всегда любил эту сумму загадочных потенциальных возможностей грядущего уклада человеческой жизни, но конкретные Митьки, Ваньки и Мишки не вызывали в нем положительной реакции. Мне кажется, если бы его привели в школу, где резвятся восьмилетние малыши, он не знал бы, что с ними делать, и стал бы искать жадными глазами свою шапку. Поскольку его всегда тянуло поиграть с красивым пушистым котетенком (кошки — это его слабость), постольку у него нет ни малейшего аппетита на возню с двуногим «сопляком» (извиняюсь за не совсем изящное выражение).

По этому поводу мне хочется рассказать один маленький эпизод из запаса воспоминаний моей дочери.

Случилось как-то, что нас большая компания в Женеве отправилась на воскресную прогулку. По дороге зашли на квартиру Ульяновых, прихватили с собой Надежду Константиновну, а оста-

* Это мое личное впечатление быть может и не соответствует действительности.

вшемуся «домовничать» Ильичу мы с женой прикинули наше 5-ти летнее детище. Вл. Ильич, нахмурившись, стал читать газету пытаясь сначала не обращать внимания на гостью. Но как-никак, а гостеприимство обязывает... Газета сердито полетела в сторону, он рванулся в кухню, притащил оттуда миску с водой и стал пускать по этому импровизированному озеру кор бли из скорлупок отгрецких орехов. Гостья сначала заинтересовалась морскими маневрами, и успокоенный Ильич снова принялся за газету, Но юной маринистке скоро надоело возиться с ее флотилией, она забралась на диван, поджала под себя ноги, долго смотрела упорными оловянными глазэми на Ильича, видимо, изучая его наружность, и, наконец, нарушила долго царившее молчание



— Ленин, а Ленин, отчего у тебя на голове два лица?

— Как так два лица? подскочил вопрошаемый.

— А одно спереди, а другое сзади...

Ильич, тот самый Ильич, который никогда не лез за словом в карман, когда нужно было своевременной репликой хлестануть в споре Струве, Мартынова или даже самого Плеханова, тепер, быть может, в первый раз в своей жизни, не сразу нашелся, что ответить.

— Это оттого, что я очень много думаю, после некоторой паузы промолвил, наконец, он.

— Ага, удовлетворилась любознательная гостья.

ГАНДУРИН

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛОНДОНСКОМ С'ЕЗДЕ

в 1907 году.

Среди большевиков разнесся слух, что приехал Ленин, и что назначено заседание фракции.

Ленин для нас, рабочих большевиков, в то время был существом особого порядка. Мы, иваново-вознесенцы, знали Ленина лишь по его книгам и со слов товарищей, приезжавших в Иваново из центра. Нашему воображению не удавалось представить себе авторитетного и общепризнаного вождя в реальных чертах. Ленин! Что он такое? И нам рисовалась какая-то титаническая фигура, какой-то исключительный облик. Встречи с Лениным мы ожидали с нетерпением.

Наконец, Ленин появился на заседании фракции и выступил по большому и острому тогда вопросу о боевых-дружинах. Я очень живо помню впечатление, произведенное им на иваново-вознесенцев. Сравнительно небольшого роста, скромно одетый, такой житейски простой, такой обычный по манерам — он разочаровал нас. Вопреки ожиданиям встретить «титана» мы встретили человека, котораго так интимно и чисто по-русски в партии и по сие время называют Ильичем. Такие простые не мечущие искр глаза, голос — не рыкание трубы, ну, как было нам не разочароваться.

Покончив с целым рядом вопросов, С'езд вернулся к своим занятиям. Первым докладчиком по вопросу об отношении к буржуазным партиям выступил Ленин.

Простой и обыденный на первый взгляд Ленин, с которым мы почти ежедневно виделись на заседаниях фракции, наконец, был как будто понят нами. В нем выявился прежде всего необычайно расчетливый, тонкий обдумывающий каждый свой шаг политик. С'езд проходил при явной победе большевиков. Но победа эта давалась не легко. Нужно было вести практическую линию так, чтобы увлекать за собою польскую социал-демократию и латышей. Они хотя и стояли на позициях, близких к большевицким, но заостренность нашей борьбы с меньшевиками им претила, и по некоторым вопросам они оставались на своей точке зрения. К ним нужно было подходить осторожно...

Когда на заседании фракции подготовлялся проект резолюции, Ленин прежде всего выяснял и устанавливал возможную позицию по отношению к данному большевицкому мнению национальных фракций. Это была работа осторожная, кружевная, тонкая. Казалось, что Ленин способен долго и терпеливо работать над тем, чтобы подготовлять лишь почву, лишь обстановку и бороться хоть за один нужный голос.

Еще одна черта: он очень легко убеждал фракцию: его мнения принимались не как что-то доказанное, а как нечто открытое, найденное. Как организатор, Ленин был сдержан, спокоен, но в нем чувствовалось присутствие где-то глубоко скрытого огня,— огня, горевшего, быть может, тоже спокойно. Его ясная аналитическая мысль, выражаемая обычно очень простыми словами, подчиняла и создавала прочную уверенность в незыблемости излагаемого.

Л. ГЕРМАНОВ

ИЗ ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ.

В 1910 году.

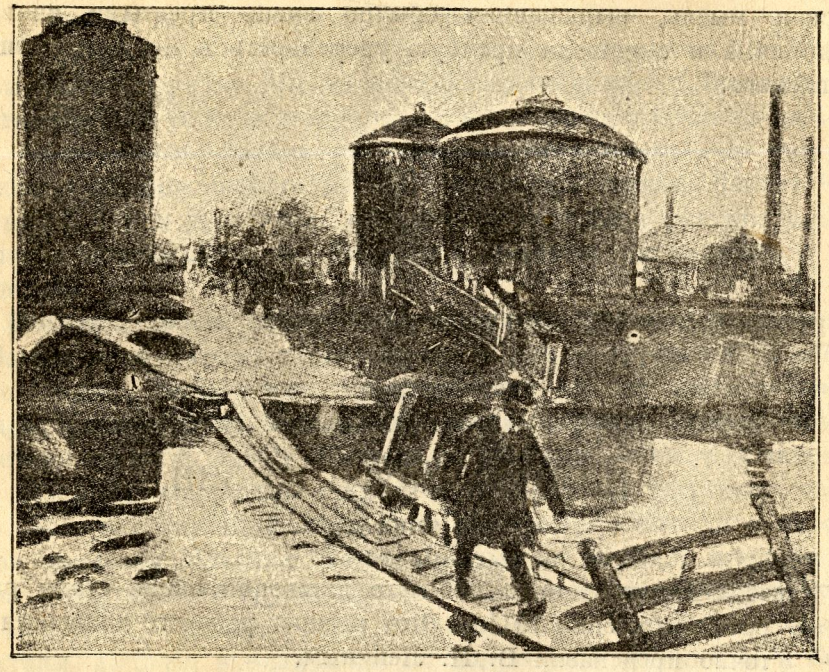
Революционные огни рабочего движения вновь стали разгораться к осени 1911 г. Этот расцвет рабочего движения был точно предсказан В. И. Лениным.

В конце 1909 г. я поехал за границу. При посещении Ленина я застал его за работой над земскими сборниками. Он работал на счетах, как добросовестный статистический счетчик. С первых же слов он сказал мне: «Необходимо своевременно приготовить аграрную программу. В 1905 г. было аграрное движение — у нас не было программы; в 1906 г. у нас была программа — не стало аграрного движения. Необходимо подготовиться к новым крестьянским выступлениям».

Дальше в разговоре он сказал: «откровенно вам скажу, еще два года нечего будет делать, в ближайшее время трудно предвидеть оживление рабочего движения». Надежда Константиновна Крупская (жена Ленина) постаралась смягчить «бестактность»

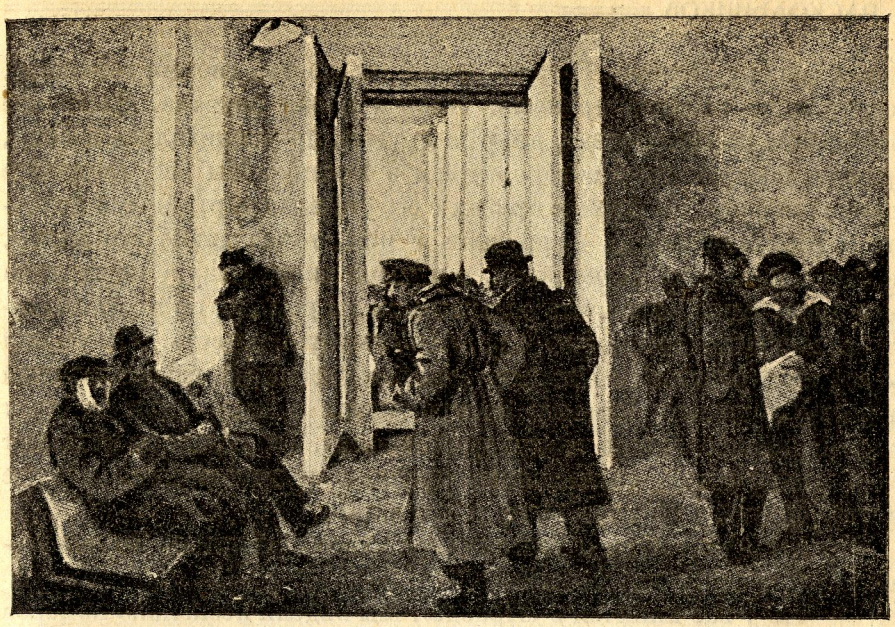
Владимира Ильича: нельзя же так обескураживать человека, приехавшего с работы и возвращающегося на работу, в особенности перед пленумом ЦК (1910 г.) на котором принимались все меры к усилению партийной работы.

Слова В. И. оказались пророческими. Рабочее движение стало расцветать в конце 1911 г., ровно через два года.



Ильич скрывается от шпиков в Петрограде на речке Карповке.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.



Появление Ильича в Смольном в октябре 1917 г.
Скобелев и Дан входят в помещение С. Р. Д. и узнают в одной из комнат, Ильича с лицом, повязанным платком, сидящего с Троцким.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

ПРИЕЗД ЛЕНИНА В РОССИЮ.

Вы знаете, ведь сегодня вечером в Петроград приезжает Ленин, сказал мне Леонид Николаевич Старк. Это было 3-го апреля 1917 г.

Известие подтвердилось и в условленный час мы вместе с Львом Борисовичем, Ольгой Давидовной и тов. Теодоровичем поехали на финляндский вокзал. Там, как всегда, было людно и шумно.

В вагоне товарищ рассказывал о Владимире Ильиче и посмеивался над встречей, которые ему готовили петербургские товарищи: «Надо знать Ильича, он так ненавидит всякие торжественности».

Вот раздался первый звонок, предвещавший его приближение. Мы все вышли на перрон... Здесь, оживленно переговариваясь под сенью своего широкого красного знамени, нетерпеливо ждали поезд рабочие Сестрорецкого оружейного завода.

Они несколько верст прошли пешком для встречи своего любимого вождя.

Наконец, быстро промчались три ослепительно ярких огня паровоза, а за ними замелькали освещенные окна вагонов все тише, все медленнее. Поезд остановился, и мы тотчас узнали над рабочей

толпой фигуру Ленина. Высоко поднимая его над своими головами, сестрорецкие рабочие пронесли Ильича в зал вокзала. Здесь все приехавшие из Петрограда, друг за другом, протискивались к нему, сердечно поздравляя с возвращением в Россию. Мы все, видевшие Ильича впервые, на равных правах с его старыми партийными друзьями и родственниками, целовались с ним, точно давно его знали. Он был как-то безоблачно весел, и улыбка ни на минуту не сходила с его лица. Было видно, что возвращение на родину, об'ятую пламенем революции, доставляет ему неиз'яснимую радость. Не успели мы все поздороваться с Ильичем, как возбужденный, взволнованный радостью свидания Каменев быстро вошел в залу, ведя за руку не менее взволнованного товарища Зиновьева. Тов. Каменев знакомит нас с последним и, обменявшись крепким рукопожатием, мы все вместе, окружив Ильича, идем в его вагон.

Едва войдя в купэ и усевшись на диван, Владимир Ильич тотчас накидывается на Каменева

— Что у вас пишется в «Правде». Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...—слышится отечески журящий голос Ильича, от которого никогда не бывает обидно. Сестрорецкие товарищи просят Владимира Ильича сказать несколько слов. Но он увлечен разговором с Каменевым: так много нужно узнать и еще больше высказать.

Поезд тем временем незаметно подходит к Петрограду. Вдоль этой платформы, к которой подходит наш поезд, по обеим ее сторонам, оставляя широкий проход в середине, выстроились матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. Командир экипажа Максимов, молодой офицер из прапорщиков флота, с азартом делающий карьеру на революции, выступает вперед, пересекает путь Ленину и произносит приветственную речь. Он заканчивает ее курьезным выражением надежды, что Ленин войдет в состав Временного Правительства. На наших лицах появляются улыбки. «Ну, думаю, покажет вам Ленин участие во временном Правительстве. Не обрадуетесь». И действительно, когда на следующий день Ильич публично развернул свою программу, то Максимов, выскочка и политический ребенок, поместил в буржуазных газетах письмо в редакцию, открещиваясь в нем от встречи Ленина и об'ясняя свое участие неведением об его проезде через Германию.

Но матросы-массовики не имели основания раскаиваться, так как уже тогда они видели в Ленине своего признанного вождя.

В ответ на пожелание о вступлении в состав Временного Правительства Ленин громко бросает боевой лозунг: «Да здравствует социалистическая революция».

На вокзале масса народу. Преобладает рабочая публика. Ленин проходит в «парадные покои» финляндского вокзала, где его привет-

ствуют представители Петроградского Совета. Он кратко отвечает, снова заканчивая свои слова восклицанием: «Да здравствует социалистическая революция».

Наконец, с тем же лозунгом оно бращается к тысячной толпе, собравшейся на площади перед вокзалом, чтобы приветствовать старого вождя российского пролетариата.

Эту речь Ленин произносит, стоя на броневике.

Ленин уезжает в цитадель большевизма, бывший дом фаворитки Кшесинской, после февральской революции занятый нашими руководящими партийными учреждениями.

Вокруг дома Кшесинской мы застали огромную толпу рабочих и солдат, внимательно слушавших горячую речь Ленина, произносимую им с балкона второго этажа. Он говорил о развитии и перспективах мировой революции.

«В Германии—кипит. В Англии правительство держит в тюрьме Джона Маклина», доносились до меня слова Ильича. Мы застали только конец речи, которую Ильич закончил бодрым оптимистическим аккордом, говорившим о Российской революции, как о начале международного восстания трудящихся, которое приближается с каждым днем.

Мы поднялись во второй этаж, где Ильич, закончив свою речь, только что принялся за стакан чаю. Здесь находилось много партийных работников. Вскоре Ильича снова вызвали на балкон, так как пришли его приветствовать товарищи-кронштадтцы. Семен Григорьевич Рошаль, находившийся в этот день в Кронштадте, узнав о приезде Ленина, собрал всех желавших его встретить, и по талому льду привел их в Петроград. Начавшаяся оттепель и послужила причиной их невольного запоздания.

Тов. Рошаль поднялся на балкон и от имени кронштадтцев приветствовал Ленина. Ильич ответил краткой речью. Лозунг социалистической революции пришелся как нельзя более по душе кронштадтцам и был подхвачен восторженным гулом «ура» и целым ураганом аплодисментов.

Затем все вернулись в комнаты, где непрерывно происходила встреча старых друзей, разлученных годами тюрьмы и эмиграции, и знакомство новых работников, выросших в эпоху «Звезды» и «Правды», с ветеранами революции и большевизма.

Ильич сидел и слушал все речи с полу улыбкой и нетерпеливо ждал конца.

Когда список ораторов был исчерпан, Ильич сразу ожил, поднялся и приступил к делу.

Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда. Он едко высмеял пресловутую формулу поддержки Вре-

менного Правительства «постольку, поскольку», и провозгласил лозунг—никакой поддержки правительству капиталистов, одновременно призывал партию к борьбе за передачу власти в руки советов, за социалистическую революцию.

На нескольких ярких примерах Ленин блестяще доказал всю фальшь политики Временного Правительства, вопиющие противоречия между его обещаниями и делами, словами и фактами, подчеркивая наш долг беспощадного разоблачения его, по существу контр-революционных и антидемократических поползновений и действий. Речь Ленина длилась около часа. Аудитория застыла в неослабном и напряженном внимании. Здесь были представлены наиболее ответственные работники партии. Но и для них речь Ленина явилась настоящим откровением. Она положила рубикон между тактикой вчерашнего и сегоднешнего дня.

Ленин ясно и отчетливо поставил вопрос: «что делать»? и от полупризнания, полуподдержки правительства призвал к непризнанию и непримиримой борьбе.

Конечное торжество Советской власти, мерещившееся многим в туманной дали более или менее неопределенного будущего, Ленин перевел в плоскость неотложного и в ближайшем времени достижимого завоевания революции. Эта речь была в полном смысле исторической. Здесь Ленин впервые изложил свою политическую программу, позже формулированную в известных тезисах. Эта речь произвела Октябрьскую революцию в сознании руководителей партии и легла в основу всей дальнейшей работы большевиков.

Не даром тактика нашей партии не составляет одной прямой линии после приезда Ленина, делая крутой зигзаг влево. Когда Ильич закончил свою речь, оставившую у всех незабываемое впечатление, ему была устроена бурная и продолжительная овация. Каменев в нескольких словах резюмировал общее настроение.

«Мы можем быть согласны или несогласны со взглядами Ленина, мы можем расходиться с ним в оценке того или иного положения, но во всяком случае в лице Ленина вернулся в Россию гениальный и признанный вождь нашей партии, и вместе с ним мы пойдем вперед на встречу социализму».

Во всяком случае, несмотря на те или иные разногласия, единство партии было сохранено. Под руководством дальновидного вождя она прошла через победы и неизбежные временные поражения, пока, наконец, не достигла триумфа в своей героической борьбе за рабоче-крестьянскую власть

Билет, по которому скрывался Ленин.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВ

ТАИНСТВЕННЫЙ ШАЛАШ.

(Воспоминания Н. А. Емельянова о нелегальном периоде жизни Ленина и Зиновьева после июля 1917 г.).

С 3-го на 4-ое июля пришел ко мне товарищ Зоф* и сообщил, что Центральный Комитет партии поручает мне скрыть Владимира Ильича Ленина и Григория Евсеевича Зиновьева. Я должен был встретить Владимира Ильича и Григория Евсеевича у Строгонова моста. 4-го я был уже в Петрограде, запасшись билетами и ожидая в условленном месте. Через некоторое время под'ехали в крытой карете Ленин и Зиновьев. Через несколько минут мы уже были на вокзале и, разместившись на площадке вагона, доехали до станции Разлив. Тут уже почувствовали, что миновали самые большие опасности. Через несколько минут добрались до первого логовища Владимира Ильича и Зиновьева: это чердак сарая, преобразованного в сеновал, где и находились первое время Ленин и Зиновьев.

* Сейчас комиссар морских сил Республики. (От ред.).

Первое, что было сделано—это изменение облика Зиновьева и Ленина: волосы немедленно были выстрижены. Положение не из приятных: кругом живут дачники, наслаждающиеся природой на счет трудового класса и, естественно, что они, противники всякого рабочего движения, с удовольствием при возможности возьмут на себя миссию шпионажа.

Чердак имел свои выгодные стороны, служил прекрасным местом для ориентировки и давал значительную помощь, а именно: приезжает товарищ, спрашивает Владимира Ильича, гость отводится в глубь двора, а за это время Владимир Ильич и Григорий Евсеевич наблюдают из многочисленных щелей чердака. Затем гость оставляется полюбоваться окружающим.

Владимир Ильич дает ответ о результате своих наблюдений, и уже после подобной репетиции тов. имеет возможность получить свидание.

Был и такой случай: приходит однажды тов. N, также сообщает, что ему необходимо видеть Владимира Ильича, но, к несчастью, ни Владимир Ильич, ни Григорий Евсеевич не опознали товарища, он же настаивает и говорит, что ему необходимо иметь свидание; держали совет, и решено было в случае чего пойти на крайность, но, к счастью, оказались свои.

Но как ни прелестны удобства чердака, а положение не из совсем приятных: каждую минуту мог кто-нибудь заметить, и поэтому пришлось подумывать о более безопасном месте. «Время сенокосное, а что, если Владимир Ильич и Григорий Евсеевич под видом косарей переселятся на сенокос», тем более, что, после преобразования их наружности и стрижки, они были весьма похожи на таковых. Идея хорошая, и Владимир Ильич и Григорий Евсеевич такую одобрили, да и чердак-то, по всей вероятности, не особенно нравился изгнанникам.

Сенокос расположен за Разливом (небольшое озеро), приблизительно водою четыре версты, да лесом около полуторы верст. Тут уже атмосфера другая, нет той публики, населяющей дачные места. Она здесь редко показывается. Постоянные обитатели здесь—трудящиеся, рабочие косари, которые не разыскивают скрывшихся вождей рабочего движения. Чердак сменился другим жилищем, шалашом, сделанным из веток и сверху покрытым сеном. Да этот шалаш нужно бы назвать «штабом революции», потому что здесь Владимир Ильич с Григорием Евсеевичнм совершенно спокойно занялись работой. Рядом и кухня устроена: на кольях висит котелок, греется чай. Но ночью невыносимо: надоедливые комары совершенно не дают покоя, как от них ни прячься, а они достигнут своего, и нередко приходится быть искусанным, но ничего не поделаешь—не все отлично

Приезжали к ним товарищи, совершали чуть ли не кругосветное путешествие на всех видах транспорта: сперва на допотопной железной дороге, затем на лодке через Разлив, завершая дальнейшее путешествие пешком.

Было устроено так: приезжает какой-либо товарищ, преимущественно ночью, заходит на старую квартиру, затем оттуда его провожает сын Емельянова, Кондратий, и доставляет к шалану. Помню, как товарищи радушно встречались, беседовали, а затем к рассвету нужно было и удаляться.

Интересный произошел эпизод с оповещением тов. З. И. Лилиной, жившей в то время около станц. Тараховка; ей нужно было сообщить местонахождение Григория Евсеевича: хотя они оба жили по соседству, но тов. З. И. Лилина об этом соседстве ровно ничего не знала. Сообщить надо, но надо сделать это так, чтобы не подать тени подозрения, так как тов. З. И. Лилина жила у своих родных, имеющих прислугу, кто ее знает, может быть через посредство ее следят за каждым движением тов. З. И. Лилиной.

Решили нарядить Надежду Кондратьевну торговкой, специально купили курицу и в указанный дом она вошла продавать ее. К несчастью, тов. З. И. Лилиной не нужна была курица, и она через прислугу сообщила мнимой торговке, что курица не нужна. Но тут тов. З. И. Лилина сама вышла и по данному знаку торговкой поняла, что торг здесь не из-за курицы. Торговка выходит, а тов. З. И. Лилина за ней. В это время передается записка. Тов. Лилина, прочитав, забыла всякую осторожность и намерена броситься на шею торговке, но по предупрежденному взгляду не выдает секрета—приходит в себя. Так был сообщен тов. З. И. Лилиной адрес, куда необходимо прийти, затем указанным путем она была перевезена к месту пребывания Владимира Ильича и Григория Евсеевича.

В изгнании они чувствовали себя не совсем плохо: пользовались моментом отдыха; Владимир Ильич и Григорий Евсеевич не упускали случая и частенько ходили купаться в Разливе. Лес—прекрасное место для охоты, и тут Григорий Евсеевич, под видом охотника, вздумал как-то пройтись с ружьем.

Однако из этой охоты чуть не вышло беды. Григорий Евсеевич набрел на лесника К. Аксенова, который, как блюститель порядка, конечно, первым долгом отнял ружье, а второе—для составления протокола стал допытываться фамилии, которая, конечно, ему не была сообщена. Дело не из прекрасных: лесник Аксенов мог узнать Григория Евсеевича и, конечно, мог сообщить туда, где нежелательно было, чтобы знали, а затем и заманчиво: ведь Владимир Ильич и Григорий Евсеевич были оценены в 200000 руб., сумма громадная в то время, хотя они и ошиблись в расценке: ими вожди рабочего

класса были слишком дешево оценены; теперь, конечно, они знают цену.

Мне пришлось это дело уладить. Я пошел сначала вообще узнать, какое впечатление произвел на Аксенова мнимый охотник. Прихожу, спрашиваю: «Михайлыч, это ты отнял ружье у моего работника»— «Да, я», говорит. «Эх, Михайлыч, разве так относятся к товарищу по службе; кажется, вместе четыре года отслужили солдатчины, а ты еще мои ружья отбирать вздумал». «Да как же, откуда я знал, что ружье твое,—ведь он «чухонская лайба», ни слова по-русски не говорит. Я спрашивал: «чей, кто, ничего не отвечает». Удостоверившись, что серьезного ничего нет и что лесник Аксенов просто принимал Зиновьева за финна, работающего у меня, мы все успокоились.

Владимир Ильич и Григорий Евсеевич ежедневно читали все газеты, какие только выпускали в то время. Газеты доставлялись все тем же путем. Помню, газеты частенько были с заметками, описывающими, каким образом Владимир Ильич и Григорий Евсеевич скрылись за границу: то фигурируют подводные лодки, то аэропланы; на самом деле верно только одно—что через воду, да только не на подводной, а на простой однопарной весельной лодке совершен весь переезд. Читая подобные заметки, Владимир Ильич от души смеялся, называя издателей буржуазных газет «гороховыми шутами».

Итак, буржуазия негодовала, а Владимир Ильич все пишет статью за статьей, занимаясь в своем излюбленном месте, за большим ивовым кустом. Владимир Ильич и Григорий Евсеевич не упускали случая и возможности заняться и физическим трудом: помню, как оба они, не уступая опытным носильщикам, носили на носилках большие копны сена, метали стоги: помню, как Владимир Ильич ловко подавал сено на вилах, и в конце концов был сметан большой стог сена. В вечернее время частенько ходили любить рыбу бреднем с ребятишками.

И так живем, а время идет; уже природа дает себя чувствовать. Все чаще и чаще стали поливать дожди.

Помню, с какой внезапностью застал нас первый большой дождь. Утром погода была отличная, чуть лишь маленький ветерок шевелил листья деревьев, солнце было уже высоко. Я был доволен сегодняшним днем, думая, что вот высушу сено и можно будет убрать. К несчастью, после обеда поднялся небольшой ветерок, затем все усиливался и усиливался и в конце концов перешел в сильный, порывистый ветер. Затем быстро стало заволакивать небо тучами.

Я предвидел, что будет сильный дождь и нужно торопиться с уборкой сена: тут Владимир Ильич и Григорий Евсеевич, видя, что громадное количество трудов может пропасть даром, стали помогать в уборке сена. Сено отстояли от дождя, успели убрать. И только что

убрали, пошел накрапывать дождик, а затем разразился такой ливень, что шалаш промок, и нас, сидевших в нем, начало помаленьку помачивать.

Владимир Ильич начинает бить тревогу: предлагает нам оборудовать наше жилище, сходить в лес за сучьями, покрыть еще сеном, дабы не пришлось ночью бы дрожать от холода, промокнувши насквозь. Предложение Владимира Ильича нашли правильным, и мы дружно принялись за дело. Взяли топор, кто рубит сучья, таскает, и моментально сучья были натасканы; затем, уложив их, покрыли добавочно сеном, и шалаш был исправлен. И весьма кстати, так как в это время дожди уже стали быть постоянными посетителями.

Постепенно стало все холоднее и холоднее, и нужно было подумывать о том, что дальнейшее пребывание станет невыносимым. Необходимо стало подыскать другое место проживания, более приспособленное к осеннему времени и к тому ж более безопасное. По предложению тов. Шотмана, решено было Владимиру Ильичу переехать в Финляндию, а насчет Григория Евсеевича решили, что он переедет и останется в Петрограде

Устройство Владимира Ильича в Финляндии доверено было тов. Шотману, а мне было задано достать необходимые документы. Воспользовавшись тем, что в местном Сестрорецком оружейном заводе выдавались пропуска на проезд через границу работавшим на заводе и жившим в «Райволе» рабочим, я достал пропуска на проезд через границу за подписью начальника завода Дмитриевского. Оставалось только лишь сняться Владимиру Ильичу и Григорию Евсеевичу и налепить карточки.

Владимир Ильич, Григорий Евсеевич были выстрижены, загримированы в парики, приехал тов. Лещенко Д. П., который и снял Владимира Ильича и Григория Евсеевича. Документы были готовы, оставалось решить вопрос, каким образом перебраться на новые места. Было решено отправиться пешком через лес в Дибупы, а оттуда в Петроград, так и было сделано.

Приблизительно через месяц Надежде Константиновне Ульяновой необходимо было переехать через границу в Финляндию к Владимиру Ильичу. Надежда Константиновна была таким же образом переправлена через границу по документам на имя Агафии Атамановой, как уроженка с. Райволы.

РОВИО

КАК ЛЕНИН СКРЫВАЛСЯ У ГЕЛЬСИНГФОРСКОГО „ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА".

Приехал т. Шотман и говорит с самым таинственным видом: «Ц.К. партии поручил мне организовать переезд и подыскать квартиру для Ленина и Зиновьева здесь в Финляндии».

— Сюда уже приезжала одна девица по этому делу, и я с ней уже сговорился,—заметил я с своей стороны.

— Она неправильно сделала, мне поручено устроить товарищей здесь в Гельсингфорсе, но чтобы об этом никто не знал. Ты не имеешь права никому об этом сообщать,—сказал мне Шотман.

— Хорошо. Я готов помочь чем могу. Само собой понятно, что от меня никто не узнает,—ответил я.

Так как Шотман очень торопил с перевозкой Ленина, то мы решили, что он привезет Ленина прямо ко мне на квартиру, а потом уже разыщем для него более подходящую квартиру. После того, как Ленин будет водворен в Гельсингфорсе, Шотман привезет и Зиновьева.

В начале апреля 1917 года рабочие организации выбрали меня начальником милиции Гельсингфорса. Позже я был утвержден генерал-губернатором и сенатом с соблюдением всех параграфов законов «старшим помощником гельсингфорского полицеймейстера», а полицеймейстером некий поручик фон-Шрадер. Но в виду обострившейся классовой борьбы Шрадер не выдержал атаки буржуазии и ее прессы, обливавшей ежедневно грязью милицию, состоявшую почти поголовно из рабочих сациал-демократов, и ушел. Таким образом я остался вридначальником милиции до самой рабочей революции в январе 1918 г.

У меня была квартира: одна комната и кухня на Хагнесской площади, дом № 1, кв. № 22. Так как ко мне никто не приходил, а моя жена в то время была в деревне, то мы и нашли самым удобным и безопасным сначала поселить Ленина у меня. Шотман даже пошутил:

— Приеду в Питер, скажу нашим, что поместил Ленина у гельсингфорского полицеймейстера. Вот уже, наверное, будут удивляться и смеяться, когда узнают. И я убежден, что ни один чорт из агентов Керенского и не подумает заглянуть в твою квартиру.

Мы условились с Шотманом, что он сначала привезет Ленина в гор. Лахти и оттуда позвонит по телефону мне в Гельсингфорс в управление милиции. Из Лахти они поедут к депутату Вийку на квартиру, так как он жил не в самом городе Гельсингфорсе, а

в дачной местности у ст. Мальм. Когда все было обдумано и взвешено, т. Шотман уехал, довольный и радостный.

Через пару дней у меня звонит телефон. Шотман сообщает из гор. Лахти, что «все благополучно. Завтра вечером буду у тебя».

На следующий день мне звонил Вийк и просил вечером назначить свидание, так как меня хочет видеть один товарищ. Я назначил в 11 часов вечера, на тротуаре у Хагнесского рынка.

Заблаговременно я вышел в условное место и стал ждать. Через несколько минут ко мне подошли два лица, разговаривая по-французски. Один из них был Вийк, и я с ним поздоровался.

— Товарищ Ровио?—спросил меня спокойно по-русски, подавая мне руку, второй товарищ. Это был Ленин, которого я впервые здесь увидел. Я ответил утвердительно и пожал его руку. Мы направились на мою квартиру. Это было в конце июля или в первых числах августа—точно не помню чисел. Осмотревшись предусмотрительно кругом и не заметив ни души на улице, мы взобрались на пятый этаж в мою квартиру.

Я чувствовал некоторое легкое возбуждение или азарт игрока, став вдруг квартирохозяином Ленина. Конечно, я не мог и подозревать в то время, что через четыре месяца Ленин будет руководителем державы великой, но, читая ежедневно русские буржуазные и соглашательские газеты и видя, какое внимание уделяется в них «шпионажу» Ленина, я понимал вполне конспирацию т. Шотмана и не мог не чувствовать легкого напряжения. Тем более, что мне по службе чуть ли не кадый день приходилось иметь дела с контр-разведкой Керенскаго, а иногда и с Финляндским генерал-губернатором, октябристом М. М. Стаховичем.

Я заварил чаю и предложил своему «квартиранту». Вийк ушел. Ленин стал расспрашивать, как получать русские газеты. Я об'яснил, что вернее всего можно получить по приходе поезда из Петрограда на вокзале ежедневно часов в 6—7 вечера.

— Вам придется ходить каждый день на вокзал и брать мне все русские газеты. Потом вам надо будет наладить переправку писем по своей почте, мы не можем доверяться оффициальной почте,— стал мне давать распоряжения Ленин.

Все это я обещал выполнить точно. Сообщил Ленину, что у меня есть вполне надежный товарищ, железнодорожный почтальон в вагоне, который курсирует между Гельсингфорсом и Питером, и при помощи его я смогу наладить нелегальную почту, лишь только получу указание, куда письма в Питере должны доставляться.

Когда Ленин узнал все необходимое для его работы, он мне сказал, чтобы я лег спать, он еще сядет за письменный стол за работу. И несмотря на то, что было уже поздно, и он только что поселился

в новой квартире, Ленин преспокойно сел за стол, взял русские газеты и стал их рассматривать и писать. Не знаю сколько времени он писал, потому что я заснул. Утром я встал часов в девять и посмотрел на стол. Тут лежала тетрадь с заголовком: «Государство и революция». Ленин остался спать, а я пошел на службу. Когда я днем, часа в четыре, пришел домой, Ленин говорит мне:

— Я просмотрел ваш книжный шкаф. У вас мого хороших книг, мне они как раз нужны.

Потом он просил меня купить для него яиц, масла и пр. Я предложил приносить обеды из столовой кооператива, куда я обыкновенно ходил обедать, но он категорически отказался, об'ясняя, что на газовой плите он сумеет сварить кипяток для чая и сварить яиц, а больше—что ж, для него того вполне достаточно.

— Мне главное—газеты. Вот газеты не прозевайте,—стал он мне об'яснять.

Я ушел на вокзал и принес с собою кипу газет. У нас так и наладилось: по вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки их в Питер. Днем он сам себе готовил пищу.

Прожил у меня Ленин недели полторы, тогда Вийк нашел для него другую квартиру у т. Усениуса. Поздно вечером мы перевезли его туда. Но через несколько дней мне пришлось опять поселить Ленина у себя, так как тот товарищ, в комнате которого он поселился, вернулся неожиданно, и потому квартира оказалась неудобной.

Когда Ленин прожил вновь у меня с неделю, мы нашли новую квартиру у Теле в бездетной семье рабочего Б. Я не хочу называть настоящей фамилии товарища, потому что он был после подавления финской революции арестован и приговорен к расстрелу, и я до сих пор не знаю, расстреляли его или нет. Товарищ этот дал в распоряжение Ленина комнату, его жена приготовляла кушанье и вообще всячески заботилась обо всех удобствах Ленина. Ленин был весьма доволен своей квартирой и квартирохозяевами.

Я приезжал к нему каждый вечер, привозил газеты и брал письма для отсылки и был переводчиком между Лениным и квартирохозяевами, которые очень сожалели, что не могут непосредственно об'ясниться с Лениным. Ленин также сожалел, что не владеет ни финским, ни шведским языком, и добавил, что теперь уже поздно для него изучать финский язык. На этой квартире Ленин прожил все остальное время своего пребывания в Гельсингфорсе, приблизительно месяц или больше, до конца сентября или начала октября, когда он переехал в Выборг.

Вспоминая теперь, после пяти лет, подробности работы и жизни Ленина в подполье в Гельсингфорсе, многое я уже позабыл. В па-

мяти остались лишь отрывочные, наиболее яркие картины и эпизоды из повседневных наших встреч.

Ленин жил среди финского рабочего класса как раз в тот момент, когда его туда рабочие организации постановили пригласить на свой праздник. Дело в том, что в последнее воскресенье августа всюду в Финляндии устраивается рабочими организациями традиционный праздник труда, чистый сбор с коего поступает в кассу Центральн. организации профсоюзов (В. Ц. С. П. С. Финляндии).

И вот в Гельсингфорсе комиссия, устраивающая праздник, постановила еще до июльских дней пригласить Ленина в качестве оратора на этот праздник. Мне было поручено составить и послать с этой целью пригласительное письмо Ленину. Я письмо написал, но не успел его послать, как уже Ленин очутился у меня «квартирантом». Однажды я показал письмо Владимиру Ильичу и рассказал, что это за праздник. Ленин улыбнулся и сказал:

— Мне придется теперь воздержаться от речей. Правда, праздник недалеко, но оставим это до другого раза.

«Финансовый» вопрос требовал разрешения. Не в том смысле, что у Ильича не было денег, но, к несчастью, у него деньги были русские. В виду непрерывного падения курса русских денег, в то время как курс финской марки не так быстро падал, и в виду, кроме этого, валютной спекуляции русскими деньгами банки в Гельсингфорсе меняли русских денег только на десять марок одному лицу. У меня же в день на одни газеты больше расходовалось денег. Сам я не мог менять достаточного количества денег, и неудобно было в качестве начальника милиции ежедневно менять русские деньги, потому что всех меняльщиков считали спекулянтами, и вся пресса вела против них кампанию.

Как быть? Как об'яснить обилие русских денег у меня. Я обратился к своим товарищам в управлении и об'яснил, что у меня есть от партии секретное поручение и мне нужно менять русские деньги на финские, для чего мне нужна их помощь. «После я вам об'ясню, и ваши имена будут занесены по этому случаю в историю»,— пошутил я в заключение. Таким образом я смог пятерых сразу послать менять деньги, и «финансовый кризис» Владимира Ильича был благополучно разрешен.

Знал ли кто о пребывании Владимира Ильича в Гельсингфорсе? Из русских товарищей, проживавших в Финляндии, знал лишь т. Смилга. Когда Ильич поселился у меня, он попросил провести к нему Смилгу. Я сходил к Смилге и привел к себе на квартиру. Владимир Ильич стал у него расспрашивать о настроении моряков, гарнизона, о газете, типографии и проч. Из финских товарищей знали лишь некоторые члены Ц. К.., как т. т. Манер, Куусинен, так как я им сообщил и устроил свидание с Владимиром Ильичем. То-

варищ Маннер был в то время тальманом (или председателем) сейма, и в один прекрасный день мы на извозчике поехали с Владимиром Ильичем к нему на квартиру. Беседа велась частью на немецком, частью на русском языках, и я уже забыл содержание ее, помню, лишь, что вопрос зашел об антимилитаризме, по поводу чего Владимир Ильич заметил, чио антимилитаризм—болезнь, присущая маленьким странам, что весьма понятно, так как бремя милитаризма для маленьких стран непосильно. Но с точки зрения классовой борьбы, антимилитаризм—неправильная позиция, рабочие должны итти в армию, обучаться военному делу и завоевывать армию в свои руки, ибо без армии революция невозможна.

Товарищ Куусинен имел свидание с Ильичем как раз перед от'ездом его в Выборг. Разговор шел исключительно на немецком языке, и поэтому я, как непонимающий этого языка, забыл все, что мне про разговор было рассказано.

Тов. Шотман приезжал несколько раз. Он дал мне адреса, куда должны были доставляться письма, и вообще организовал почту в Питере. Вот раз он приезжает, кажется, после корниловских дней, и говорит мне:

— Знаешь, через четыре месяца Ильич будет у нас премьер-министром,—и стал об'яснять и доказывать свою правоту.

Когда мы пришли к Ильичу, он и говорит:

— Владимир Ильич, через четыре месяца вам придется составлять кабинет, вы будете премьером.

Владимир Ильич стал у него распрашывать подробнейшим образом про все. Спросил про Зиновьева, про Сталина и про других членов Ц. К.

Не помню, Шотман ли или Смилга рассказывал про пресловутое Демократическое Совещание и называл его болотом. Владимир Ильич назвал работу болтовней и сказал, что надо бы взять солдат, окружить Александринку и арестовать целиком это гнилое болото—достаточно уже наболтали. И спрашивает, хитро усмехаясь: нельзя ли это как-нибудь нечаянно сделать?

Один раз приезжала к Владимиру Ильичу Надежда Константиновна. Ильич нарисовал карту, как к нему можно пройти, и послал это в письме к Надежде Константиновне. И вот по этому плану Надежда Константиновна приехала в Гельсингфорс и разыскала квартиру Владимира Ильича.

По мере обострения классовой борьбы и по мере усиления влияния нашей партии Владимиру Ильичу становилось невтерпеж в Гельсингфорсе. Ближе к событиям, ближе к Питеру. В один прекрасный день Владимир Ильич об'явил мне, что он хочет ехать в Выборг, и я должен достать ему парик, краски для бровей, паспорт и устроить квартиру в Выборге.

Я приступил к выполнению задания. Отыскал в газетах об'явление театрального парикмахера и позвонил к нему относительно парика, как можно заказать таковой. Он об'яснил, что надо придти лично, он снимет мерку и изготовит какой угодно.

На следующий день рано утром мы пошли, стараясь итти по безлюдным улицам на Владимирскую улицу. Вошли в парикмахерскую. Парикмахер оказался старым петербуржцем, работал здесь в Мариинском театре и был специалистом своего дела. Он рассказывал нам, как он «обмолаживал» князей, графов, генералов и пр. аристократов и аристократок. На вопрос Владимира Ильича, когда парик будет готов, он об'яснил, что не раньше двух недель, потому что это очень кропотливая работа: каждый волос пришивается отдельно. Вот тебе и на. А Владимир Ильич предполагал через пару дней уехать.

— Может у вас готовые есть?—спросил Владимир Ильич.

Он снял мерку с головы Владимира Ильича и спросил какого цвета. Владимир Ильич сказал, что парик должен быть с сединой, примерно, так, чтобы он был похож на шестидесятилетнего. Бедняга парикмахер чуть не упал в обморок от удивления.

— Что вы. Вы еще такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать. Зачем же вы берете такой парик, да у вас седина-то еще не выступила. Парикмахер стал самым красноречивым образом убеждать Владимира Ильича не брать себе преждевременной старости. Несмотря на все возражения Владимира Ильича, он долго убеждал не брать седого парика.

— Да вам-то не все ли равно, какой парик я возьму,—сказал Владимир Ильич.

— Нет, я хочу, чтобы вы сохранили свой молодой вид,—стал опять убеждать парикмахер.

Владимир Ильич стал рассматривать шкафы и, наметив там седой парик, попросил парикмахера испробовать. С укоризной взял парикмахер парик и стал примерять. Парик оказался почти подходящим, нужно было чуть-чуть распороть и перешить. Парикмахер обещал сделать к завтрашнему утру. На следующий день мы пришли снова, парик был готов. Примерили и окончательно пригнали к голове Владимира Ильича. Парикмахер дал указания, как его носить, и мы расплатились и распрощались. Я думаю, что парикмахер и по сей день удивляется Владимиру Ильичу, и, наверно, рассказывает своим посетителям о чудаке, который мог сойти за молодого человека, но упорно хотел выглядеть стариком...

Когда я на следующий день зашел к Владимиру Ильичу, он рассказал мне, что он учится ходить в парике. Надел парик и спрашивает: «Ну как, заметно, что у меня парик»? Я осмотрел тщательно и говорю: «Кто не знает, не заметит».

Потом я достал через своих товарищей краски для бровей и финский паспорт и представил все Владимиру Ильичу. Квартиру я просил в Выборге подыскать депутата Хуттупена. Когда все было приготовлено и налажено, я распрощался с Владимир Ильичем, и его повезли в Выборг, а оттуда через некоторое время в Питер. Нелегальная жизнь кончилась...

Описывая подробно один из самых замечательных моментов жизни Владимира Ильича, нельзя не попытаться охарактеризовать его личность. Общеизвестна старая истина, что характер человека наилучше выявляется в критической обстановке. Каков был Владимир Ильич в самую гнусную эпоху, послеиюльские дни керенщины?

Удивительное самообладание и хладнокровие. Приехал прямо с дороги, где всегда можно было ожидать ареста, и сразу сел за письменный стол за работу. Именно в Гельсингфорсе Владимир Ильич закончил свою книгу «Государство и революция».

За все время пребывания в Гельсингфорсе я не заметил во Владимире Ильиче ни малейшей нервности. Всегда он был в хорошем настроении. Когда слышал какую-нибудь забавную вещь, смеялся от души.

Работал Владимир Ильич регулярно и усидчиво. Когда работа выполнена, тогда можно пойти и прогуляться. Иногда вечерком в темноте мы выходили на улицу и совершали прогулки по городу. Когда к Владимиру Ильичу приехала Надежда Константиновна, он мне сказал: «завтра вы не приходите ко мне, я приду за газетами к вам на квартиру». И действительно, на следующий день Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной прошли через большой парк из Теле на Хагнесскую площадь, на мою квартиру.

Я заметил, что Владимир Ильич при всех обстоятельствах сохраняет трезвую оценку событий. Воля у него не железная, это, пожалуй, будет мягко сказано, а стальная. Уж он своего добьется. Когда я не выполнял во-время данных заданий, Владимир Ильич укорял меня: «Что же вы? Почему не сделали»? И как я ни оправдывался, он настаивал на своем, пока все не было сделано, как он хотел.

Что касается личных нужд и потребностей, Владимир Ильич отличается необычайной скромностью. Даже враги не могут ничего не только сказать, но и придумать на этот счет.

Как личность, Владимир Ильич человек в высшей степени симпатичный, обаятельный. Это революционер с головы до пяток.

ПРОТОКОЛ

заседания Ц. К. 10 октября 1917 года.

Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников и Ломов. Председательствует—Свердлов.

Порядок дня: 1) Румынский фронт, 2) Литовцы, 3) Минск и северный фронт, 4) Текущий момент, 5) Областной с'езд, 6) Вывод войск.

4. ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ.

Слово получает Ленин.

Констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это не допустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь уже, повидимому, время значительно упущено. Тем не менее, вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок.

Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами. То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей до Питера, еще больше вынуждает нас к решительным действиям. Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш под'ем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс можно об'яснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян.

Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то в роде политического греха.

Ждать до Учредительного Собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

ОБРАЩЕНИЕ ЛЕНИНА.

В Ц. К., в М. К. и в П. К. и членам Советов Питера и Москвы большевикам.

«Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрелов матросов. Выборы в Москве 47% большевиков—гигантская победа. С левыми эс-эрами явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либерданы вместо с'езда на 20-е говорят уже о с'езде в 20-х числах и т. д. При таких условиях «ждать»—преступление.

Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас об'единяются), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы) и жизнь сотням тысяч людей на войне.

Медлить—преступление. Ждать с'езда Советов—ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции!

Если нельзя взять власть без восстания—надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена, и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдается. Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, мы его свергнем). Землю крестьянам тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим тотчас и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер. Если даже у Керенского есть под Питером 1—2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за Московское Советское Правительство.

Л о з у н г: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным!

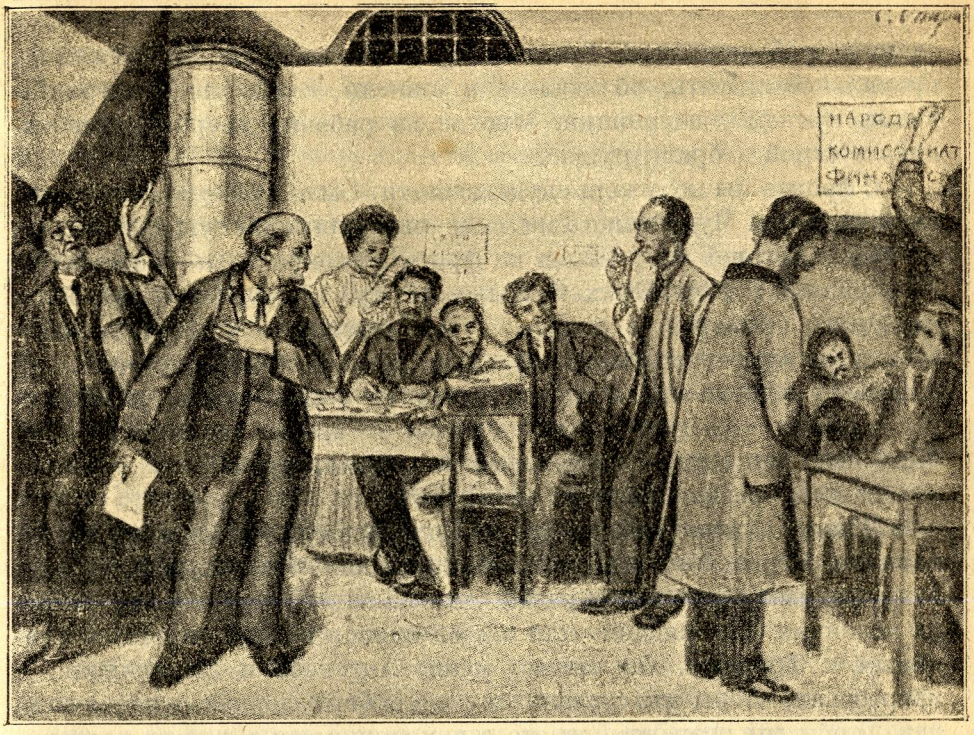
Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно. Ждать—преступление перед революцией!

В. КАЗИН

ЛЕНИН.

В чьем сердце не биенье—бой.
Чье сердце—красное, живое знамя.
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками.
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже.
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.
И вот грохочет Новый Год—
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрогается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей—Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздымается в мозолистом восстании,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыхание.

Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Брамы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.
Вселенная меняется лицом,
Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего Интернационала.
В чьем сердце не биенье—бой.
Чье сердце—красное, живое знамя.
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками.



Первые дни Совнаркома в Октябре. Спирин.

Н. ПОДВОЙСКИЙ.

ЛЕНИН В ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМ ШТАБЕ.

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительными силами и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий тов. Антонов, утомленный, еле давал себе отчет о событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил Ленин.

26 октября 1917 года мы приступили к сборке и отправке на фронт солдатских и красногвардейских полков. Смольный был буквально превращен в лагерь, где наспех формировались из при-

сланных рабочих части. Тут же обмундировывались и вооружались правильнее сказать, облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали ружье.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд тов. Чудновского не смог выполнить данную ему задачу.

Тов. Антонов отправился на фронт и возвратился подавленный беспорядком и неразберихой. Было собрано несколько наших большевицких офицеров и солдат, и мы принялись обсуждать наше весьма критическое положение. Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительными силами и среди паники, которая была бы принесена отступавшими отрядами, произвести в Петербурге контр-революционный переворот.

Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа со Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Механошина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд—недоверие к нам или что другое, Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас—сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я—ответственный перед рабочими и крестьянами агент власти, а не просто работник; что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата в каждом шаге своем и несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора-стратега и полководца он затребовал об'яснений, почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей, не проявили той

чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами. Оставалось два выхода: или сказать Ленину, что мы все никуда не годны, не можем нести ответственности за операции, или кому-либо другому взять командование.

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу я направился к Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы красного Петербурга.

Часов в двенадцать следующего дня Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий.

Сев на организационного конька, Ленин через каждые 5—10 минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела, но Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций и заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах и о том, что можно, вообще, получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен.

Тут появились приказы путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, вести на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе сорока готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение трех—пяти часов сцеплялся с Лениным, протестуя против его «рваческой» работы. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности создалось два штаба: в кабинете Ленина и в моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо

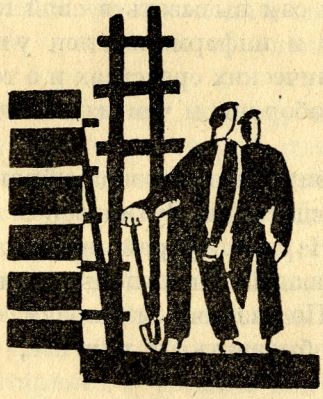
потребовал, чтобы Ленин освободил меня от работы по командованию.

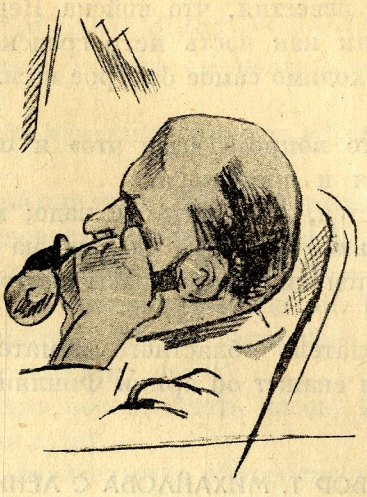
Ленин вскипел, как никогда:

«Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать».

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созванного им совещания из представителей рабочих организаций, районных советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял, в чем заключается сила Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, непланомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда—расплывчатость и в настроении масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.





Ленин у телефона. Н. Альтман.

В. ПОЛЯНСКИЙ

РАЗГОВОР ЛЕНИНА С КРОНШТАДТОМ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.

Сейчас к аппарату подойдет один из членов правительства. Обождите.

— Какой вы партии, и являетесь ли представителем матросских и солдатских частей?

— Я социалист-революционер, интернационалист и другой со мной товарищ—большевик.

— С вами хочет говорить Ленин от имени революционного правительства.

— Просим, что имеет передать.

РАЗГОВОР ЛЕНИНА.

Л е н и н. «Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?

— Конечно, могу.

Л е н и н. Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду большое число миноносцев и других вооруженных судов?

— Сейчас позовем председателя Центробалта, так как дело чисто морского характера.

— Что у вас нового в Петрограде?

Л е н и н. Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

— И еще что?

Л е н и н. Вместо вопроса «еще что» я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

— Да это, кажется, повторять не надо; мы заявили о своем решении; следовательно, все будет сделано на деле.

Л е н и н. Имеются ли у вас запасы винтовок и пулеметы и в каком количестве?

— Здесь председатель областного комитета военного отдела т. Михайлов. Он вам скажет об армии Финляндии».

РАЗГОВОР Т. МИХАЙЛОВА С ЛЕНИНЫМ.

— «Сколько вам нужно штыков?

— Л е н и н. Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться. Сколько у вас таких людей?

— До пяти тысяч. Можно выслать экстренно, которые будут сражаться.

Л е н и н. Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?

— Максимум двадцать четыре часа с данного времени.

Л е н и н. Сухим путем?

— Железной дорогой.

Л е н и н. А можете ли вы их обеспечить доставкою продовольствия?

— Да. Продовольствия много. Есть также пулеметов до 356: можем выслать с прислугой без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевой артиллерии.

Л е н и н. Я прошу настоятельно от имени правительства Республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства, и как оно встречено Советами у вас.

— Пока только из газет. Власть, перешедшая в руки Советов, встречена с энтузиазмом.

Л е н и н. Итак, значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты и для них обеспечен подвоз продовольствия.

— Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием. Здесь у аппарата товарищ председателя Центробалта, так как т. Дыбенко выехал в Петроград сегодня в 10 час. вечера».

РАЗГОВОР ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕНТРОБАЛТА С ЛЕНИНЫМ.

«Л е н и н. Сколько можете вы послать миноносцев и других вооруженных судов?

— Можно послать линейный корабль «Республику» и два миноносца.

Л е н и н. Будут ли они точно также обеспечены продовольствием?

— Во флоте продовольствие есть, и они будут им снабжены. Все посланные миноносцы и линейный корабль—с уверенностью скажу,—выполнят свое дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневайтесь. Будет выполнено беспрекословно.

Л е н и н. Через сколько часов?

— Максимум через восемнадцать часов. Встречается ли необходимость сейчас послать?

Л е н и н. Да. Правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в морской канал, как можно ближе к берегу.

— Так как линейный корабль представляет из себя крупное судно с двенадцатидюймовой артиллерией, то поэтому оно стать около берега не может, так оно может быть захвачено голыми руками. А для выполнения этого служат миноносцы с мелкой артиллерией и пулеметами; что же касается линейного корабля, то он должен стоять, приблизительно, на рейде или рядом с крейсером «Аврора», так как его артиллерия стреляет на дваццать пять верст, — в общем это дело выполнят матросы с командным составом.

Л е н и н. Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней.

— Хорошо, будет все это выполнено. Что еще скажете?

Л е н и н. Есть ли радио-телеграф на «Республике», и может ли он сноситься с Питером во время пути?

— Не только на «Республике», но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем заверяем, что будет все выполнено хорошо.

Л е н и н. Итак, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

— Да, можете. Сейчас будем отдавать срочные распоряжения, чтобы названным судам быть в срок в Петрограде.

Л е н и н. Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.

— Есть, но небольшое количество на судах; что есть—вышлем.

Л е н и н. До свиданья. Привет.

— До свиданья. Вы ли говорили? Скажите имя.

Л е н и н. Ленин!

— До свиданья. Приступаем к исполнению».

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Получил письмо из Петербурга «т. Шлихтеру. Дорогой товарищ, ужасно ругаю вас и все ругаем вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда тотчас. Ругаем вас за оттяжку жестоко. До скорого свиданья. Ваш Ленин.»

Я читал и перечитывал это письмо и наростала тревога, что в Питере делается что-то неладное. В этом коротеньком письмеце история сохранила нам памятник тех душевных переживаний, которыми был охвачен в тот момент Ленин. Я не знал за собой ни одной минуты колебания или дезертирства. И тем не менее Ленин заподозрил меня в том и в другом... Почему? Где искать причины такого предположения? Ответ дает справка о том печальном и тяжелом эпизоде, который разыгрался в наших партийных руководящих органах в самые первые дни после октябрьской победы в Петербурге. Вот извлечение из оффициального документа: «Бюлетень ЦК РСДРП большевиков. Ноябрь 1917 г. № 7.

«ВЦИК большинством 34 против 22 принята резолюция Ленина и Троцкого против свободы печати; Народные комиссары Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышев сложили с себя звание народных комиссаров. Комиссар Шляпников, присоединяясь к общей оценке политического момента, считает недопустимым сложить с себя ответственность и обязанности. Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин вышли из состава ЦК большевиков».

Жутко и страшно становится, когда задумаешься над этим немым, но столь красноречивым свидетельством оффициального документа. Жутко за то одиночество, в котором оказался Ленин, вероятно, неожиданно и для самого себя, в тот момен, когда приходилось нашей партии брать в свои руки руль пролетарской революции. Странно, что теперь, после многолетней проверки этой тактики на деле, представляется непонятным, как могли дойти до такой путаницы наши лучшие товарищи, у которых позади было столько лет профессионально - революционной практики. Об'ясняется все это лишь тем, что тогда в нашей партийной среде, не исключая и некоторых из виднейших наших товарищей, далеко еще не была уяснена сущность октябрьской революции...

Наконец, в Петербурге, в Смольном. Две, примыкающие к кабинету Ленина, комнаты. Необычайная простота приема. Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев — вот обстановка Совнаркомовской приемной в те дни. Дальше канцеля-

рия, прямо ведущая в комнату Ленина. Большая, наполовину пустая. Три простых стола, столик с пишущей машинкой, два шкафа, несколько стульев да простая наскоро сколоченная вешалка у двери в кабинет Ленина, на которой обыкновенно вешали пальто приходящие к нему посетители. Через несколько минут я был уже в кабинете Ленина.

— Ну, вот, мы вас давно уже ждем, тов. Шлихтер,—встретил меня Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое так свойственно ему не только в личных, но и в деловых отношениях,— что вы так долго собирались?

Рассказываю, Ленин—весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня.

— В ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено ваше назначение комиссаром земледелия,—заканчивает наше деловое свидание Ленин. — Но было бы хорошо, если бы вы сейчас занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные раз'яснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать это некому. Затем немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно вырабатывать положение о земле. В канцелярии вам передадут все дела и материалы.

Вот кратко формулированная программа первоочередных работ, намеченных Лениным, — программа, которая в скрытом виде должна начать осуществлять старую идею Ленина и партии: пролетарская революция победит лишь при условии союза рабочих с крестьянством.

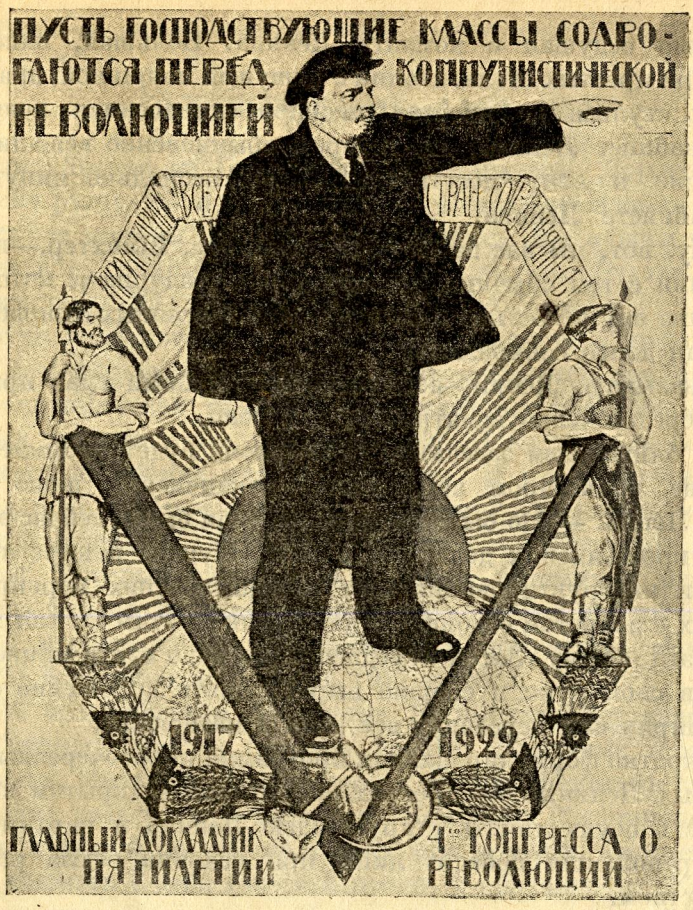
Через несколько дней в работе у меня случился следующий эпизод: черниговский крестьянин, седобородый старик из приехавшей для выяснения земельных вопросов в Совнарком делегации, привязался:

— Как бы повидать Ленина. Я должен его повидать и потом сказать своим, что я его видел. С таким наказом прислали меня односельчане: непременно от самого Ленина узнай что и как надо делать.

Я хотел показать Ленина старику, но, зная столь характерную для Ильича нелюбовь ко всякого рода «встречам», был в некотором смущении.

Я крестьянина к нему свел, и надобно было видеть через две-три минуты это буквально одухотворенное счастьем лицо седобородого старика, когда он вышел от Ленина.

— Спасибо, товарищ,—благодарил он меня.—Теперь я все расскажу дома.



Плакат.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

ЛЕНИН—МАРАТ.

Марат, связавший себя с многомиллионным городским и сельским пролетариатом, это будет Ленин. Возьмите фанатическую преданность народу, какая отличала Марата, возьмите маратовскую неподкупность, возьмите его простоту и интимное знание народной души, возьмите его стихийную веру в неиссякаемую силу «низов», возьмите все это от Марата, прибавьте к этому первоклассное образование марксиста, железную волю, глубокий аналитический ум—и вы получите фигуру Ленина такой, какой ее знаем сейчас.

Якобинец, связавший свою судьбу с самым передовым классом современности, с пролетариатом, это и есть революционный социал-демократ так отвечал Ленин в 1904 году меньшевикам, обвинявшим его за «якобинство». Фигура пролетарского «якобинца» Ленина затмит собою славу и самых славных из якобинцев времен Великой Французской Революции.

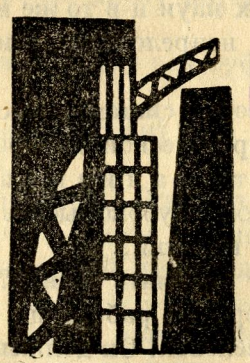
Августу Бебелю германская буржуазия никак не могла простить то, что он однажды заявил с трибуны: да, я ненавижу ваш буржуазный строй; да, я смертельный враг всего вашего буржуазного общества. И тот же Бебель говаривал: когда меня хвалит буржуазия, я спрашиваю себя: старый Бебель какую глупость сделал ты, что удостоился похвал со стороны этих людоедов?

Ленину никогда не приходилось задавать себе такие вопросы. На этот счет он был гарантирован. Его буржуазия никогда не хвалила. Жгучей ненавистью преследует она его в течении всей его многолетней деятельности. И Ленин гордится этим. В минуту наибольшего обострения борьбы Ленин любит повторять, как повторял накануне октябрьской революции, слова поэта:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Как характерно это для Ленина? В этой цитате весь Ленин. Ленин редко цитирует стихи. Но здесь он недаром прибег к стихотворной цитате.

«Дикие крики озлобленья» врагов рабочего класса всегда были лучшей музыкой для уха Ленина. Чем больше бесились враги тем спокойнее и увереннее был Ленин...



БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА УКРАЇНА

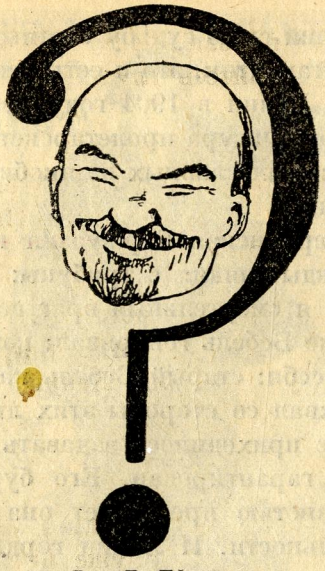


Рис. Б. Ефимова.

С. ЗОРИН.

ЧТО МОЖЕТ ОЗНАЧАТЬ ЛЕНИН.

Думают некоторые:

Л е н и н—это чудеснейшая машина—действует умно, лучше любого человека, с величайшим механическим совершенством.

Другие находят:

Ленин — это нечто стихийное; это порыв, который нарушает все законы общепризнанных наук и в то же время, как стихия основан на своих собственных непреложных законах.

Десятые считают:

Ленин — это совсем особая система, совсем особый метод практического разложения теоретической материи.

А сотые и тысячные — те, н а н и з ы в а я исторические факты подбирая и сопоставляя их, глубокомысленно говорят:

— Ленин — это надо понять!...

— Ленин! Что может означать Ленин?...

А одна пожилая питерская работница воскликнула:

— Ленин, он — наш человек! Он должен знать, почему выдают обувь с гнилыми подошвами!

Вот разберись во всем этом.

А начнешь разбираться — моментально пред глазами вырастает этакая знакомая фигура с вложенными в брючные карманы кистями

рук, с несколько откинутым назад корпусом... и цедит сквозь зубы:

— Товарищи, не занимайтесь глупостями...

Кому охота?

Но одно дело заниматься «глупостями», а другое дело описывать исторические события. И таким историческим событием было открытие 2-го Конгресса Коминтерна в Петрограде и приезд на это открытие Ленина. О самом Конгрессе писали и еще будут много писать о той роли, которую играл на этом Конгрессе Ленин — в этом будут разбираться историки.

Моя цель иная. Она заключается в том, чтобы воспроизвести на бумаге некоторые движения Ленина. Воспроизвести их так, как они запечатлелись в моей памяти, и именно так, как их производил Ленин. Конечно, эти движения происходили в определенной обстановке, поэтому мне нельзя будет избежать того, чтобы не сказать, несколько слов и о самой обстановке.

Вот вокзал. Делегатские поезда уже прибыли. Делегаты отправились в Смольный. Мы ждем прибытия очередного пассажирского поезда, с которым должен приехать Ленин.

Когда поезд подходит к перрону, мы спешим к хвосту его, надеясь увидеть там салон-вагон. В то время, когда мы проходим вдоль поезда, к нам навстречу из дверей обычного пассажирского вагона выходят Ленин и его спутники.

У нас — минутная растерянность, у него улыбка:

— Здравствуйте... — это первое...

Второе:

— А как работает у вас тов. С?

— Хорошо.

— Глядите. Он нам нужен в исправном виде. Вы отвечаете за то, что он пройдет хорошо школу питерской работы.

Вот Таврический.

— Но ведь тут никого нет! Где вся публика?

— В Смольном.

— Зачем же мы сюда приехали?

— Таков распорядок.

— Хорошенький распорядок! Приехал по делу, а должен слоняться по пустому зданию... Едем в Смольный, в Таврическом пусть остается ваш великолепный распорядочек.

Вот Смольный.

Дети бросают цветы. Заняли проход, не пропускают. Женщина подымает маленькую девчурку на руки:

— Смотри, Нюша, это — Ленин!

Кое-как протиснулись. Спрашивает:

— Где делегаты?

— В актовом зале.

— Вот интересно снова посмотреть на актовый зал!

Как раз поглядишь. Утонул в волнах кричащих и поющих людей.

А потом снова Таврический.

Сейчас начнется. Делегаты рассаживаются по местам.

И вдруг:

— Смотрите, смотрите... Ведь это т. Ц., ведь это он! Как он поседел...

И в несколько секунд—время на пробег с эстрады к концу зала—об'ятья и поцелуи двух старых друзей.

Кто-то недоумевает:

— Ильич целуется! Ильич может целоваться?!

А через несколько минут доклад:

Капитализм должен погибнуть.

Может быть, какие-то чудаки или неучи в этом сомневаются?... А вот цифры, а вот факты, а вот их собственные ученые говорят... Теперь понятно?—Не выкрутиться!

А слушатели вначале недоумевают: Ленин, а говорит так азбучно-просто, а потом за этой простотой начинает чувствоваться беспредельная глубина мысли, подкрепляемая цифрами мировой статистики: во время войны пало столько-то людей, экономическое состояние упало настолько-то ...Выход! Где выход из этого порочного круга?!

Доказано: капитализм должен погибнуть.

... У персидского товарища срываются с уст какие-то гортанные звуки. Он вскочил с места и в порыве восторга кричит. Его сосед-немец, смотрит ему прямо в рот. Немец удивлен: оказывается он, немец понимает по персидски.

— Я-шасын... Я-шасын... Лэ—нии-н!...—выделяется возглас из бурного, восторженного океана звуков.

А Ленин в это время обеими руками приглаживает остатки своих волос на голове и спрашивает:

— Нельзя ли запросто поглядеть питерских рабочих? Так, чтобы никто не мешал...

... И вот, мы на острове Отдыха трудящихся.

Чертовски устали питерские рабочие и работницы за время гражданской войны. А на острове Отдыха летом очень хорошо. Разбрелись отдыхающие по разным тенистым закоулкам, а Ленин их ищет... Ау!...

Но вот в одной комнате одного из домов за шахматной доской сидет двое. Двое других наблюдают.

Встрепенулось сердце шахматиста:

— Не будем им мешать... Они играют..

И не успели игроки пристально взглянуть на гостей, как гости уже направились к выходу.

... Ленин устал. Он осмотрел спортивный клуб домов Отдыха и, выйдя на веранду, превращенную в пристань для гоночных лодок, лег на голые доски сходен. Кругом тишина. Все заняты созерцанием чудесной в своей суровой красоте летней питерской природы.

Вдруг приоткрывается дверь. На пороге появляется один из наших знакомых шахматистов; он что-то высматривает, пристально вглядываясь в лица присутствующих. Вот его взгляд остановился на лежащей фигуре Ленина. Как будто скользнул мимо. Хитрит. Делает вид, что ничего не заметил, и спокойно выходит.

Минуты через две появляется другой. Проделывает такой же осмотр и также уходит. А еще через несколько минут появляется толпа мужчин и женщин, которым хитрить уже нечего. Состоялось оффициальное открытие Ленина.

Ленин, опираясь на локоть, находится в полулежачем состоянии. Несколько человек из прибывших рабочих опускаются рядом на сходни. Другие стоят группами вокруг или присели на корточках. Общий разговор:

— Ну, как живете?

— Да вот, так и так...

— А продовольствие как?..

— Слабовато... Изголодались больно.

— Да это што,—вмешивается старый путиловец—вы, товарищ Ленин, лучше скажите, что Коминтерн... выйдет из его што, аль нет?

Ленин рассказывает.

— Так... Значит все же наша возьмет, хочь и рожа в крови... Это ладно.

В это время в обособившейся группе женщин ведется такой разговор:

— А ты ему так и скажи...

— И скажу... Непорядок это... Он должен знать...

— А может неловко?...

— Почему так неловко! Чай он свой человек...

— Да не сапожник он...

— Так чтож, что не сапожник... Ведь деньги-то за ботинки платят из казны? Подумаешь!... Американские ботинки... Вот тебе и американские!...

И раздвинув локтями несколько мужчин, женщины протиснулись в первый ряд. Протиснулись и стали. Молчать. Подруги подталкивают в спину ораторшу. Та стоит и не знает, с чего начать и как приступить. Ленин вопросительно смотрит на них. Но вот ораторша решилась. Она быстро приподняла одну ногу и зало-

жила ее на другую так, что подошва поднятой ноги находилась на уровне лица Ленина. Краска прилила к ее щекам. Она хлопнула ладонью по своей подошве и крикнула:

— Вот, видал, товарищ, подошву! Американская называется... Что с ей, проклятой делать?... Отстает!...

Ленин посмотрел на подошву посмотрел на женщину.

— Нам надо, товарищи, научиться самим делать хорошие подошвы, иначе американцы нас будут всегда надувать. Научимся— будет хорошо.

— Хорошо...—как будто эхом повторила уже спокойным голосом женщина.

А когда наша группа через некоторое время направлялась к автомобилю, в экскортирующей Ленина толпе раздался возглас этой женщины:

— Качать, качать Ленина!...

Не тут-то было. Ленин заупрямился.

— Только не это... Только не качать... Я вас очень прошу.

И, уже сидя в автомобиле, он говорил:

— До чего вредна эта буржуазная культура. Как заразительна она. Я никогда не думал, чтобы этот гимназический прием качанья мог проникнуть в массы рабочих. Откуда у них эта интеллигентская затея?...

Много в Питере пятиэтажных каменных домов. И многие из этих домов не обозначают ничего больше, чем простое место жительства людей.

А вот один дом на одной из глухих улиц Петербургской стороны означает нечто большое: в нем когда-то жил Ленин.

И не просто жил, а отсюда руководил подпольной работой.

Как, находясь вблизи, не под'ехать к этому дому?

Под'ехали, остановились.

— Когда это было? Ах, да! В таком-то году. Быстро несется время. А вот кажется, эти окна из нашей квартиры? Ведь на пятом этаже была квартира?

Любовно глядит Ленин на этот дом. Оглядывается на него, когда автомобиль уже от'ехал на порядочное расстояние. И под влиянием наплывших воспоминаний уносится в прошлую историческую даль.

— Товарищи, сколько времени возьмет доехать до Преображенского кладбища?... — спрашивает он у нас.

Мы прикинули в уме: времени осталось немного до митинга, ехать на кладбище значит можно опоздать к митингу.

— Нельзя ехать, Владимир Ильич, опоздаем к митингу.

— А может быть поедем.. Очень хочется посмотреть на могилу... — как-то по-детски просит он.

— Нельзя.

Присмирел.

А потом, когда мы от нечего делать стояли одинокой группой на площади и ожидали по российскому обыкновению запоздавшую на два часа демонстрацию, Ленин с укоризной говорил:

— Вы меня надули. Мы могли бы за это время два раза поехать на кладбище...

И если бы не неожиданное появление немецких делегатов, он своими укорами перепилил бы нас на двое. Выручили Криспин и Дитман.

— Позвольте, да ведь это немцы, — воскликнул Ленин, завидя эти импозантные по своему парламентскому виду фигуры.

— И они приехали!...

Через минуту на площади закипел горячий разговор на немецком языке.

— «Вир гальтен, вир гальтен»... — твердили немцы.

А Ильич то хохотал над ихним «гальтен», то как грозовая туча наступал на них.

Сущность спора сводилась к тому, что немцы уверяли Ленина в том, что они держат под своим контролем большие массы рабочих, и что, если у них в Германии произойдет революция, то она будет протекать с большим порядком, чем в России.

И когда через некоторое время на этой площади многотысячная толпа кричала:

— Ленина!... Просим Ленина!...

А председатель митинга охрипши уверял толпу, что Ленин кончил свою речь и спешно уехал...

А толпа с еще большим пылом звала:

— Ленина... Ленина!..

И к гулу этой толпы прибавлялись все новые и новые голоса приходящих демонстрантов...

Казалось, что на самом деле далеко нашему порядку до немецкого.

Ритмически раскачивается корабль под напором людского прибоя... Волна за волной хлещут через палубу... Кажется кренится мачта...

— Ленина! Где Ленин?!

. . . . . .

А Ленин через несколько дней сидел в своем кремлевском кабинете и по своему обыкновению, прищурив один глаз, выпытывал у сто первого товарища о настроении масс. Выпытывал так, чтобы тот не понял, к чему Ленин клонит. Ибо если поймет, то может прикрасить.

А потом складывал результат этого опроса с выводами тысячатретьего доклада. И сделав это сложение, перемножал всю сумму

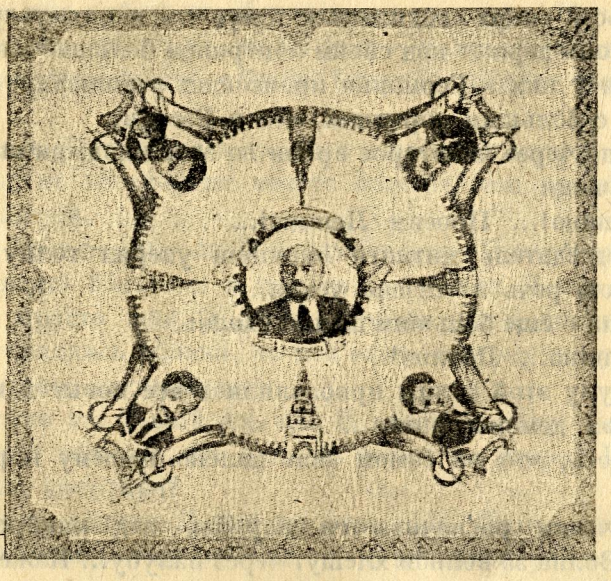
на проект какого-либо очередного тезиса. И, получив это произведение, долго, долго возился с цифрами хромающей статистики. А потом вычитал десятки всяческих своих и чужих ошибок. Проверял все снова и в десятый раз, справившись по телефону в Наркомпроде о предстоящем сборе картошки, — определял:

— Кажется, правильно. А если правильно, то надо выполнить точно... выполнить во что бы то ни стало... И проверить, хорошо проверить выполнение...

Ибо всех правей оказалась питерская работница!

Ибо: «Ленин, он — наш человек»... — это прежде всего значит, что он — простой, хороший, работящий человек...

И не надо ломать голову над вопросом: что означает Ленин? Надо стараться немного походить на него.



Скатерть-клеенка, вырабатывающаяся на одной из наших фабрик, на которой воспроизведены портреты вождей. В центре Владимир Ильич.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Семь великих людей мира.

Плакат, распространяемый в Индии. В центре Махатма Ганди. Слева: Кришна, Будда, Ленин. Справа: Христос, Толстой и Мак-Суинни, мэр города Корка (Ирландия), умерший после 72-х-дневной голодовки в 1921 году.

Э. ГЕРНЛЕ

ЛЕНИН и ГЕРМАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

Январьские и мартовские выступления революционного авангарда германского пролетариата были жестоко подавлены. Лучшие вожди союза Спартака были убиты, а партия загнана в подполье.

Мы надеялись на близкую победу, а нужно было перестроить всю тактику, исходя из того, что победа еще далека. Мы бросились в атаку; нужно было маневрировать. Вот почему во всей ее выпуклости выступила проблема революционной стратегии.

Тогда мы иначе стали смотреть на русскую революцию и на ее великого вождя Ленина. Германский пролетариат потерпел поражение; русский пролетариат одержал победу. Германская коммунистическая партия была горсточкой смелых революционеров, готовых на жертву, но теоретически слабо подготовленных.

Российская коммунистическая партия, наоборот, сочетала беспримерную отвагу и преданность революции с трезвым учетом и мудрой тактикой. Она была крепко спаяна, дисциплинирована и имела во главе штаб вождей, пользовавшихся безусловным доверием членов партии. И революционные пролетарии Германии, естественно, набросились на труды русских товарищей: Радека, Троцкого и раньше всего Ленина. Ведь Ленин был стратегом отступления после 1905 года и победоносного наступления 1917 года. Он должен был стать учителем германской коммунистической партии.

До войны с трудами Ленина в Германии был знаком лишь узкий круг вождей. Среди членов социал-демократической партии на Ленина смотрели, как на ортодоксального, упрямого фанатика, бланкиста, сторонника сектантства и раскола. Даже левое крыло не совсем прониклось идеями Ленина о том, что революцию нужно подготовлять не только идейно, но и организованно, и что с реформизмом нужно бороться так же организованно.

Но вот грянул гром военного и экономического развала Германии, и в порядке дня стал вопрос о захвате власти. И германский пролетариат начинает смотреть на Ленина другими глазами. Он видит в нем революционного вождя и стратега, отважного и вместе с тем осторожного, видящего непосредственно перед собою великую революционную цель, но вместе с тем эластичного гибкого.

Особенно велико значение Ленина для германского пролетариата в период, последовавший за поражением — в начале 1919 года. Три труда Ленина — «Диктатура пролетариата и ренегат Каутский», «Государство и революция» и «Детская болезнь левизны в коммунизме» — помогли революционному германскому пролетариату оторваться от марксистского центра и связаться с широкими массами.

Ленин сокрушил продолжавший жить в силу традиций десятилетний авторитет Каутского и заложил основу коммунистической политики. Маркс предстал перед нами в новом свете. Небольшая книжка о «детской болезни» указала нам тактический путь для работы среди масс; показала нам, что коммунизм состоит не в нагромождении революционных лозунгов и слов, не в сектанстве, не в абстрактной проповеди, а в той диалектической живой связи между принципиальной твердостью и тщательным приспособлением тактики к потребностям и пониманию масс — словом, в тех качествах, которые сделали Российскую коммунистическую партию победоносным вождем революции.

Ленин помог спартаковцам в 1902 году разрешить проблему создания ясной коммунистической идеологии, которая, с одной стороны, отмежевалась от центризма, а с другой — от левого радикализма. После неудачного мартовского выступления (1921 г.) критика Ленина помогла германской партии ликвидировать «тео-

рию выступления» без глубоких расколов и без большого замешательства. И если Ленин до сих пор так много помог нам в одолении «детских болезней», то в другой стадии борьбы — борьбы с ликвидаторством Леви и Фринсланда — мы нашли богатейший арсенал в более старых произведениях Ленина. Его знаменитое письмо накануне Октябрьской революции, а также брошюра «Удержат ли большевики власть?» сыграли огромную роль в деле укрепления германской партии.

В настоящий момент германский пролетариат находится перед лицом огромных революционных проблем. Лозунг «рабоче-крестьянское правительство» не только должен содействовать установлению единого боевого фронта, но должен подготовить союз с трудовым крестьянством и мелким людом. И в этот момент мы учимся на тактике Ленина до и после Октябрьской революции. Теперь приобретают для нас особое актуальное значение труды Ленина об отношении коммунистов к среднему крестьянству, об отношении рабочего класса к крестьянству и о продналоге.

Пусть партия в том или ином тактическом вопросе еще делает ошибку, пусть она допускает колебания, но неминуемая победа германской революции под руководством Коммунистическго Интернационала будет вторым великим историческим доказательством правильности ленинского применения марксизма.

Ленин ведет германскую революцию так же, как он вел русскую революцию.

МАК-МАНУС

ЛЕНИН И АНГЛИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В краткой статье можно, разумеется, только наметить в самых общих чертах влияние трудов Ленина на английское революционное движение. Для того, чтобы исчерпать эту тему, пришлось-бы написать серию статей и обрисовать состояние движения в момент опубликования его различных трудов; пришлось бы подробно описать различные конфликты внутри революционного движения, для которых мы ограничимся наиболее типичными примерами.

В первую очередь нужно указать на «Государство и революция».

Из трудов, посвященных тому же вопросу, появившихся до книги Ленина, могут быть выделены, кроме памфлета Бакунина, книги Вильяма Поля и Вандервельде. Первая из них — чисто

абстрактная, рассматривающая вопрос в исторической перспективе, не дает картины классового характера современного государства. Вторая — не имела никакого значения для британского рабочего движения. Другое дело книга Ленина. Она имела такой успех что первое ее издание сейчас же разошлось; было напечатано второе в десять тысяч экземпляров, а затем и третье (выпуск этой книги был предпринят совместно британской социалистической партией и социалистической рабочей партией; это было одним из тех выступлений, которые впоследствии привели к об'единению обеих партий в коммунистическую партию).

«Детская болезнь левизны в коммунизме» имела непосредственное влияние на ход коммунистического движения в Англии. Следует вспомнить, что на втором конгрессе Коминтерна английские делегаты представляли с полдюжины различных групп. Коммунистическая партия тогда еще не была создана, и одним из главных препятствий к ее созданию было расхождение по вопросу о том, должна ли она войти в состав рабочей партии или нет. Наиболее сильными течениями были оппортунистическая правая и «детская левая». Ленин, после того как он обсудил вопрос с представителями разных течений, изложил свой взгляд в особой главе упомянутой книги. Она была опубликована в срочном порядке с целью удалить препятствия к образованию коммунистической партии. Эта книга Ленина стала настольной для всякого революционного работника в Англии и осью, вокруг которой вращались все споры о тактике. Несколько удачно приведенных цитат из этой книги были для нашего первого конгресса последним толчком к вынесению резолюции в пользу вступления в рабочую партию. Следующим, по влиянию, я бы считал труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ярость наступления английского капитала и его борьба с углекопами в 1921 году поставили в порядок дня вопросы о насилии и гражданской войне. С целью противодействия революционным тенденциям в этом отношении, реформисты стали широко распространять брошюру Каутского «Диктатура пролетариата». В частности, весьма усердно ее цитировал Макдональд. В то время около семидесяти наиболее активных работников партии были арестованы, а ЦК был загнан в подполье. Трудно было поэтому принимать активное участие в борьбе углекопов и в то же время обратить должное внимание на эту интенсивную пропаганду реформистов.

Легко понять, как ценно было для нас в такой обстановке опубликование блестящего ответа Ленина на брошюру Каутского. Этот ответ имел такое влияние, что через короткое время брошюра Каутского как бы умерла и вошла в архив 2-го Интернационала в Англии.

Из других трудов Ленина наиболее распространенным в Англии является брошюра, дающая картину советской власти за работой. Трудно оценить влияние этой брошюры, рисующей картину построения советов, их управленческой роли, методов работы и тех препятствий, которые им приходится побороть. В этой брошюре мы видим живой контраст всякой существующей и гипотетической форме правления. Эта брошюра разошлась, кажется, в количестве сорока тысяч экземпляров.

Говоря вообще, еще слишком рано оценивать влияние трудов Ленина на английское революционное движение. Последнее пока еще слишком слабо, а потому не имеется налицо достаточно возможностей для применения тактики Ленина. Распространение его трудов и их постоянное цитирование на рабочих митингах, партийных собраниях и т. д. лучше всего свидетельствует о том, что из всех мыслителей рабочего класса Ленин наиболее популярный и усердно читаемый в Англии.

А. ВИТАЛИ

О ВЛИЯНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕНИНА В ИТАЛИИ.

Если имя великого вождя, начиная с 1917 г., было уже на устах трудящихся и угнетенных всего мира, то итальянские рабочие были из первых, которые революционным своим чутьем постигли, что путь, который указывал Ленин, является единственно верным, ведущим к освобождению рабочего класса. Поэтому «ленинизм» еще раньше, чем были переведены и распространены—с самого начала русской революции — наиболее популярные произведения Ленина, стал руководящей тактикой для революционных масс Италии. Слово — Ленин, которое рабочие видели лишь в газетной статье, или слышали из уст оратора на митинге, или в беседе с более сведущим товарищем, стало вещим словом. К нему жадно прислушивалась итальянская масса.

Несмотря на все усилия буржуазной прессы, поддержанной реформистами и буквально наводнившей Италию антиленинской пропагандой с ее рассказами об «агенте немецкого империализма», о «неслыханных ужасах в царстве Ленина», — слово Ленина, настоящий смысл его учения, как молния, рассекало эти тучи клеветы и реакционного мракобесия и проникало в сознание рабочих. Учение Ленина и победоносная, противостоявшая всем врагам и жестоким нападениям российская пролетарская революция слились

в сознании итальянского рабочего в одно целое и как могучий рычаг действовали на революционное сознание широких масс в Италии.

Это огромное влияние учения Ленина, хорошо чувствовали и те оппортунистические вожди и реформисты, которые старались бороться с ленинизмом, как бы опираясь на авторитет самого Ленина. В период революционного под'ема в Италии, рабочие массы ценили своих вождей и их тактику постольку, поскольку последние, по их мнению, приближались к вождю русской революции.

Огромная теоретическая и практическая революционная работа, проделанная Лениным до 1917 г., была известна в Италии очень немногим. До сих пор переведены и распространены в Италии лишь самые популярные, уже вошедшие во всемирный обиход рабочего движения его книжки. Но влияние его учения, дух его произведений проник и распространился в Италии с чрезвычайной быстротой и силой. Ленин впервые заговорил с широкой итальянской массой через рабочую газету «Аванти».

Когда в 1919 году в Турине, под руководством группы молодых товарищей, появился небольшой еженедельник «Ордине Нуово», он сразу завоевал симпатии передовых рабочих именно потому, что начал систематически излагать учение вождей русской революции и, главным образом, Ленина. Этот еженедельник стал поэтому вскоре идейным руководителем для широкого круга революционных рабочих, и вместе с тем, мишенью для ядовитых стрел итальянских меньшевиков, реформистов и центристов.

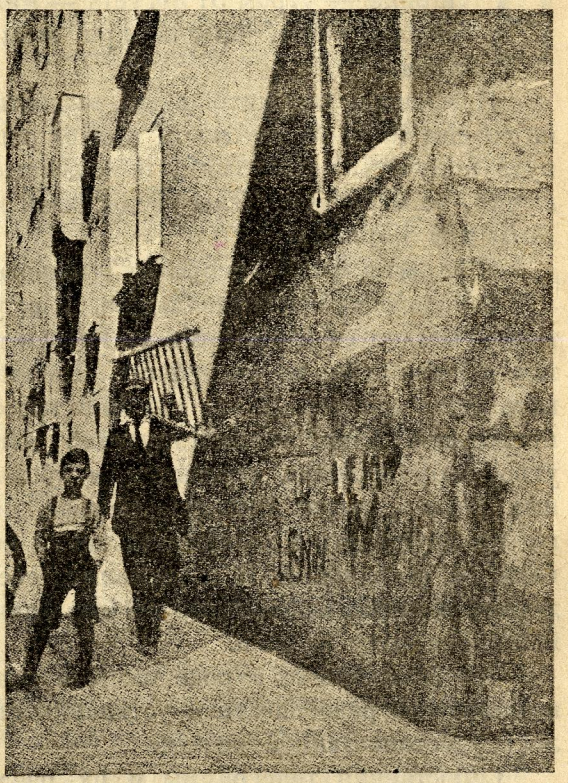
Когда в 1919 г. итальянская социалистическая партия на конгрессе в Болонье, после первого конгресса Коминтерна, единодушно и с энтузиазом решила примкнуть к Коминтерну, она следовала стихийной воле масс, которая тогда всей душой была за все то, что воплощало в жизнь идеи Маркса и Ленина, и смела бы все то, что им противилось. Это поняли и реформисты, которые, скрепя сердце, внешне поддались общему настроению, чтобы не быть раздавленными и выброшенными за борт.

Перевод и распространение книжек Ленина, как «Государство и революция», «Диктатура пролетариата и ренегат Каутский», «Детская болезнь левизны», «Империализм, как новейший этап капитализма», оказали потом громадное влияние не только на воспитание и образование революционного сознания отдельных товарищей, но и на все развитие партии и ее дальнейшую судьбу.

В момент апогея итальянской социалистической партии Ленин ясно увидел слабые ее стороны, которые грозили смертельной опасностью рабочему движению Италии, и об'явил жестокую войну реформистам, находившимся внутри И. С. П. Знаменитое письмо

Ленина к Серрати после второго конгресса Коминтерна останется один из самых ярких, по своей простоте и ясновидению, документов в истории рабочего движения Италии.

К сожалению, многое из того в учении Ленина, к чему руководимая своим классовым сознанием рабочая масса безусловно примыкала, осталось непонятым и неусвоенным верхами И. С. П, или встретило злостное сопротивление. И массе дорого обошлись эти отступления руководящего органа от директив Ленина.



Надписи на стенах Венеции.

Но если Ленин жестоко ударил по итальянскому меньшевизму реформизму, то он не упустил из виду и другую опасность, именно—увлечения «левизной» и своей книжкой и личным влиянием способствовал очень много тому, чтобы «детская левизна», в противоположность раз'едающему реформизму и шаткому «марксизму», не ударилась в сектанство и отошла от масс, а переродилась бы в здоровый и зрелый коммунизм.

Книжки и статьи Ленина воспитали в Италии сознательных и по-марксистски думающих революционеров, создали фундамент для итальянской компартии, зажгли в сердцах рабочих революционные стремления и разбудили в их умах боевое классовое сознание.

История итальянского движения не знает более мощного и глубокого влияния, чем то, которое оказал на нее вождь мировой революции. И если огнем и мечом преследуя его учение и идеи, черные банды фашизма все еще пьют кровь трудящихся Италии, то именем Ленина, его мудрой и ясновидящей тактикой, его бессмертными боевыми лозунгами итальянский рабочий класс поднимется для новой битвы, для окончательной победы.

БОРИС СУВАРИН

НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ ПО ПОВОДУ ГОДОВЩИНЫ ПОКУШЕНИЯ.

В Париже — утром 31 августа — мать разбудила меня словами «Ленин убит», бросив при этом кипу газет на мою постель.

Я вскочил, как ужаленный, выхватил из кипы не то «Матен»), не то еще каую-то гнусность в этом роде и, только взглянув, откуда получены телеграммы, помещенные под заголовком о покушении, перевел дух. Телеграммы были из Ревеля, Гельсингфорса, Риги или Варшавы.

Я ответил «это — неправда » иснова лег.

С начала русской революции, т. е. уже больше года я внимательно следил за известиями из России по всем французским газетам и виднейшим из английских. Из ста сообщений девяносто девять были лживы. И все сто были тенденциозны, когда случайно приводился факт, соответствующий действительности. Каждое утро, вооружившись терпением, я кропотливо разбирался в депешах Гаваса, радио Рейтера, Вольфа, которые старались перещеголять друг друга в злопыхательстве и ненавистнических измышлениях на революцию. И я позволял себе думать, что это неблагодарное занятие выработало во мне исключительное уменье вылавливать правду из лжи.

Это было что-то в роде шестого чувства, которое давало мне возможность разоблачать и устанавливать мелкие и крупные подлости достопочтенной печати.

Сопоставляя телеграммы и их различные методы искажения фактов, я мог добраться до сути дела, при известном знакомстве с положением вещей в России и при помощи моего маленького марксистского компаса. При этом одним из данных, на девять десятых определявших мою оценку, было место, откуда подана телеграмма: Ревель, Рига, Гельсингфорс, Варшава были классическими центрами фабрикации лживых сведений.

Итак, после этой проверки, я снова лег в постель, чтобы овладеть собой. Через несколько минут я опять взялся за газеты, внимательно перечитал известия и понял, что в них было что-то.

То, что шло из Москвы, возвещало о покушении; то, что было прибавлено на передаточном пункте, говорило о смерти. Я встал и вышел из дому; купил новых газет, в надежде найти в них дальнейшие указания.

Улицы были оживлены. Прохожие обменивались впечатлениями, и я то и дело слышал дорогой: «Стало быть, убит» «Значит, на этот раз правда». «Очередная утка» и т. д.

Недоверие было велико, потому что сообщений об убийстве Ленина насчитывалась уже добрая дюжина. После того их были сотни...

Я шел, сам не знаю куда; я был, как в лихорадке. Неизвестность терзала меня. Каждую минуту радио из Москвы могло отнять всякую надежду. Но революционный оптимизм брал верх: нет, этого не будет! Ложь!

Я с большим опозданием явился на работу, в редакцию «Вэритэ». Это была газета эклектического характера, редактор которой—пасифист—приютил небольшую кучку революционеров и коммунистов, к ним принадлежал и я. Я вел рубрику русской революции. В прихожей я столкнулся с главным секретарем газеты, почтеннейшим Максимом Сервейлем. Это был старый журналист, с'евший зубы на работе, без всяких убеждений, которому я не отказывал в уважении, как... зятю Гобино.

Он поднял руки к небу и прорычал:

— Ленин умер, а вы являетесь в одиннадцать часов!

Я ответил вне себя:

— Во-первых, он не умер.

Почтенный Сервейль был так ошеломлен, что забыл о моем опоздании.

— Так напишите, что он не умер. Но только пишите же что-нибудь.

Я так и сделал. И в «Вэритэ»—наперекор всем газетам—была напечатана заметка, доказывавшая, что совершенно нет оснований верить смерти Ленина, так как мы не имеем никаких известий об этом из Москвы. В тот же вечер была получена успокоительная телеграмма.

Сколько раз после того мы спрашивали себя: что было бы, если бы покушение это лишило русскую революцию,—революцию мировую,—ее неоспоримого и признанного вождя?

Мы, конечно, твердо верили в определяющую роль социальных сил, под давлением экономических факторов. Но как можно не видеть, что умное, искусное, твердое руководительство этими силами обеспечивает революции более быструю победу?

И не является ли Ленин воплощением этой революционной прозорливости, без которой героический авангард пролетариата может упустить самый благоприятный для действия момент или потерпеть поражение, выступив черезчур рано или слишком поздно?

Революционные рабочие всех стран понимают это, или инстинктивно чувствуют. И потому под давлением Ленина находится не

только огромная масса народав советских социалистических республик в Европе и Азии, но и весьма значительная часть рабочего класса обоих материков. Никто из живущих не пользуется подобным влиянием.

Буржуазия, имущие, эксплоататоры, поработители всех видов, всех климатов, какого угодно происхождения ненавидят Ленина и боятся его. Их страшит обаяние Ленина, которое распространяется по заводам и полям, в глубинах шахт и на кораблях,—всюду, где есть несчастные, которые трудятся для обогащения паразитов. Они произносят его имя со злобой, смешанной с ужасом, как консерваторы последнего столетия произносили имя Вольтера или верующие всех времен—имя сатаны.

Но рабочие любят Ленина и гордятся им. Они знают, что он посвятил им свою мысль, свои силы, свою жизнь, и что он был прав, когда расторгал священный союз, когда благословил переход империалистической войны в гражданскую, когда проповедывал поражение всей империалистической буржуазии, когда побуждал русский пролетариат углубить революцию, чтобы превратить ее в революцию пролетарскую. И ни наветы и проклятия буржуазии, ни клеветы лже-социалистов, пако-синдикалистов и псевдо-анархистов не затемнят славы Ленина перед мыслящим и борющимся рабочим классом.

Ленин живой стал героем легенды. До февральской революции те, кто впоследствии предавал его анафеме, не знали даже его имени. Но после знаменитого возвращения в Россию, после необыкновенной истории с «запломбированным вагоном», —какие нагромождены горы несообразностей, какой Эльбрус лжи, проклятий, оскорблений, сказок про разбойников, никчемных измышлений!

Лживые слухи, которые беспрестанно фабрикуются и распространяются по белу свету с целью исказить облик Ленина и его соратников, не лишены все же интереса и значения. В них выражаются чаяния и надежды контр-революционной буржуазии. И они выпукло обрисовывают сильные стороны большевицкой революции, антитезой которой они являются.

Мысль Ленина воодушевляет и ведет не только большевицкую партию: весь Коммунистический Интернационал видит в нем своего вождя.

Взять хотя бы французское рабочее движение, действующий авангард которого все более и более освобождается от влияния старых французских социалистических школ под действием большевизма, ленинизма. Жоресизм, гедизм, синдикализм—если говорить только о трех главных идейных течениях прошлого—отброшены в пользу коммунизма и загнаны в самые отсталые категории рабочего класса,—те, что под предлогом неприемлемости для них ком-

мунистической диктатуры охотно подчиняются диктатуре пустозвонной фразы, бессодержательных формул, непоследовательных слов, бесплодной болтовни.

Ленину принадлежит громадная доля в этом пересоздании умственного строя и революционных методов французского рабочего авангарда, продолжателя Парижской Коммуны. Его маленькая книжка «Детская болезнь левизны в коммунизме» пользуется на книжном рынке успехом, доселе небывалым для произведений, посвященных той или иной доктрине; ее идеи быстро распространились среди сознательных рабочих и затронули бесчисленное количество борцов, не знающих даже своего происхождения; они нанесли страшный удар демагогии, которая до того опустошала наше рабочее движение.

Ленин превратил в пыль фетишизм «левизны» и научил рабочих остерегаться демагогии, как контр-революционной чумы, всячески избегая впасть в реформистский кретинизм. Серьезный, сознательный рабочий знает, что влево от Ленина, налево от пролетарской революции нет никого, и он все меньше поддается обману крикунов.

Другая книга Ленина имела благотворное влияние на французское движение: это «Государство и Революция». Это восстановление марксистского понимания государства и средств к его уничтожению дает прочную базу для союза старых революционных синдикалистов и «рожденных борьбой» коммунистов. Оно выбивает из рук анархистов их главное оружие в борьбе с коммунизмом.

Да, Ленин принадлежит революционерам всех стран, а не одной только России.

Ленин—первый боец всякой коммунистической партии. И мы во Франции гордимся тем, что этот человек—наш советник, наш вожак, наш глава; чувство это вполне разделяют наши товарищи в других странах. Повсюду наши единомышленники произносят имя Ленина, как будто размахивая знаменем. Ненависть порабо-тителей—ничто в сравнении с той любовью, какую питают к нему порабощенные.

Вот несколько мыслей, возникающих самопроизвольно в моей голове в связи с годовщиной покушения, которое должно было преждевременно лишить нас нашего общего учителя. Я записал их без системы, без подготовки, «без церемоний». Пусть это будет данью простоте этого необыкновенного человека.

И. АМТЕР

ЛЕНИН УКАЗАЛ ПУТЬ АМЕРИКАНСКИМ КОММУНИСТАМ.

Вплоть до выхода в свет книжек Ленина: «Государство и Революция» и «Детская болезнь левизны» путь к коммунизму в Америке был весьма неясен. Рабочая масса, в особенности рабочие, принадлежавшие к социалистической партии и к социалистической рабочей партии, была разочарована в оппортунистической тактике их партий. Лидеры социалистической партии утверждали, что они против мировой войны. Они приняли резолюцию против участия Америки в войне, но резолюция эта осталась лишь «клочком бумаги». Среди рядовых членов социалистической партии в 1919 году царило всеобщее возмущение, выразившееся в образовании двух коммунистических партий в сентябре того же года.

Но замешательство все же продолжалось. Революционное настроение разлилось широкой волной и, верное преобладающим в то время тенденциям, основывалось, главным образом, на предположении, что всемирная пролетарская революция вспыхнет в кратчайший срок. Отсюда необходимость организовать партию «чистых» коммунистов, людей, которые не пойдут ни на какой компромисс, которые, когда наступит «великий день» и пролетариат решит взять власть в руки, наверняка разделаются с буржуазией в два счета

Но Ленин указал, что революция не делается таким путем. Как результат того, что буржуазия стала до известной степени на ноги в других частях света, а еще в большей степени в Америке, вопрос о тактике приобрел величайшее значение. Американские коммунисты вынуждены были заняться изучением стратегии и тактики.

Налеты правительства в январе 1920 г., загнавшие партию в подполье и совершенно отпугнувшие от нее более робких, создали еще больше затруднений для партии. Как установить контакт партии с массами? Кто должен был делать революцию: партия или рабочий класс? Как захватить государственную власть в руки? Какова сущность государства? Какие методы применить, чтобы привлечь массы на свою сторону?

Борьба з желтой социалистической партией, сектантской социалистической рабочей партией, с индустриальными рабочими мира и с горстью анархистов доказала необходимость полного раз'яснения этих вопросов. Ибо, хотя американская партия состояла и состоит из столь же хороших элементов, как и те, которые

входят в состав других партий, она была заражена всякого рода болезнями левизны. В течение последних трех лет, после того, как товарищи раскусили сущность государства, и после того, как классовая борьба постепенно разоблачала перед революционными рабочими мошенический характер «демократии» (в которую массы, в общем, все еще верят), проблемы тактики получают главенствующее значение.

Желтые социалисты заняли свое обычное желтое положение. Реформистский парламентаризм был и остается методом, при помощи которого они намерены освободить американский пролетариат.

В дни конгресса
Группа делегатов с Лениным, Зиновьевым и Горьким.

Но их реформизм сводился к тому, что они совершали одну измену за другой, так что число их членов постепенно уменьшалось. Социалистическая рабочая партия, гордая своими «принципами», считала себя единственной революционной партией Америки, несмотря на очень незначительное число ее членов и несмотря на то, что она организовала «чистый» революционный индустриальный союз в противовес цеховому союзу Гомперса. В результате эта партия оказалась совершенно изолированной от масс.

Одной из наиболее упорных была борьба с индустриальными рабочими мира (I. W. W.). Эти рабочие были пропитаны ненавистью

к капиталистическому государству и отказывались «признавать» его. Как это обычно бывает с анархосиндикалистами, они верили, что социалистическая революция может быть сделана посредством одной только экономической организации, с помощью одного только боевого индустриального союза, не имеющего ничего общего с какой бы то ни было политической партией и даже с революционной коммунистической партией. Они также были убеждены, что политическая государственная власть, будучи оружием в классовой борьбе, должна быть разрушена немедленно после того, как капитализм будет низвергнут, и что, следовательно, коммунисты ошибаются, настаивая на том, что с того момента, как государственная власть будет вырвана из рук капиталистического класса, и во все время переходного периода, до тех пор, пока капитализм не будет совершенно искоренен, разделение общества на классы не будет уничтожено и пока, таким образом, не настанет время для государственной власти сойти со сцены, государственную власть должен крепко держать в своих руках победоносный пролетариат, и он должен решительно пользоваться ею, сохраняя ее в самой твердой и сконцентрированной форме, в форме диктатуры пролетариата. Но худшим из их действий было расторжение связи с рабочими массами путем образования «революционного» союза.

С другой стороны, анархисты не пользовались большим влиянием в Америке, и борьба с ними была относительно легка. Некоторые из лучших членов их организации примкнули к коммунистам, ослабляя, таким образом, идеологически их ряды до такой степени, что они совершенно потеряли всякое значение.

К этому присоединилось предательство Александра Беркмана и Эммы Гольдман, до того возмутительное, что даже анархисты, все еще придерживавшиеся анархистского мировоззрения, покинули их ряды.

Но самой трудной была борьба, которую коммунистам пришлось выдержать в своих собственных рядах. Неопытные, но полные энтузиазма по поводу «раннего пришествия» революции, они впали во все те ошибки, которые Ленин указывает в двух вышеупомянутых сочинениях, ставших весьма популярными в Америке. Насильственное разрушение капиталистического государства проповедывалось ими во всякой стадии борьбы: каждая листовка, выпущенная ими, содержала в себе этот лозунг. Если этот лозунг упускался (как это случилось однажды), то центральный исполнительный комитет обвинялся членами партии в оппортунизме.

Партия была против буржуазного и реформистского парламентаризма: что могло быть логичнее в их неопытности, как бойкотировать выборы? Веруя в революционные союзы и признавая, что производственные союзы лучше цеховых союзов, об'единенная ком-

мунистическая партия — The United Communist Party—(более сильная из двух коммунистических партий в начале 1920 г.) решила что назначение коммунистов и американских рабочих заключается в том, чтобы «разбить вдребезги» американскую федерацию труда и соединиться с более революционными индустриальными рабочими мира (I. W. W.).

Эта политика дорого обошлась коммунистам, потому что их резолюция дала Гомперсу и реакционным лидерам мощное оружие для борьбы с ними.

Находясь в подполье, партии пришлось провести энергичную пропаганду среди своих членов, чтобы убедить их, что даже в «подпольном своем существовании» партия должна найти контакт с массами.

Два вышеупомянутых произведения Ленина и третье, «Ренегат Каутский», были величайшими факторами в деле уяснения для американских коммунистов и боевых рабочих их надлежащего пути. «Государство и Революция» стала настольной книгой для всех коммунистов. Были созданы курсы для изучения этой книги. О ней велась дискуссия даже в американских университетах.

Как основа для изучения коммунизма, после ознакомления с Коммунистическим Манифестом и с классиками, она нашла себе логическое продолжение в «Детской болезни левизны». И это было тем более необходимо, чтобы освободить партию от иллюзий, которые она себе создала, и чтобы установить принципы реальной политики и тактики. Этот процесс совершался медленно, и иные члены партии даже и в настоящее время часто впадают в некоторые формы «левой болезни».

В результате ясного понимания блестящих основоположений, выработанных Лениным, американская партия благополучно вышла из тумана «левизны». Она научилась маневрировать, она нашла контакт с массами. Ее последним достижением было революционная поддержка, оказанная ею при образовании «об'единенной фермерско-рабочей партии». Ее действия и лозунги основаны на реальном понимании борьбы.

Если даже борьба кое-чему научила бы американских коммунистов, как жизненный опыт учит ребенка, то все же Ленин явился для них учителем в том смысле, что он помог им выучиться, не впадая в капитальные ошибки.

ЛЕНИН.

Есть в Ленине Керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах.

Мужицкая ныне земля.
И церковь не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму, —
В ней пламя—цветенье сафьяна;
То черной неволи Басму
Попрала стопа Иоанна

Борис—златоордый мурза,
Трезвонит Иваном Великим
А Лениным—вихрь и гроза
Причислены к Ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

«Куда схоронить мертвеца»—
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье—баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах.
О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

Эскиз. Н. Альтман.

М. ГОРЬКИЙ.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Сторонник теории, утверждающей, что роль личности в процессе развития культуры ничтожна В. И. Ленин—на мой взгляд—источник энергии, без влияния которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею.

Однажды я сравнил его (условно) с Петром Великим; над этим сравнением смеялись, найдя его преувеличенным. Но это именно было условное сравнение: лично для меня роль Ленина, как социального реформатора России, ниже его значения, как мирового революционера. Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу разворотить до основания пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россией,—его воля неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства Запада и тысячелетиями слежавшиеся глыбы отвратительных, рабских деспотий Востока.

Продолжаю думать,—как думал два года тому назад,—что для Ленина Россия—только материал опыта, начатого в размерах всемирных, планетарных. Раньше эта мысль, затемненная чувством жалости к русскому народу, возмущала меня, но наблюдая, как течение событий русской революции, расширяясь и углубляясь, все более возбуждает и организует силы, способные разрушить основы капиталистического строя, я нахожу теперь, что, если Россия

и обречена служить об'ектом опыта, то несправедливо возлагать о в тственность за это на человека, который стремится превратить потенциальную энергию русской трудовой массы в энергию кинетическую, актуальную.

Каждый получает то, что заслужил: это справедливо. Народ, загнивший в духоте монархии, бездеятельный и безвольный, лишенный веры в себя, недостаточно «буржуазный», чтобы быть сильным в сопротивлении, и недостаточно сильный, чтобы убить в себе нищенски, но цепко усвоенное стремление к буржуазному благополучию,—этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно, должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного и живущего в эпоху зверски развитой борьбы классов, гнуснейшим выражением которой является кровавая мерзость, как война 1914—18 годов.

Разумеется, я не намерен сочинять речь в защиту или оправдание Ленина: я не нуждаюсь в этом так же как и он.

Но я немножко знаю его, и, когда «об'ективно мыслящие люди» обвиняют его в том, что он является возбудителем жестокой гражданской войны, террора и других преступлений, мне вспоминается г. Ллойд-Джордж, который в 1913—14 годах говорил милые хвалебные речи по адресу немецкого народа, провожая в Германию экскурсию английских школьных учителей и принимая в Англии учителей немецких, а сам в то же время точил штыки и начинял снаряды, которые должны были рвать немцев в клочья.

Все эти «великие люди»: лучший—самый бесстыдный циник Клемансо; «наивный демократ-романтик» Вудро Вильсон; социалисты, вотировавшие кредиты на организацию обще-европейской бойни; ученые, изобретавшие удушливые газы и прочие гадости; поэты, которые проклинали в 1914-м году немцев, в 1918-м англичан,— вся эта плесень и ржавчина разлагающегося старого общества, именно она своей подлой рукой нанесла глубокую, может быть смертельную, рану европейской культуре, и она продолжает садически терзать тело России, способствуя продолжению ее гражданской борьбы, удушая ее блокадой, уничтожая малых детей ее голодом и холодом.

Ошибки, если нужно говорить о них, не преступления. Ошибки Ленина—ошибки честного человека, и в мире еще не было ни одного реформатора, который действовал бы безошибочно. А вот, Ллойд-Джордж, Клемансо и К° действуют безошибочно как настоящие каторжники, как профессиональные убийцы, осуждая на муки холода и голода целый народ и способствуя продолжению гражданской распри, совершенно бессмысленной, ибо, кроме «большевиков», в России нет сил, способных взять в свои руки власть и возбудить энергию измученной страны, необходимую для продуктивного труда.

* * *

Возвращаясь к Владимиру Ильичу Ленину, я должен сказать, что мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его, как существо, подлежащее моему наблюдению наравне со всеми другими людьми и явлениями, которые не могут не интересовать меня, бытописателя моей родины.

Вот, этот человек говорит речь на собрании рабочих; он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых речах я никогда не слыхал ни грубой демагогии, ни пошлого франтовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера—вера фанатика, но фанатика ученого, а не метафизика, не мистика. Мне кажется, что ему почти неинтересно индивидуально человеческое, он думает только о партиях, массах, государствах и здесь он обладает даром предвидения, гениальной интуицией мыслителя-экспериментатора. У него есть та счастливая ясность мысли, которая дается только путем непрерывной работы.

Один француз спросил меня:

— Не находите ли вы, что Ленин—гильотина, которая мыслит?

— Работу его мысли я сравнил бы с ударами молота, который, обладая зрением, сокрушительно дробит именно то, что давно пора уничтожить.

Мещанам всех стран Ленин должен, конечно, казаться Атиллой, пришедшим разрушить Рим мещанского благополучия и уюта, основанный на рабстве, крови и грабеже. Но как древний Рим заслужил свою гибель, так и преступления современного мира справдывают необходимость разрушения его. Это историческая необходимость, ее уже не устранит никто, ничто.

Возникают жалобные речи о ценности европейской культуры, о необходимости охраны ее от натиска новых гуннов: эти речи искренни и значительны только в устах революционера, в устах же организаторов и сообщников позорной бойни 1914—1918 г. они—противная ложь.

Процесс развития культуры, если под этими словами и понимать дальнейший рост успехов искусства, науки, техники, попутного им и возбуждаемого им очеловечения людей,—этот процесс, конечно, не может быть замедлен тем новым условием, что активное участие в культурной работе примут не десятки тысяч единиц, а многомиллионные массы.

*
*

Иногда дерзость воображения, обязательная для литератора, ставит предо мною вопрос: как видит Ленин новый мир?

И предо мною развертывается грандиозная картина земли, изящно ограненной трудом всего многого человечества в гигантский изумруд. Все люди разумны, и каждому свойственно чувство личной ответственности за все, творящееся вокруг него. Повсюду города-сады—вместилища величественных зданий, везде работают на человека покоренные и организованные его разумом силы природы, а сам он, наконец, действительный властелин стихий. Его физическая энергия не тратится больше на грубый, грязный труд, она переродилась в духовную, и вся мощь ее направлена к исследованию тех основных вопросов бытия, над решением которых издревле безуспешно бьется мысль, расшатанная, раздробленная необходимыми усилиями об'яснения оправдания явлений социальной борьбы, измученная неизбежной в мире этих явлений драмой признания двух непримиримых начал.

Облагороженный технически, осмысленный социально, труд, стал наслаждением человека. Действительно освобожден, наконец, разум человека—самое драгоценное начало в мире—и, действительно, разум стал бесстрашен.

Бесстрашие разума и острая проницательность в области политики—основные свойства натуры Ленина. Мир никогда не слыхал языка, которым говорит дипломатия, вдохновляемая им. Пусть это язык, грубо терзающий нежные уши дипломатов во фраках и смокингах, но это убийственно правдивый язык. А правда пребудет груб й до поры, пока мы, люди, сами не сделаем ее красивой, как наша музыка, которая является одной из хороших правд, созданных нами.

Не думаю, чтоб я приписал Ленину мечты чуждые, ему; не думаю, что я романтизирую этого человека: я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастии всех людей, о светлой, радостной жизни. Чем крупнее человек, тем более дерзка его мечта.

Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята, по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен считать «узко-практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе.

Основная цель всей жизни Ленина—общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно слу-

жит вся его воля. Он—идеалист, если положить в это понятие соединение всех сил натуры в одной идее — в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

Я знаю: мещан это взбесит, многие товарищи усмехнутся, и весело захохочет сам Ленин. Святой—это, действительно парадоксальное и смешное слово в приложении к человеку, для которого «нет решительно ничего святого», как сказал о нем древний «богочеловек», бывший революционер Н. Чайковский; святой Ленин, которого благовоспитанный и культурный вождь английских консерваторов лорд Черчиль считает «самым свирепым и отвратительным человеком».

Но почтенный лорд не станет отрицать, что церковная святость редко исключала свирепость и жестокость, чему примером могут служить кровавые драки отцов церкви на вселенских соборах, инквизиция и множество прочих мерзостей. С другой стороны, область гражданской деятельности во все времена создавала гораздо больше истинно святых людей, если под святостью подразумевать безкорыстное, бесстрашное служение интересам народа, свободы, истины.

Суровый реалист, хитроумный политик—Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

— Что такое Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку:

— Вот, Ленин—самый честный парень. Такого еще не было на земле.

Я говорю—это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтоб начать действовать. Слишком долго дожидаться, когда они начнут думать и понимать, а злой гений капитала все быстрее душит их нищетой, алкоголизмом, истощением.

* * *

Кажется, необходимо упомянуть, что Ленину не чужды увлечения дружбы и вообще не чуждо ничто человеческое. Несколько неловко и смешно говорить об этом, но мещане всего мира так напуганы, а лорд Черчилль, поглядывая на Восток, так свирепо и вредно для себя раздражается. Страдая добродушием, я нахожу

себя обязанным несколько успокоить испуганных, и раздраженных и прочих врагов вождя «большевизма».

Бывает, что Ленин переоценивает добрые качества людей в их пользу и во вред делу. Но почти всегда его отрицательные оценки — казалось бы неосновательные — неизбежно подтверждаются людьми, которых он отрицательно оценил еще раньше, чем видел результаты их работы. Это может свидетельствовать о том, что дурные свойства людей чувствуются Лениным лучше хороших, но также и о том, что дряных людей вообще и всюду значительно больше, чем полезных.

Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку, и я уверен, что террор стоит ему невыносимых, хотя и весьма искусно скрытых страданий. Невероятно и недопустимо, чтоб люди, осужденные историей на непримиримое противоречие—убивать одних для свободы других, не чувствовали мук, изнуряющих душу. Я знаю несколько пар глаз, в которых это жгучее страдание застыло навсегда, на всю жизнь. Всякое убийство органически противно мне, но эти люди-мученики, и совесть моя никогда не позволит мне осудить их.

Замечаю, что, говоря о Ленине, невольно хочется говорить обо всем: пожалуй, иначе и не может быть, потому что говоришь о человеке, стоящем в центре и выше всего.

Разумеется, лично о нем можно сказать значительно больше, чем сказано здесь. Но мне мешает скромность этого человека, совершенно лишенного честолюбия: я знаю, что даже и то немногое, что сказано здесь, покажется ему излишним, преувеличенным и смешным. Ну, что ж,—пускай он хохочет, он это хорошо делает, но я надеюсь, что многие прочтут эти строки не без пользы для себя.

В этих строках шла речь о человеке, который имел бесстрашие начать процесс общеевропейской социальной революции в стране, где значительный процент крестьян хотят быть сытенькими буржуями, не больше этого. Это бесстрашие считают безумием. Я начал свою работу возбудителя революционного настроения славой безумству храбрых.

Был момент, когда естественная жалость к народу России заставила меня считать безумие почти преступлением. Но теперь, когда я вижу, что этот народ гораздо лучше умеет терпеливо страдать, чем сознательно и честно работать,—я снова пою славу священному безумству храбрых.

Из них же Владимир Ленин—первый и самый безумный.

Большевик. Кустодиев

А. МОРИЗЕ

ЛЕНИН И ЭВОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИЗМА.

Наконец, мы его увидели.

Его не всегда увидишь, как других комиссаров. Это не значит что он прячется. Легенда о киргизской, башкирской и китайской страже, по поводу которой французские журналы подняли столько шума, все это чепуха. Но все же друзья его предпочитают, чтобы он был поменьше на виду.

Со времени 1918 г., когда на него было покушение со стороны социалистки-революционерки, пустившей в него пулю, от которой он мог умереть, предосторожности естественны.

Уйди Ленин—революция, конечно, будет продолжаться, но он—символ, он —«шеф»,и его охраняют от малейшей случайности. Ленин живет в Кремле, бывшем здании судебных установлений, стены которого испещрены октябрьскими пулями. Очень скромное помещение. Мы могли легко пройти туда. Но зачем тревожить человека, у которого такая огромная работа.

Мы знали, что увидим его на конгрессе, и мы ждали, хотя наше нетерпение его увидеть было слишком сильно.

Он время от времени показывался на конгрессе. Несколько раз он выступал.

Он входит. Как он вошел—не видно.

С трудом различаешь его.

Только голова и плечи видны.

Выдающийся обнаженный лоб.

Азиат, очевидно.

Об этом говорят глаза и скулы.

Маленькие, миндалевидные глаза, монгольские брови, большое пустое место между бровями, лбом и носом.

Большой нос с раздувающимися ноздрями.

Усы, небольшая борода—они скрывают то, что называется его улыбкой.

Ленин не улыбается: только тогда, когда он громко смеется, можно видеть его улыбку.

На его лице выражение удивительной юности сменяется утомленностью человека, который несет на своих плечах бремя нового мира. Лицо у него беспрерывно меняется, оно все в движении.

Ленин похож на себя только в кинематографе.

Ни один его портрет не передает его точно.

Ленин весь—динамика...

Я наблюдал его на конгрессе. Я говорил с ним только из-за желания беседовать; мне хотелось ближе разглядеть его, я хотел схватить его черты. Немыслимо.

Его красноречие... то, что он говорит, нельзя резюмировать, нужно целиком передать. Никакое изложение не передает характер его речи. Нет ни вступления, ни заключения.

Ленин начинает по существу и так же кончает.

Он берет две или три мысли и ими оперирует.

Формулы, в которые он их облекает, часто повторяются.

Нет возгласов, нет эффектов трибуна...

Я услышал речь, которую с величайшим интересом ожидал: «Тезисы о тактике Российской Коммунистической Партии». В этой речи он провел глубокий анализ внутреннего положения России.

Ленин говорил по немецки. Троцкий перевел ее по-французски. Должен ли я признаться в том, что эта речь, даже в переводе Троцкого, обманула мои ожидания. Признаюсь, я надеялся на нечто большее, чем эти краткие формулы. Я думал, что Ленин развернет перед конгрессом во всей полноте принципы новой политики. Но оказалось, что он не нашел нужным это сделать, так как большинство было знакомо в достаточной мере с этим вопросом.

На VIII Всероссийском С'езде Советов, на этом ежегодном заседании «парламента», 22 декабря 1920 г. Ленин впервые конкретно изложил новые принципы.

Война с Польшей уже несколько месяцев как закончилась и последний по времени авантюрист Врангель был сброшен в море.

Ленин на трибуне. Н. Альтман.

Творческая работа началась. Первый предвестник будущих декретов,—декрет, разрешающий концессии иностранному капиталу, появился 23 ноября.

Ленин должен был защищать его перед теоретиками, «оскорбленными в своей ортодоксии», которые побоялись, что Россия будет отдана врагам.

Реорганизация промышленности. Он сослался на доклад, об электрификации, который должен был сделать Кржижановский на следующий день.

Развитие сельского хозяйства. Он развил проэкт декрета, представленного конгрессу Совнаркомом, об уступках крестьянству, проект, правда, еще недостаточный, чтобы вернуть полное доверие мелким собственникам, потому что он не отменял еще принудительной разверстки, но уже устанавливал план об еменения в государственном масштабе, местные контрольные комитеты и намечал целый ряд конкретных мер, которые обеспечивали бы семенами, инвентарем, упряжью и рабочим скотом.

Прошло три месяца. Идеи определились. Необходимость радикальной эволюции выдвинулась во всей своей полноте ко времени партийного С езда 12 марта 1921 года.

Уже две недели волнения в Кронштадте. Пять дней Красная Армия перестреливается с мятежниками. Кризис достиг наивысшего напряжения.

Ленин всходит на трибуну; как государственный человек, привыкший брать на себя ответственность, он приступает к исследованию положения.

Его исчерпывающий доклад точно отмечает момент, с которого начинается перемена политики. Некоторые меры, в роде декрета о концессиях, определяют этот поворотный пункт.

И тому, кто хоть один раз слыхал Ленина, легко себе представить, как он перебегает трибуну разрезая рукой воздух и повторяя: «необходимо, необходимо... час настал»—втолковывает в головы своих товарищей мысли о том, что решающий час пробил.

Т. УЭЛЬС

КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ *

Главной целью моей поездки в Москву было свидание с Лениным. Мне было очень интересно повидаться с ним, и я должне сказать, что был предубежден против него. На самом деле, я встретился с личностью, ни сколько не похожею на то, что я ожидал видеть.

Ленин вовсе не писатель; все написанное им не дает о нем правильного представления. Короткие, резкие памфлеты, выходящие в Москве за его подписью, полные неправильных представлений о психологии западных рабочих и настойчивого повторения нелепого утверждения, будто бы в России произошла именно предсказанная Марксом социальная революция, очень мало выражают истинную сущность мышления Ленина, насколько я могу судить по своему разговору с ним.

Чтобы добиться свидания с Лениным, пришлось очень долго хлопотать, что меня чрезвычайно раздражало, но в конце концов наступил день, когда я отправился в Кремль в сопровождении г-на Ротштейна, игравшего некогда большую роль в лондонских коммунистических кругах, и товарища-американца, вооруженного большим фотографическим аппаратом, служившего, как я впоследствии узнал, в комиссариате по иностранным делам.

Наконец-то, мы проникли к Ленину и застали его сидящим за большим письменным столом, в хорошо освещенной комнате, выходящей окнами на дворцовую площадь. Я уселся на стуле около стола, и маленький человечек—когда он сидит на краю стула, его ноги едва касаются пола—сбернулся ко мне, положив руки на большую кучу бумаг.

Он прекрасно говорит по-английски, но г. Ротштейн, тем не менее, следил за нашим разговором, постоянно вмешиваясь в него, что мне показалось очень характерным для современного положения дел в России. Тем временем американец принялся за дело, неустанно производя снимки, стараясь при этом не стеснять нас своей работой. Да она и не могла нам мешать: разговор был настолько интересен, что движение фотографа и шум аппарата совершенно не замечались нами.

Я пришел сюда, думая, что мне придется спорить с убежденным доктринером-марксистом, но ничего подобного на самом деле не оказалось. Мне говорили, что Ленин любит поучать, но со мною

* Помещая в сборнике настоящую статью Уэльса, редакция считает нужным отметить, как даже такие передовые люди как Уэльс, не поняли смысла происходящей в осенне пролетарской революции, во главе которой находился Владимир Ильич Ленин.

он этого не делал; много говорят также об его смехе, который сначала будто бы нравится, а потом начинает казаться циничным, но я этого смеха вовсе не заметил во все время нашего разговора. Его лоб напоминал мне кого-то, но я долго не мог вспомнить, кого именно, пока не увидал на днях г-на Артура Бальфура, в то время как он сидел и разговаривал, освещенный из-под абажура светом лампы. Это та-же удлиненная, слегка несиметрическая форма черепа.

У Ленина приятное смуглое лицо с постоянно меняющимся выражением и живая улыбка; он имеет привычку приподымать пальцем веко при паузах в разговоре; может быть эта привычка происходит от какого-нибудь дефекта зрения. Ленин очень мало похож на свои фотографии, так как его лицо принадлежит к числу тех, в которых выражение имеет гораздо больше значения, чем самые черты. Он немного жестикулировал во время разговора и говорил быстро, без всякой позы, без недомолвок, увлекаясь своим предметом так, как говорят серьезные ученые.

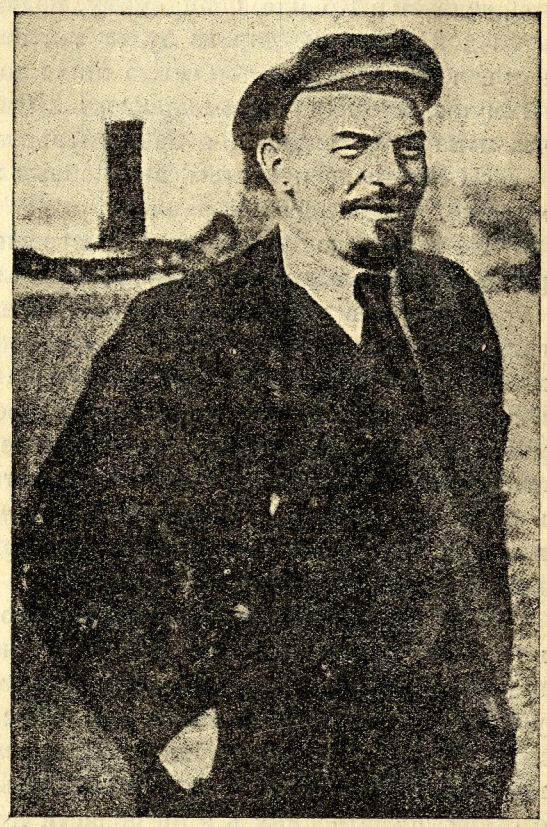
Весь наш разговор вертелся на двух—как бы их назвать—лейт-мотивах. Один из них, мой, сводился к вопросу: «что собственно, по вашему мнению, вы делаете с Россией. Что вы стараетесь создать». А он, со своей стороны, все возвращался к другому вопросу: «почему социальная революция не началась еще в Англии. Почему вы ничего для социальной революции не делаете. Почему вы не разрушаете капитализма и не устанавливаете у себя коммунистический строй».

Эти лейт-мотивы все время сплетались, реагировали друг на друга и друг друга освещали. Второй вопрос возвращал нас опять к первому: «а что вы-то сделали из социальной ревслюции... Можно ли ее считать удавшейся», а это приводило нас опять ко второму вопросу: «чтобы наша революция была удачной, западный мир должен к ней присоединиться. Почему он этого не делает».

Ленин, с присущей ему искренностью, порой, вероятно, и повергающей его последователей в крайнее недоумение, за последнее время окончательно признал, что русская революция есть не что иное, как начало эпохи бесконечных экспериментов. Недавно еще он писал следующее: «те, кто взяли на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам».

Наш разговор начался с вопроса о судьбе больших городов при коммунизме. Мне хотелось видеть, насколько ясно Ленин видит умирание русских городов. Разоренный Петроград подсказал мне мысль, которая мне не приходила в голову раньше, что внешность и самая жизнь всякого города определяются торговлей в магазинах и на рынках, и с уничтожением ее девять десятых зданий всякого почти города становятся совершенно ненужными, теряют всякий смысл,

Ленин признал, во время разговора, что города, несомненно, значительно уменьшаются в своих размерах. «Они будут иными, чем теперь, совершенно иными». Я указал ему, что это требует гигантской работы, т. е. я имел в виду уничтожение современных городов и замену их новыми: церкви и огромные здания Петрограда будут тогда иметь значение лишь исторического памятника, как, например, церкви Новгорода Великого или храм в Пестуме, а почти все, что составляет современный город, просто исчезнет.



Снимок.

Ленин очень весело согласился со мной; мне кажется, ему приятно было говорить с человеком, понимающим те неизбежные последствия коллективизма, которые ускользают от понимания многих из его собственных последователей. Россия должна быть перестроена совершенно заново, сделаться чем-то новым, совсем не похожим на старое...

«А промышленность тоже придется перестраивать так сверху до низу».

«А известно ли вам то, что уже начали делать в России? Электрофикация России».

Дело в том, что Ленин, хотя и отрицает, как правоверный марксист, всякие «утопии», но вконце концов сам вдался в электрическую утопию. Он всеми силами поддерживает план организации в России гигантских электрических станций, которые должны обслуживать целые области светом, водой и двигательной силой; он уверял меня, что две такие опытные станции уже существуют. Можно ли вообразить более смелый проект в обширной плоской стране, с бесконечными лесами и неграмотными мужиками, с ничтожным развитием техники, и с умирающими промышленностью и торговлей.

Такого рода электрификация существует уже в Голландии, говорили о ней и в Англии, и весьма возможно, что в этих густо населенных и промышленно-развитых странах она увенчается успехом и окажется делом полезным и экономным. Но вообразить себе применение ее в России можно лишь с помощью очень богатой фантазии. Я лично ничего подобного представить себе не могу, но этот маленький человек в Кремле, повидимому, может: он видит, как пришедшие в упадок железные дороги будут заменены электрическими; видит, как вся страна покроется сетью таких дорог и как разовьется новая коммунистическая промышленность. Он говорит с таким жаром, что пока я его слушал, я почти поверил в возможность этого.

«И вы смело пуститесь в подобные эксперименты при наличии мужика, приросшего к земле»?

Не только должны быть перестроены все города, но и весь порядок землепользования должен измениться.

«Даже и в настоящее время, сказал Ленин, не все продукты сельского хозяйства производятся в России крестьянами. У нас, в некоторых местах, существует крупное сельскохозяйственное производство. Правительство уже начало, во многих местах, эксплоатировать большие имения рабочими, а не крестьянами, там, где обстоятельства позволяют это, и это может распространиться из одной губернии в другую. Крестьяне остальных губерний, невежественные и эгоистичные ничего не будут подозревать о происходящем, пока очередь не дойдет и до них».

Я стал ему возражать, говоря, что ведь нужно перестраивать не одну только материальную сторону жизни, а и психологию всего народа: русские по природе своей индивидуалисты и торгаши, и если уж строить новый мир, то нужно прежде всего переделать народную душу. Тогда Ленин спросил меня, видел ли я ту работу в области воспитания, которая идет сейчас полным ходом. Я рассказал ему о своих впечатлениях в этой области и похвалил многое из виденного мною, что, видимо, доставило ему большое удовольствие. Его вера в свое дело неограничена.

«Но ведь все это только эскизы, наброски», сказал я.

«Приезжайте опять в Россию через десять лет и посмотрите, что мы за это время сделаем», ответил он.

Благодаря Ленину, я понял, что, несмотря на Маркса, коммунизм может быть творческой, созидательной силой.

После всех моих разговоров с утомительными фанатиками классовой борьбы, людьми бесплодных формул, которых я так много встречал между коммунистами, после встреч с узкими, самодовольными правоверными марксистами, для меня было прямо отдыхом поговорить с этим необыкновенным маленьким человеком, открыто признающим всю громадную трудность и сложность задач, стоя-

щих перед коммунизмом, и сосредоточившим все свои силы на проведении этого последнего в жизнь. Перед ним носятся видения нового мира, задуманного и построенного на новых началах и совершенно не похожего на старый.

Ему хотелось услышать от меня побольше о моих русских впечатлениях. Я сказал ему, что во многих отношениях коммунизм черезчур спешит и разрушает прежде, чем он может что-либо выстроить; особенно ясно это замечается в петроградской коммуне. Там торговлю уничтожили раньше, чем создали продовольственную систему; кооперативы разрушили вместо того, чтобы их использовать и т. д. Это привело нас к основному пункту расхождения между нами, к различию между эволюционным коллективизмом и марксизмом: вопрос заключается в том, нужна ли вообще социальная революция, есть ли какая-нибудь надобность в окончательном уничтожении существующего экономического строя тогда, когда нельзя уже осуществить нового.

Я верю в то, что путем планомерной системы воспитания общества существующий капиталистический строй может цивилизоваться и превратиться в коллективистический, тогда как Ленин давно уже принял марксистский догмат о необходимости классовой борьбы, верит в то, что падение капитализма есть только прелюдия, что необходима диктатура пролетариата и т. п.

Поэтому он был принужден возражать мне, говоря, что современный капитализм неизлечимо жаден и расточителен, и что научить его ничему нельзя: пока он не будет раздушен, он будет продолжать глупо и бесцельно растрачивать человеческое достояние, бороться со всякими попытками эксплоатировать природные богатства для всеобщей пользы, а так как конкуренция является его сущностью, он неизбежно будет вызывать войны.

Признаюсь, мне было очень трудно с ним спорить. Он вдруг показал мне новую книгу Киоцца Моней «Триумф национализма», которую он, видимо, изучал с большим вниманием. «Вы видите, как только возникает какая-нибудь хорошая, общеполезная коллективистическая организация, капиталисты ее немедленно разрушают; они ведь уничтожили ваши национальные верфи, они не позволяют вам разумно эксплоатировать угольные копи». Он похлопал рукой по книге. «Все это вы найдете здесь».

Пока я говорил ему о том, что войны происходят от национального империализма, а вовсе не от капиталистического строя жизни, он внезапно спр сил меня: «а что вы думаете о новом республиканском империализме, идущем к нам из Америки?»

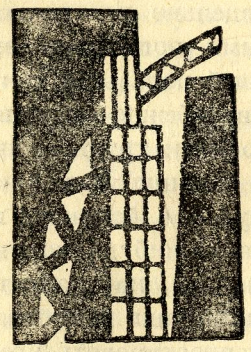
Тут т. Ротштейн вмешался в разговор, сделал Ленину по-русски какое-то замечание, но Ленин не обратил на это никакого внимания.

Без всякой дипломатической сдержанности, о которой тщетно напомнил ему Ротштейн, Ленин стал излагать мне проект, которым один американец хотел поразить воображение московского правительства. В этот проект входили продовольственная помощь и признание советского правительства, заключение оборонительного союза против агрессивных намерений Японии в Сибири, основание на восточно-азиатском побережьи американской морской станции и долгосрочные концессии на шестьдесят или пятьдесят лет в Камчатке и, может быть, в других частях Азиатской России. Что же, все это направлено в пользу мира? Есть ли это что-нибудь иное, как не начало новых мировых потрясений? Понравится ли такого рода план британским империалистам?

«Всегда—повторял Ленин—капитализм борется и конкурирует. Он является антитезой коллективной деятельности, из него не может развиться ни общественное, ни мировое единство».

«Но, возразил я, необходимо все-таки, чтобы какая-нибудь промышленная держава пришла на помощь России. Она не может возродиться без такой помощи»...

Наш разговор кончился неопределенно. Мы очень дружески распростились, после чего меня и моих спутников вывели из Кремля с теми же предосторожностями, с какими ввели в него.



ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

Я. ЯКОВЛЕВ

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ.

Нет ни одной коммунистической организации во всем мире, которая не питалась бы в той или иной степени великим знанием, чудесной прозорливостью, математическим учетом соотношения сил, гениальными прогнозами Ленина. И наша коммунистическая организация на Украине не составляет исключения в этом отношении.

К Владимиру Ильичу обращалась наша организация во все переломные моменты украинской революции и всегда получала ответ, который учитывал и состояние Украины и развитие революции в Западной Европе, и, наконец, состояние нашей партийной организации, который с чудесной правильностью намечал пути будущего, который в то же время умел всегда считаться с недостатками и грехами нашей организации и вместе с тем намечать пути к их исчезновению. Иногда приходилось Владимиру Ильичу не соглашаться с большинством нашей организации, иногда приходилось ему итти против большинства; но проходили недели и месяцы, и вся организация убеждалась в правильности ленинской постановки вопроса.

Помню лето 1918 года—гетманские дни, Украина оккупирована штыками Вильгельма. Помещик возвращает с помощью германских штыков землю. В массах крестьян и рабочих нарастало с каждым днем огромное негодование, ненависть к оккупантам-помещикам, которая кружила головы многим украинским коммунистам, не позволяла многим из нас оценить об'ективную обстановку, не позволяла многим из нас понять то, что для успеха революции на Украине мало революционных настроений в украинских крестьянских массах: необходима готовность Советской Республики России притти на помощь украинской революции и одновременно необходимо развитие революционного движения в Германии.

В тех спорах, которые были тогда внутри нашей организации, мы искали ответа у Ильича. Его ответом было: «коммунисту нужно уметь не только плыть по волне революционного течения, но и уметь направить и руководить этим революционным течением так, чтобы принять бой в выгодный для пролетариата момент».

Мы на опыте августовской неудачной попытки восстания убедились в том, что победить революцию на Украине можно только в одной связи: связи с германской революцией и способностью Советской России бросить достаточные силы нам на помощь.

Несколько недель и месяцев понадобилось, чтобы изменилась международная обстановка.

Революция в Германии, развал германской оккупационной армии, рост мощи Красной армии России, дали возможность тогда развиться и пойти к победе революционному движению трудящихся масс Украины.

* * *

Декабрь того же года. Нет уже споров о времени революции. Революция идет и развивается под руководством коммунистической партии. Перед нами на Украине небольшой по внешности вопрос: с немецкими солдатами, как товарищами, как обдуренными своими капиталистами, такими же рабочими и крестьянами, как мы, против гетмана и Петлюры, или против немецких советских организаций, как организаций оккупационной власти. Опять споры, разногласия в нашей организации.

Перед нами стоял вопрос о соглашении с «Большим немецким Советом», находившимся в Харькове. Этот немецкий Совет далеко не стоял еще на коммунистической позиции. Но он точно представлял настроение германских солдат в тот начальный момент германской революции. Перед нами стоял конкретный вопрос: за соглашение с немецкими солдатами и коммунистическую работу внутри них или против соглашения.

Опять звучит краткое и точное указание нашего вождя: «не забывайте, что вы, украинские революционеры, являетесь созидателями и творцами революции не только на Украине, но и далеко за ее пределами; не забывайте, что украинская революция не национальная, а лишь звено международной революции».

Этого было достаточно. Тот, кто видел шедшие по городу в первый день занятия Харькова смешанные большевицки-немецкие отряды (взвод наш—взвод немецкий), кто видел эти десять тысяч немецких солдат, проследовавших через всю русскую территорию в Германию, кто читал отчаянные вопли буржуазно - германской прессы о том, что Советская Россия из оккупационных войск изготовила большевицких «бандитов», — тот мог оценить ответ Владимира Ильича.

* * *

Ленину пришлось высказаться на второй Всеукраинской партийной конференции и по тому вопросу, который был чрезвычайно остер и во всей российской коммунистической партии: парти-

занская или регулярная армия. В силу ряда условий этот вопрос особенно заострился на Украине, тут особенно живучи были и в рядах нашей партии партизанские предрассудки. История разрешила этот спор и для Украины и для России.

Тут интересно отметить только, что, неуклонно намечая путь к регулярной армии, Ленин в то же время не забывал про то огромное значение, которое развитие партизанских действий, согласованное с наступлением регулярных частей, могло и должно было сыграть для Украины.

* * *

После захвата Деникиным власти на Украине проверяется коммунистами вся работа партии за минувший период. Это совпало с Всероссийской партийной конференцией. Мы ставим украинский вопрос в порядок дня конференции. На конференции Ленин берет слово и в основном освещает политику К. П. У. в национальном вопросе в прошлый период и основные черты правильной национальнбй политики. Некоторые из украинских коммунистов обвиняли его тогда в перегибании палки в национальном вопросе. Не буду напоминать сущности его позиции, которая была зафиксирована в резолюции конференции, являющейся поныне основной директивой нам в нашей работе. Скажу только, что достаточно было одного месяца, чтобы наиболее несогласные с Ильичем убедились в том, что он был совершенно прав...

А земельный вопрос, а продовольственная политика, а многие другие шаги и действия партии на Украине в минувшие годы... Мы можем открыто, сказать: наша партия строила свою линию правильно, когда строила ее с согласия и под руководством Владимира Ильича.

Если через десятки споров, через десятки склок, через огромные перебои в работе наша партия осталась единой и ее единство крепнет; если у нас в настоящий момент куются, наконец, основные кадры нашей организации,—то без всякого преувеличения мы мжем сказать, что мы обязаны этим в значительной степени Ленину.

ПИСЬМО К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ ПО ПОВОДУ ПОБЕД НАД ДЕНИКИНЫМ.

Товарищи! Четыре месяца тому назад, в конце августа 1919 г., мне довелось обратиться с письмом к рабочим и крестьянам по поводу побед над Колчаком.

Теперь я перепечатываю это письмо полностью для рабочих и крестьян Украины по поводу победы над Деникиным.

Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно двигаются на Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия.

Рабочим и крестьянам Украины следует ознакомиться с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Колчаком и освобождения Сибири Красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета.

На Украине господство Денинкина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян так же, как уральских и сибирских, к более ясному пониманию задач Советской власти и к более твердой защите ее.

В Великороссии помещичье землевладение уничтожено полностью. На Украине надо сделать то же самое, и Советская власть украинских рабочих и крестьян должна закрепить полное уничтожение помещичьяго землевладения, полное освобождение украинских рабочих и крестьян от всякого гнета помещиков и от самих помещиков.

Но кроме этой задачи и ряда других задач, которые одинаково стояли и стоят перед великорусскими и украинскими трудящимися массами, есть особые задачи Советской власти на Украине. Одна из таких особых задач заслуживает в настоящее время чрезвычайного внимания: это вопрос национальный или вопрос о том, быть ли Украине отдельной и независимой Украинской Социалистической Федеративной Советской Республикой или слиться Украине с Россией в единую Советскую Республику. Все большевики, все сознательные рабочие и крестьяне должны подумать внимательно над этим вопросом.

Независимость Украины признана и ВЦИК'ом Р. С. Ф. С. Р. и Российской Коммунистической Партией большевиков. Поэтому само собой очевидно и вполне общепризнанно, что только сами украинские рабочие и крестьяне на своем Всеукраинском С'езде Сове-

тов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и, в последнем случае, какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией.

Как же следует решать этот вопрос с точки зрения интересов трудящихся. С точки зрения успеха их борьбы за полное освобождение труда и капитала?

Во-первых, интересы труда требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций. Сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются раз'единить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала.

Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы—противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы—международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному об'единению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную советскую республику.

Во-вторых, трудящиеся не должны забывать, что капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских) полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций. Преступнейшая и реакционнейшая война 1914—18 годов еще более усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве. Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим: таких наций, как украинская, к таким, как великорусская.

Мы хотим добровольного союза наций,—такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дела, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что раз'единяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всем' тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала. А вопрос о том, как определить государственные

границы теперь, на время, ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ, — есть вопрос не основной, неважный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать, ибо национальное недоверие у широкой массы крестьян и мелких хозяйчиков держится часто крайне прочно, и торопливостью можно его усилить, т. е. повредить делу полного и окончательного единства.

Опыт рабоче-крестьянской революции в России, октябрьско-ноябрьской революции 1917 года, опыт ее двухлетней победоносной борьбы против нашествия международных и русских капиталистов показал яснее ясного, что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия. Опыт показал, что это недоверие изживается и проходит только очень медленно, и чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие. Именно, таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем «их» к полному доверию, к будущей единой международной советской республике.

Пока Украина не освобождена полностью от Денинкиа, ее правительством до всеукраинского с'езда советов является Всеукраинский Ревком. В этом Ревкоме, на-ряду с украинскими коммунистами-большевиками, работают, как члены правительства, украинские коммунисты-боротьбисты. Боротьбисты отличаются от большевиков, между прочим тем, что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики из-за этого не делают предмета расхождения и раз'единения, в этом не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией.

Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы будет решать Всеукраинский С'езд Советов.

Если великорусский коммунист настаивает на слиянии Украины с Россией, его легко заподозрят украинцы в том, что защищает такую политику не по соображениям единства пролетариев в борьбе с капиталом, а предрассудкам старого великорусского национализма, империализма. Такое недоверие естественно, до известной степени неизбежно и законно, ибо веками великороссы впитывали в себя,

под гнетом помещиков и капиталистов, позорные и поганые предрассудки великорусского шовинизма.

Если украинский коммунист настаивает на безусловной государственной независимости Украины—его можно заподозрить в том, что он защищает такую политику не с точки зрения временных интересов украинских рабочих и крестьян в их борьбе против ига капитала, а в силу мелко-буржуазных, мелко-хозяйских национальных предрассудков. Ибо опыт показал нам сотни раз, как мелко-буржуазные «социалисты» разных стран—всякие яко бы социалисты польские, латышские, литовские, грузинские меньшевики, эс-эры и прочие—перекрашивались в сторонников пролетриата с единственной целью протащить обманом политику соглашательства со своей национальной буржуазией против революционных рабочих. Это мы видели на примере керенщины в России в феврале—октябре 1917 года, это мы видели и видим во всех и всяческих странах.—

Взаимное недоверие между великорусским и украинским коммунистами возникает таким образом очень легко. Как же бороться с этим недоверием? Как преодолеть его и завоевать взаимное доверие?

Лучшее средство к тому—совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти в борьбе против помещиков и капиталистов всех стран, против их попыток восстановить свое всевластие. Такая совместная борьба ясно покажет на практике, что при каком угодно решении вопроса о государственной зависимости или о государственных границах великорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты «Антанты», «Согласия», т. е. союза богатейших капиталистических стран, Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, задавят и задушат нас по одиночке. Пример борьбы нашей против Колчака и Деникина, которых снабжали деньгами и оружием эти капиталисты, ясно показал эту опасность.

Кто нарушает единство и теснейший союз великорусских и украинских рабочих и крестьян, тот помогает Колчакам, Деникинам, капиталистам, хищникам всех стран.

Поэтому, мы, великорусские коммунисты, должны с величайшей строгостью преследовать в своей среде малейшее проявление великорусского национализма, ибо эти проявления, будучи вообще изменой коммунизму, приносят величайший вред, раз'единяя нас с украинскими товарищами и тем играя на руку Деникину и деникинщине.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, формы ее союза с Россией, вообще нацио-

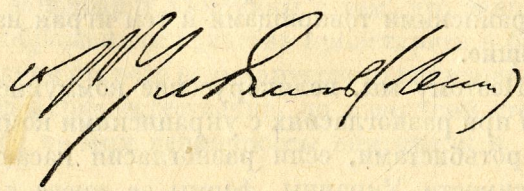
нального вопроса. Неуступчивы и непримиримы мы все (и великорусские, и украинские, и какой угодно другой нации коммунисты) должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры: недопущения соглашательства с буржуазией, недопущения разпробленности сил, защищающих нас от Деникина.

Победить Деникина, уничтожить его, сделать невозможным повторение подобного нашествия—таков коренной интерес и великорусских и украинских рабочих и крестьян. Борьба долгая и трудная, ибо капиталисты всего мира помогают Деникину и будут помогать разного рода Деникиным.

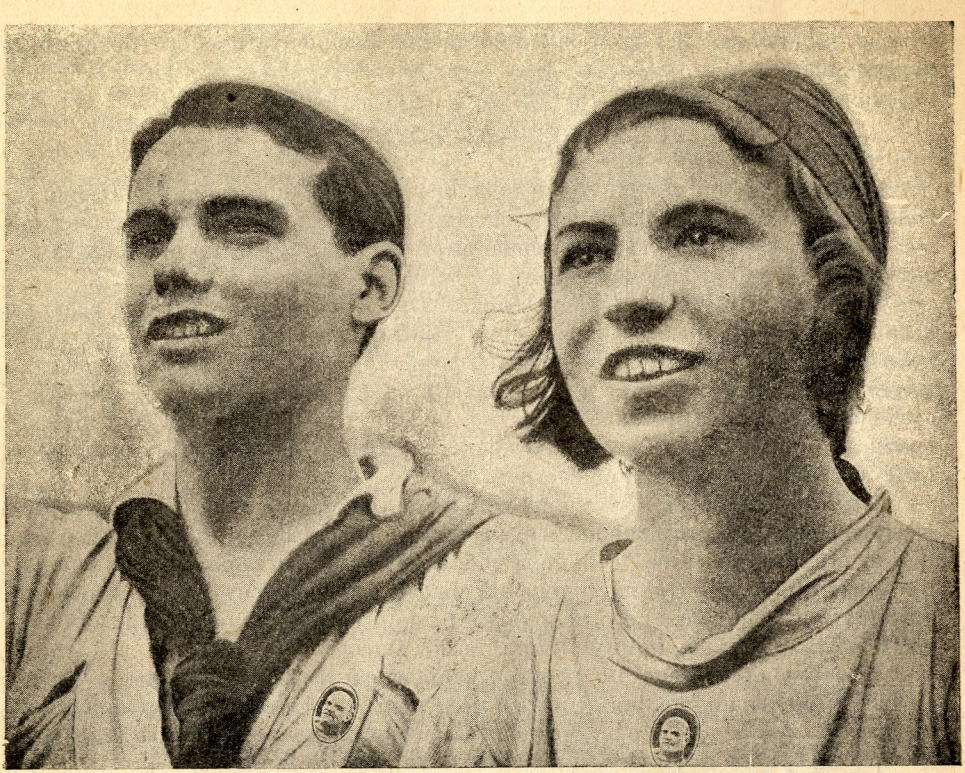
В этой долгой и трудной борьбе мы, великорусские и украинские рабочие, должны итти теснейшим союзом, ибо по одиночке нам наверное не справиться. Каковы бы ни были границы Украины и России, каковы бы ни были формы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно итти наступки, в этом можно перепробовать и то и другое, и третье: от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капитализмом, не погибнет.

А вот если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собой, союза против Деникина, союза против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран,—тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда смогут задавить и задушить капиталисты.

И буржуазия всех стран и всяческие мелко-буржуазные партии «соглашательские» партии, допускающие союз с буржуазией против рабочих, больше всего старались раз'единить рабочих разных национальностей, разжечь недоверие, нарушить тесный международный союз и международное братство рабочих. Когда буржуазии удастся это, дело рабочих проиграно. Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистические происки всякой буржуазии, националистические предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительного прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику.



ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.



Юные Ленинцы.

Н. ЛЕНИН.

ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ.

Речь на III Всероссийском С'езде Р, К. С. М.

Товарищи! мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза Коммунистической Молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплоатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое могло бы пролетариату и трудовым классам удержатьвласть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых

условиях, при такой обстановке, когда нет эксплоататорского отношения между людьми.

БЕЗ УЧЕНИЯ—НЕТ КОММУНИЗМА.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций, в частности, можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы: чему учиться и как учиться? А здесь все дело в том, что вместе с преобразованием старого капиталистического общества, учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми. Учение, воспитание и образование молодежи должно исходить из того материала, который оставлен нам старым обществом.

Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества. Только преобразуя коренным образом дело ученья, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества.

Поэтому нам нужно подробно остановиться на вопросе о том, чему мы должны учить и как должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической молодежи, и как подготовить ее к тому, чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали.

ЧЕМУ УЧИТЬСЯ.

Я должен сказать, что первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но этот ответ «учиться коммунизму» является слишком общим. Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма? Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно, или когда она понимается слишком однобоко.

Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно.

Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде,

и эти книги в большинстве случаев являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество. Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным.

Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой. Без работы, без борьбы, книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества.

Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы во-время эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

СТАРАЯ ШКОЛА.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?

Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплоататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии.

В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию.

Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм.

Образцом того, как появился коммунизм из суммы человеческих знаний, является марксизм.

УЧЕНИЕ МАРКСА.

Вы читали и слышали о том, как коммунистическая теория, коммунистическая наука, главным образом, создана Марксом, как это учение марксизма перестало быть произведением одного, хотя и гениального социалиста XIX-го века, как это учение стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма.

И если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса? — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучавших законы развития человеческого общества. Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука.

Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

КРИТИЧЕСКОЕ УСВОЕНИЕ ФАКТОВ.

Когда мы слышим нередко и среди представителей молодежи, и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зубрежки, мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных, и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создашь. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знаниям основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека.

Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист, и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет.

СОЗНАТЕЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов; старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать. Но если мы должны ее убрать, если мы должны разрушить ,значит ли это, что мы не должны взять из нее все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей?

Значит ли, что мы не должны суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма?

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность об'единить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно. Без этого победить капиталистов и помещиков всего мира не сможем. Мы не закрепим даже фундамента, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество.

Также и отрицая старую школу, питая совершенно законную и необходимую ненависть к этой старой школе, ценя готовность разрушить старую школу, мы должны понять, что на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить уменье взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

ХОЗЯИСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Вот как надо поставить основные задачи, когда мы говорим о задаче научиться коммунизму.

Чтобы это вам пояснить, подходя в то же время к вопросу, как учиться, я возьму пример практический. Вы все знаете, что перед нами сейчас же вслед

за задачами военными, задачами охраны республики, встает задача хозяйственная.

Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, при чем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение.

Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве.

Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение.

Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический Союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием.

СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

У предыдущего поколения задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, уменья сплотить свои силы.

Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны об'единить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно.

Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груду развалин, как и следовало его превратить в груду развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что об'единяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для нашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, под'ема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов стро

ителей, которыми должен быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не построите.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ.

Здесь я естественно подхожу к вопросу о том, как мы должны учить коммунизму, в чем должна состоять особенность наших приемов.

Я здесь останавлюсь прежде всего на вопросе о коммунистической морали. Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза молодежи— поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы. Или вместо того, чтобы выводить эту мораль из велений нравственности, из велений бога, они выводили ее из идеалистических или полуидеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похоже на веления бога.

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян. Нам нужно было это разрушить, надо было их скинуть, но для этого надо создать об'единение. Боженька такого об'единения не создаст.

Такое об'единение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу, за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство, которая устояла при всех натисках эксплоататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам об'единиться, сплотиться и окончательно отстоять

окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим; для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует: это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

А что такое класс вообще? Это то, что позволяет одной части общества присваивать себе труд другого.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю — мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках, — мы имеем класс капиталистов и пролетариев.

Нетрудно было прогнать царя — для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков — это можно было сделать в несколько месяцев, не очень трудно прогнать и капиталистов.

Но уничтожить классы несравненно труднее: все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т.-е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплоататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются на счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов, а в этом и состоит задача того порядка, который мы называем диктатурой пролетариата.

Классовая борьба продолжается: она только изменила свои формы. Это классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплоататоры, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается, и наша задача — подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность,—это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

ИНСТИНКТ СОБСТВЕННОСТИ.

Коммунистическая нравственность—это та, которая служит этой борьбе, которая об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью.

Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Рассуждаю, что, чем больше голодных, тем дороже будут платить? Разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплоататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Если оставить так, то все скатится назад, к власти капиталистов, к власти буржуазии, как это бывало не раз в прежних революциях. И чтобы не дать снова восстановиться власти капиталистов и буржуазии, для этого нужно торгашества не допустить, для этого нужно, чтобы отдельные лица не наживались на счет остальных, для этого нужно, чтобы трудящиеся сплотились с пролетариатом и составили коммунистическое общество.

В этом и состоит главная особенность того, что является основной задачей союза и организации коммунистической молодежи.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие—либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого.

Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплоататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

БОРЬБА ПРОТИВ ЭКСПЛОАТАТОРОВ.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим; для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплоатации труда.

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих ком-

мунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание.

Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплоататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,—тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ.

Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни. Пока рабочие и крестьяне остаются угнетенными помещиками и капиталистами, пока школы остаются в руках помещиков и капиталистов,—поколение молодежи остается слепым и темным.

А наша школа должна давать молодежи основы знания, уменье вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей. Она должна за то время, пока люди в ней учатся, делать из них участников борьбы за освобождение от эксплоататоров.

Коммунистический Союз молодежи только тогда оправдает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплоататоров. Ибо вы прекрасно знаете, что пока Россия остается единственной рабочей республикой, а во всем остальном мире существует старый буржуазный порядок,—мы слабее их, каждый раз нам угрожает новый натиск; только если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе и, окрепнув, станем действительно непобедимы.

Таким образом, быть коммунистом—это значит организовывать и об'единять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в этой борьбе. Тогда вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества.

ЧТО ТАКОЕ КОММУНИСТ.

Чтобы сделать это всем более ясным, я приведу вам пример. Мы называем себя коммунистами.

Что такое коммунист?

Коммунист—слово латинское. Коммунист значит—общий. Коммунистическое общество значит—все общее: земля, фабрика, общий труд,—вот что такое коммунизм.

Может ли труд быть общим, если люди ведут каждый свое хозяйство на отдельном участке? Сразу общего труда не создашь. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать, это создается в ходе борьбы.

Тут не старая книжка—книжке никто бы не поверил. Тут собственный жизненный опыт.

Когда Колчак и Деникин шли из Сибири и с юга, крестьяне были на их стороне. Большевизм им не нравился, так как большевики берут хлеб по твердой цене. А когда крестьяне испытали в Сибири и на Украине власть Колчака и Деникина, они узнали, что крестьянину выбора нет: либо иди к капиталисту, и он отдаст тебя в рабство помещику, либо иди за рабочим, который, правда, молочных рек и кисельных берегах не обещает, который требует от тебя железной дисциплины и твердости в тяжелой борьбе, но который выводит тебя из рабства у капиталистов и помещиков.

Когда даже темные крестьяне поняли и увидели это на собственном опыте, тогда они стали сознательными, прошедшими тяжелую школу, сторонниками коммунизма. Такой опыт и должен положить в основу всей своей деятельности Коммунистический Союз молодежи.

Я ответил на вопросы, чему мы должны учиться, что нам нужно взять из старой школы, из старой науки. Я постараюсь ответить на вопрос, как этому нужно учиться; только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, образования и учения неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплоататоров.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА.

На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно итти.

Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бросить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело.

Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в Союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы об'единимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело.

Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную нельзя, но если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, об'единяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Коммунистическим Союзом молодежи. Задача Союза состоит еще в том, чтобы, усваивая те или другие знания, помочь той молодежи, которая сама не может высвободиться из тьмы безграмотности.

Быть членами Союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера возьмите работу на подгородных огородах. Это одна из задач Коммунистического Союза молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по старому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Коммунистический Союз молодежи должен принимать активное участие. Каждый Союз или каждая ячейка Союза должны считать это дело своим делом.

Союз Коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.

Если Коммунистический Союз молодежи во всех областях не сумеет построить так скоро работу, это значит, что он сбивается на старый буржуазный путь.

Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплоататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены Срюза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д.

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Коммунистический Союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задача Коммунистического Союза молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле—беру маленький пример—как обеспечение чистоты или распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе?

Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном.

Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организоым трудом.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МОЛОДЕЖИ.

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

В старом обществе труд велся отдельной семьей и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я—часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

Надо, чтобы Коммунистический Союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде.

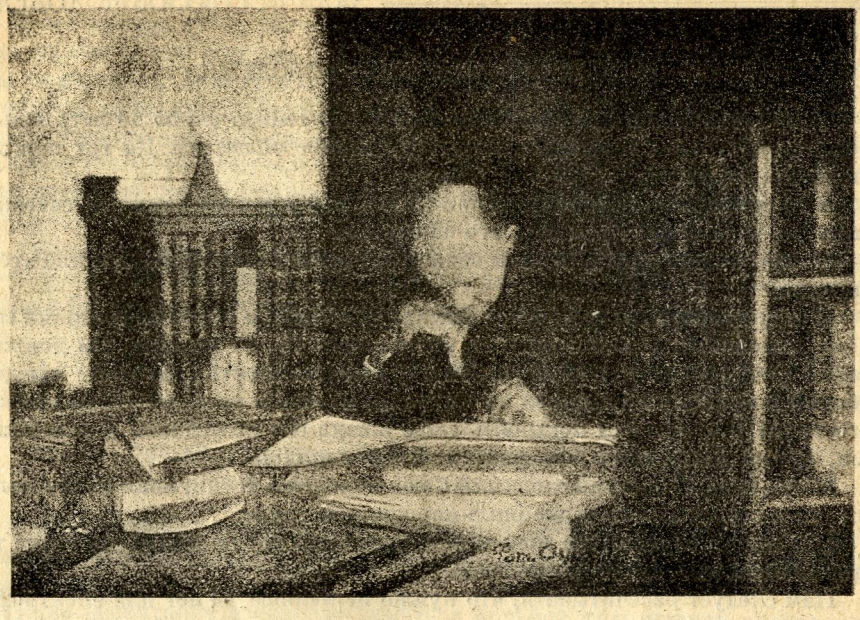
Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10 — 20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день, в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет об'единить свой труд,—по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть об'единенными сознательными трудящимися, Коммунистический Союз молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов об'единит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.



Ленин за работой.

А. КАМЕНЕВ

ЛЕНИН И МОЛОДЕЖЬ.

Роль и задачи пролетарской молодежи определены Владимиром Ильичем таким образом, что они не только исчерпывающе характеризуют саму рабочую молодежи, но великолепно характеризуют самого Владимира Ильича одновременно как борца против капитализма и как строителя социализма.

Революционер-студент, с которым Владимиру Ильичу приходилось иметь дело на первых этапах революционного движения, был для него выходцем из чуждого класса, временным, возможным союзником, отголоском прошлого, у х о д я щ и м в и с т о р и ю. Пролетарская молодежь — это истинный т в о р е ц и с т о р и и, подлинный работник этой «действительной истории человечества», которая, по слову Энгельса, начинается лишь «после скачка из царства необходимости в царство свободы». По словам, обращенным к коммунистической молодежи Лениным в последние годы, легко видеть, что когда Ленин, отрываясь от работ текущего дня, задумывается над вопросами строительства будущего коммунистического общества, главенствующую роль в его мыслях играет — рядом с н о в о й техникой — н о в ы й человек, н о в о е моло-

дое поколение, не отравленное миазмами капиталистического общества, освобожденное от наследственных язв рабства и унижения и готовое к строительству.

Владимир Ильич не мечтатель, но если он мечтает о чем-либо, то именно об этом новом поколении, о рабочей молодежи, которая будет строить то, ради чего старикам пришлось разрушать. Вот почему так настойчиво зовет Владимир Ильич рабочую молодежь к учению, к знанию. Земля завалена навозом и хламом, пролетариат в тяжких усилиях очищает ее. Рабочей молодежи на этой очищенной земле придется строить новые здания, достойные свободного человека. Она должна запасаться знанием, должна вырабатывать в себе волю и характер для этого великого строительства. Вот, приблизительно, мысль, лежащая в основе отношения старого вождя к молодым поколениям пролетариев.

Но Ленин менее всего моралист. Менее всего верит он в силу поучений. Больше всего верит он в силу фактов, в ту науку, которая входит в головы под аккомпанимент молота и винтовки. Раньше чем молодое поколение рабочих начнет строить, оно должно будет пройти через практическую школу гражданских битв. Энгельсовский «скачек из царства необходимости в царство свободы»—это годы напряженной, жестокой, беспощадной классовой борьбы, годы войн и революций, неизбежных поражений и предрешенных побед.

Чтобы молодое поколение получило возможность строить, чтобы оно научилось строить, чтобы оно, преображая мир, преобразило и себя, — оно должно сегодня влиться в ряды сражающихся.

Так в ленинских словах, обращенных к пролетарской молодежи, сливаются ее сегодняшние обязанности с ее завтрашними задачами.

Надписи на стенах Венеции.

Н. ТИХОНОВ.

САМИ.

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стэком,
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Толька Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет спасибо;
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами не даром
В Беджапуре был скороходом,
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,

Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою н еу.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому,
И чего не случилось ни разу—
Мул некормлен вышел из дому.

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
— Где ты был, павиан безхвостый.—
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
— Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше;
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше.
— Ты рожден, чтобы быть послушным,
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна.

Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди—Ленин.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стэком.
Сами из магражского рода,
Но свой род для него уронит,
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони,
И за службу даст ему Ленин
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной,—
Сами всех Сагибов погубит.

— Где слыхал ты все это, несчастный,
Усмехнулся Сами лукаво.
— Там, где белым бывать опасно,
В глубине Амритсарских лавок
У купцов—весь мир на ладони,
Они знают все мысли судра
И почем в Рохилькенде пони,
И какой этот Ленин мудрый.
— Уходи,—сказал англичанин,
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий
И молился далекому «Ленин»,
Непонятному, как Иоги,
Чтоб услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птицы
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрей зарницы.
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная Сагибов телега.

Так далеко был этот Ленин,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра,
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра.
Будто снова он родился в Амритсаре
И на этот раз человеком,
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стэком.

М. КОЛОСОВ

ТРИНАДЦАТЬ.

I.

Ваньке тринадцать и сказываются тринадцать во всем. Словно тринадцать крохотных бесов прыгают они на Ванькиных радостях и тихо жмутся при его грусти. И сам Ванька маленький, щуплый, похожий на облезлого котенка, кажется жертвой своих тринадцати. Это не он радостно шмыгает по отделеньям, визжит и пожимает руку каждому встречному, когда от их фабрики в Московский Совет проходит коммунист, и не он в исступлении свистит и тоненьким голосом кричит «долой», когда какой-нибудь меньшевик пытается «околпачить» его товарищей.

Это—тринадцать.

Сам же Ванька тих и скромен, скромен и робок.

И когда случается—сгущается над фабрикой гроза закрытия, всем нутришком своим чует Ванька, как тревожатся его тринадцать, и от этого выступают серые ложбинки на покатом детском лобике, и уже не звенят в коридорах бубенчики его гортани. Тихой тенью бредит синяя промасленная блуза и не знает куда податься.

К директору трусит Ванька, хоть и знает, что директор—красный, свой директор-рабочий и коммунист.

Угнетает, что-то, обстановка в кабинете. Веет от нее великой строгостью и кажется, что вот-вот раздавят Ваньку маленького, надвигающиеся стены, а на стенах—«говорите кратко», «время—деньги», и еще много картонок понаклеено, и сам старый Ленин, Владимир Ильич, дорогой и близкий промеж них, улыбаясь спрашивает:

— Ванька, зачем пришел? Такой сякой, не мешай директору...

И надо, значит, по коридору во двор, и через двор в ремонтную, рядом во флигель, где на маленькой двери прописью скромно:

Здесь помещается ячейка РКСМ.

Ваньке тринадцать, а в уставе четырнадцать. Так и сказано: членом союза может быть каждый рабочий подросток в возрасте от четырнадцати.

А покамест можно с совещательным. Ах... как не хочется быть совещательным—больно обидно: Гришка-то, ведь, член решающий, в одном классе и в одной мастерской... Федька, Сенька, Васька длинный тоже—чем они?

Вся беда в тринадцати.

И когда, бывает, на собрании выносят резолюцию, и целый лес рук вырастает над белокурым мхом голов—так и хочется, хочется поднять руку за одно со всеми, а боязно—вон кажется—каждый смотрит и говорит: «Ванька, не забудь устав».

Ночью в темной затхлой комнате спит Ванька с братом Митрием в одной кровати. Спит Митрий сладко, крепко, широко ноздрит горячим носом, обдает вокруг дыханьем потным и горьким.

Смотрит Ванька долго на решающее лицо брата, жадно ловит перебои сердца, дышит спертым воздухом и потихоньку:

— Митрий, а Митрий...

— Чего?

— Я обсчет ячейки...

— Ну чего, опять со школой?.. Завтра, завтра...

— Нет, я не об том...

— Все равно—завтра: спать надо...

— Почему это так с четырнадцати?

— Что с четырнадцати?

— В уставе...

— В каком уставе?

— В рексемовском...

— В рексемовском потому, чтоб шпингалеты, как ты, в союз не лезли. Понял?

— Понял. Только, Митрий... чем я хуже других.

Голос у Митрия злой и брюзгливый:

— Нельзя... Знаешь, ведь, сукин сын, что нельзя, а тоже лезет...

Заправил и никаких... Спи вот лучше и нечего арапа заливать...

«У... у... сволочь»—корчатся мысли, дерзкие, злые. Тяжело башке и даже грудь сдавило.

— Ладно, Митрий, ладно, а еще активист...

Поздней ночью воет по округе ветер, пляшет словно бесшабашный комсомолец. Мигают звезды разными оттенками—кто согласен, кто не согласен, и кончается собранье под утро.

И когда уж нет ветра, и нет звезд, и густой туман заволакивает аудиторию неба,—черный кожанный Петро дергает тоненький нерв фабрики, и орет фабрика во всю фабричную глотку:

— У... у... у... у...

Медленно подымается в доме мать. Слышно, как возится она за перегородкой, сводится рот от сладкой зевоты:

— Ох-ох-ох... Грехи наши тяжкие...

Белые ползут по стенкам тени, светлыми барашками карабкаются по карнизам, путаются в бороде у Маркса. И уже знает Ванька, что сейчас проснется отец и скажет мягко: «Мать, а мать, самоварчик бы», а потом громче: «Эй, комсомол, слышь—старуха-то по нас убивается». И кажется Ваньке—будто нарочно это отец про комсомол... Знает ведь, что безбилетный Ванька.

Утром урчит самовар, как старый резец по железу, утром на стеклах окон соки ушедшей ночи. Отец и Митрий пьют и смотрят в

сизую муть, толкуют о партработе. Мать приглядывает за Ванькой: руки жилистые—в подбородок, глаза умильные, ласковые:

— Пей, пей, Ванюшка, с хлебцом, сынок. Исхудал ты совсем в Рекесеме вашем...

В сердце у Ваньки кипятком обида. Ах... как противна мать с ласками, с заботами, как хочется вести разговор с отцом и братом.

II.

Время — большущий ливерс* ткет нескончаемое кружево дней. Белым и красным полем тянется, наматываясь на вселенский вал. А тысячи живых людей катушками выматывают силы, тонкими нитями тянутся, вплетаясь в движущееся кружево жизни. Кто измотался — вон из машины. Новые, свежие катушки с шелковой розовой пряжей ждут в сырьевом отделе.

Федор Иваныч — товарищ Родин, учитель политграмоты, говорит, что двигается жизнь к коммунизму. И обслуживают ливерс жизни лучшие люди рабочего класса—комунисты. Крепкой,стальной гребенкой, спаянные друг к другу, чешут они миллионы нитей, нарпавляют их в сложнейшие узоры. А над всеми первый ткач — Владимир Ильич; Троцкий с Калининым — первые подручные.

Трудно бывает подчас катушкам, трудно стальной гребенке, трудно дельным подручным, но труднее всех главному ткачу. Движутся, ворчат колеса, в пене чавкают маховики, мерно вздрагивают провода, шелестят ремневые дороги. Носится нитяная пыль, оседает на лице и блузе, отравляет тело. Вот, вот взвизгнет, лопнет что-либо, и остановится гигантская машина. Только не дрогнет крепкая пружина лба; верно щурится прожектор-глаз; стойко держатся подручные.

Ночью в черной затхлой комнате спит Ванька вместе с братом Митрием в одной кровати. Спит Ванька. Снится ему, будто причалил к ливерскому отделению паровоз огромной мощности. «Ух»— рявкнул, дернул, и пошел, пошел к Москве-реке, а Москва-река и не река вовсе—море, море социальной революции. Паровоз, не думая,—на волны. Плещут влоны через крышу, заливают нутро паровоза. Полыхает пламя топки, обжигает жадные языки моря, и шипят, шипят тяжелые поленья.

А у топки кочегаром Ванька.

Пузырями, пузырями кожа; набегают белыми буграми, лижут их и разрывают волны. «Ах... уйтить бы от собачьей топки, прыгнуть бы в об'ятья волнам, освежить бы тело», только слышит Ванька:

— Что, устал, Назаренко?

---

* Ливерс—главная машина на кружевной фабрике

Глянул. Видит—Ленин.

Пена в сердце. Бесы в пене. Эх... и пляшут сучьи дети.

— Нет... не устал, товарищ Ленин...

— А как думаешь, довезем до коммунизма?

— Довезем, Ленин.

— Ну, тогда валяй братец,—отселе не далече...

— Есть, Ленин.

Пузырями, пузырями кожа: набегают белыми буграми, лижут их и разрывают волны.

Вдруг—стоп... остров.

На острове лето. Струится солнце. Ластится ветерок. Цветут дома. Выходят люди.

— Здравствуйте, Ленин, а это кто с Вами?

— Это комсомолец Назаренко.

— Нет, не комсомолец я, Ленин: по уставу не хватает года.

— Ах, вот как?

И вдруг вынимает Ленин новенький комсомольский билет и подает Ваньке. Видит Ванька в нем свою фамилию, имя... Ах...

— Ванька, а Ванька!

— Что, Ленин?

Продирает сонные глаза и видит Митрия.

— Что, где билет, билет...

— Какое билет?

— Союзный билет...

— Чей?

— Мой.

— Откуда?

— Ленин дал...

И вдруг понял Ванька, что снился Ленин и больше нет ничего. С горечью рассказал Митрию.

Тронуло Митрия:

— Вижу, Ванька, будешь ты комсомольцем, что надо. Только мы с тобой теперь в одном положении—тебе в комсомол, а мне в партию... Так же, как и ты, страдаю, молод говорят...

Тихим звоном отозвались в сердце слова брата.

— Верно, верно, Митрий, нам как раз по году не хватает, давай уговор—в будущем годе сразу вступать.

— Есть такое дело.

Шелестели языками до рассвета.

Снова урчит самовар, как старый резец по железу. Снова на стеклах окон соки ушедшей ночи. Отец и Митрий молча слушают Ванькин сон.

— Ох-ох-ох...—крестится мать—ну и сны же у тебя сынок...

Робко подкладывает Ваньке хлеба.

Ванька совсем не видит матери, не замечает отца и брата:

— И вот, стоит—это он самый и говорит: «как думаешь, товарищ Назаренко, довезем до коммунизма?» «Довезем, говорю, Ленин»!

И чего ни случалось ни разу—чувствует Ванька: вытянулась сильная рука отца, вот прикоснулись шершавые волосы, словно метелка черная борода. Цок-цок—жгучие губы в маленький лобик.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

У «ИЛЬИЧА».

Осенние дни. Но солнце еще тепло, небо ясно. На улицах Москвы обычная суета и шум. В одном из громадных домов одного из переулков Мясницкой десятки юных голосов гулко отдаются в высоте больших комнат и коридоров.

Здесь происходит первый всероссийский с'езд союзов молодежи.

Шумно, весело, радостно.

Вот открывается с'езд, текут пылкие приветственные речи, гремят рукоплескания. Но редко приходится видеть восторг, какой проявился у юных пролетариев при предложении выбрать в почетные председатели с'езда нашего вождя, нашего друга и учителя—Ленина. С тем же восторгом приняли предложение послать к нему представителей с'езда для приветствия.

Эта почетная роль выпала на долю президиума с'езда.

Помню ясно, как волновались мы, члены этого президиума. Собрались вместе и начали обсуждать это великое предприятие.

— Но как мы подойдем к нему, как говорить будем?—волновался кто-то.

— Кажись радостно, а душа под тротуар убежала—вторил другой.

Этот вопрос нас очень занимал. Кто будет говорить от лица с'езда: все или один? Кто скажет? Что скажет?

Наконец, решили поручить миссию «докладчика» тов. Цетлину.

— Целую ночь спать не буду,—об'явил он.—Авось чего-нибудь и придумаю.

На следующий день отправились. Но оказалось, что как раз сегодня «Ильич» принять нас не может. Позвонив в Кремль, из Ц. К. партии узнали, что надо придти завтра к 12 часам.

Снова день и ночь волнения. Проведя утренне заседание с'езда, отправляемся, наконец, в Кремль. Сами шутим друг над другом, но у каждого, что называется, поджилки трясутся.

Пришли, вошли в приемную. Конечно, оказалось, что опоздали. Но сообщили, что, после доклада какого-то товарища, Ленин все-таки нас примет.

Ждем, волнуемся. «Ничего»,—говорит Лазарь Шацкин Цетлину,—я буду, возле тебя. Если начнешь чушь городить, я тебе ногу отдавлю, все же спокойнее будет... Смеемся, волнуясь. Наконец... гуськом тянемся в кабинет «Ильича». Цетлин впереди.

Бросив несколько слов кому-то уходившему, оборачивается к нам Ленин. Просто одет, из кармана торчит длинное теплое кашнэ, улыбается, здоровается. Уселись.

«Ильич» наверно понимает наше состояние. Едва только Цетлин выдавливает из себя несколько слов, как он его перебивает.

Через минуту от нашего волнения не остается и следа. Он, вождь всемирного пролетариата, такой близкий, чуткий и внимательный с нами.

Цетлин гордо выкладывает, что с'езд постановил назвать Союз Коммунистическим.

— Дело не в названии,—бросает «Ильич»

— Но мы оправдаем это название!—вырывается у того.

Ленин радостно улыбается в ответ.

Расспрашивает нас о количестве членов Союза, о составе с'езда, о классовом составе членов организации.

— На счет интеллигенции поосторожнее,—советует он.

— Сколько девушек на с'езде?—спрашивает «Ильич», обращаясь к Герр.

Тут словно кто-то дернул за язык.

— Девять штук,—выпаливаю я.

Все рассмеялись. Герр из-за спины Дугачева грозит мне кулачком.

Много еще деловых вопросов предлагает Ленин. Советует связаться с Западом, обещает дать будущему Ц. К. журналы молодежи, выходящие на Западе.

— А как у вас финансы?—спрашивает нас.

Финансы в проекте. В наличии—ничего.

Ленин берет бумагу и пишет что-то.

— Это к Свердлову,—говорит он.

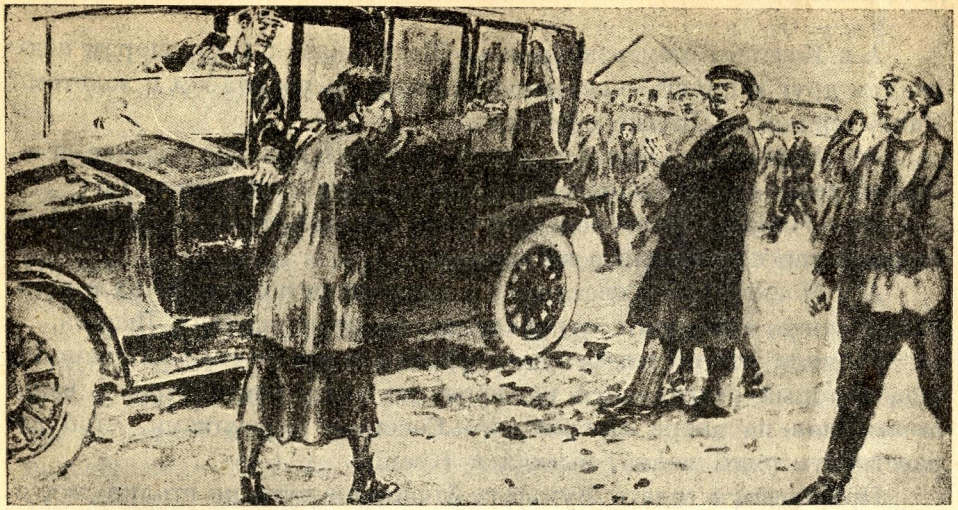
Подымаемся, прощаемся и уходим, обласканные великой душой великого человека.

Он первый протянул нам руку духовной и материальной помощи. Он понял великие стремления молодежи.

Пусть помнит каждый юный пролетарий слова Ленина:

Дело не в названии.

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.



Выстрел. Щербаков.

А. АРОСЕВ

ВЫСТРЕЛ.

Из аппаратной, где хрипели морзе и юзы, Ленин прошел в свой маленький кабинет. Сел в кресло и мелким бисером на квадратике бумаги написал:

Тов. Дзержинский, я согласен. Договоритесь окончательно с Яковом Михайловичем. Необходимо: 1) проделать всю операцию в кратчайший срок, 2) о деталях условиться с военными властями, 3) провести это завтра на Полит-бюро

С коммунистическим приветом Ленин.

Нажал кнопку. Вошел секретарь, молодой рабочий с простым и строгим лицом. Ленин сам запечатал записочку и передал ее секретарю. Потом, через другую дверь, вышел к телефонной будке. Говорил с Арзамасом. Слышалось только: «А что? Алло! Центр города еще в наших руках? Что в наших? Слышу, слышу. Центр еще держится? Рабочие воружены? Алло! С какой стороны? Лаишева? Хорошо. Звоните еще часа через два. До свиданья».

И опять через свой кабинет прошел в аппаратную, где хрипели юзы и морзе...

А в Лаишеве уже вешали «за большевизм», расстреливали, топили, пороли, отрубали уши...

А в Казани в номерах бывших Щетинкина по коридорам подходили друг к другу, советовались, как быть со штабом и золотом. Одни терялись. Другие ободряли.

А с Порохового, Алафузовского и Крестовникова заводов двигались темно-синие колонны рабочих к Казанской крепости.

И в Нижнем Новгороде собирали огромные «Ильи Муромцы» для полетов над Казанью и Самарой.

А у Московского Совета на площади стоял полк рабочих и красноармейцев, готовых к отправке на фронт и ждущих Ленина.

Звонили ему по телефону, он обещал, а все не ехал. Андронников, который отправлялся на фронт во главе этого отряда, взял автомобиль на дворе Московского Совета и переулками, чтоб не расстроить ряды полка, выехал в Кремль.

При самом в'езде в Кутафью башню он чуть не столкнулся с автомобилем, в котором на правой стороне, привалясь немного к боку, в угол, сидел Ленин в помятой черной шляпе. Увидев Андронникова, Ленин в момент перекинулся на другую сторону автомобиля и крикнул:

— Вы за мной? Я еду, еду.

Автомобили разминулись, но Ленин задержал свой, и Андронников догнав его, пересел к Ленину.

Андронников видел перед собой песчанного цвета лицо, морщины, расходящиеся от носа, словно высеченные по камню, зрачки черные и огненные. Лицо такое простое. Если бы не глаза, то даже скучное. А в глазах есть противоречие: они и добрые и строгие, но под добротою и под строгостью где-то глубоко таится смех. Такой веселый, солнечный, как у Пана. Но это самое—и доброта и строгость, и смех, и ум—сливалось вместе во что-то особенное и вместе с тем простое человеческое. Этим особенным и простым человеческим Ленин словно обнимал Андронникова.

Вот именно от этой необыкновенной обыкновенности Ленина Андронников всегда становился втупик, когда его спрашивали: «А каков Ленин сам по себе?».

Помятую шляпу свою Ленин прихлопнул на самые уши, чтоб не сдуло, и опять погрузился в правый угол автомобиля.

— Как, по вашему, возьмут Казань или нет?—спросил он Андронникова.

— Едва ли. Удержим,—ответил Андронников.

— А как настроение?

— Да у нас настроение хорошее. Ребята понимают опасность.

Ленин сразу насторожился: прищурил немного левый глаз и приподнял правую бровь. Немного в бок, подставляя правое ухо, наклонился к Андронникову: если Ленин слушал, то всегда весь без остатка.

— Понимают,—говорил Андронников,—особенно рабочие. Впрочем, теперь и красноармейцы.

— А как относятся к созданию большой армии, настоящей?

— Хорошо. Ведь без этого не обойтись. Автомобиль с переулка в'ехал во двор Совета.

Ленин из автомобиля, по привычке своей, словно вырвался, вбежал по лестнице и промелькнул в комнату президиума. Андронников не поспевал за ним.

Потом они оба вышли на балкон. Андронников был торжественен. Голубые глаза его блестели, все черты лица, слегка потемневшего от бессонных ночей и голодовки, стали более отпределенными и напряженными. Новая кожанная куртка «на рыбьем меху»—военная обновка—облегала его непривычно, неуклюже, но так блестела, так хорошо, по-новому охватывала плечи, руки, грудь. И в душе Андронникова было большое обновление. Все вещи и люди пред ним были уже другими: свежими и новыми.

Рядом с ним стоял «Ильич» и, перегибаясь через перила балкона, поворачиваясь немного вправо и влево, произносил речь. Говорил, исторгая слова из самой глубины своей сущности, отчего и звук голоса был точным, налитым той особенной жизненной силой, которая полной чашей льет в сердце уверенность. Все слова у Ленина обыкновенные. А попадет это слово в сердце, раскусишь его — в нем ядрышко. И от этого горячего Ленина, от его изборожденного песчаного лица, от простых глаз, не то огненных, не то коричневых, от всей его плотной фигуры на Андронникова опять нашло то странное закружение, которое обнимало его по особенному, человеческому, по родному. Будто это старший брат его.

Среди речи Ленина Андронникову ударило вдруг в уши: «Дьявольски трудное дело управлять страной... Неужели мы с ним и еще такие же управляем страной»?—подумал Андронников. И вот такой, коричневый пиджачек на Ленине, помятая шляпа. А власть. Все это родное, свое — и власть. Вспомнил Андронников, что металл так плавится: сначала горячий, мягкий, послушный ударам, согласный руке. А выплавится—станет холодный, режущий, всегда мощный, непобедимый. Вот и власть так родилась из огня, из горяча. Потом охлаждается, чтобы быть непобедимой.

Ленин давно уже кончил. Говорил кто-то из полка, а в голове Андронникова все вертелось: «непобедимы мы, мы—непобедимы».

Тем временем на площади уже скомандовали строиться и уходить. Андронников немного растроганный, взволнованный, сел в свой автомобиль.

— Товарищ,—спросил его шоффер,—что, как Владимир Ильич вообще... так вообще, человек какой?

— Как и все: обыкновенный.

— Нет.

— Почему же «нет»?

— Да потому, что нет.

Вечером у приятелей городского района были проводы Андронникова.

Бертеньев, Андронников, да еще присоединившийся к ним Резников выволокли пианино из-под всякого хлама, обтерли пыль, от которой чихнули поочередно две жавшиеся друг к другу девушки.

— Я верю только в Ильича. После Брестского мира я приобрела к нему необычайную веру,—проговорила девушка в синем пенсне, Несмелинская, сидевшая на ручке дивана.

— Ильич. Никто не говорит про это,—отозвался Андронников.

— Да уж защитника крестьян нельзя отыскать большего, как он,—вставил Бабаев.

— Вот именно,—согласилась Несмелинская.

— Да только он их защищает особенно, с р а б о ч е й стороны к ним подходит,—заметил Андронников, который пыхтел на четвереньках, поправляя педаль пианино.

— И совершенно верно... Вот что я могу рассказать вам, ребята. Бабаев почему-то перетянул пояс потуже, разгладил пятерней лохматую бороду, колупнул еще раз в своем затылке, крякнул.— Ммд... Вот написал я раз к Ленину письмо. Не так, мол, надо подходить к крестьянину. И все, значит, по порядку ему изобразил. И то и это, и то и это и все такое. Неправильно мол ты немного, Ильич и так далее и так далее. Прошло уже много времени. Перед самой моей поездкой на фронт, пошел я к Ленину, тем наипаче, что мне было дано ответственное задание по части полковника Муравьева. Ммда. Пришел я к нему. Говорит он со мною о том, о сем, а о письме не напоминает. Что, думаю, за оказия. А у меня на конверте и расписка его есть. Неужто, думаю, не читал.—Нет, наверно, мол, забыл, делов много. Неловко это мне маленько. Тем наипаче, что я там подробно о продовольственном деле писал. Выбрал я минутку среди разговора и спросил: «А что, Владимир Ильич, получили вы мое письмо»? Он за столом по середине, я немного сбоку. Как он это сразу повернулся ко мне всем корпусом, кулаки в боки упер, а лицом-то ко мне близко-близко перекинулся через кресло, перекосился, знаете, как всегда на один глаз. — «Получил», говорит. И откинулся опять назад, про другое разговоры ведет. А про письмо ни гу-гу.«Постой», думаю, опять я выбрал минутку, и осторожно: «А вы... того, мол, читали?». Опять одним глазом прищурился, другим как стрельнет.—«Читал», говорит, а сам опять о другом. Ничего, видно, не поделаешь. Не хочет говорить. Потом стал прощаться. И все: «товарищ Бабаев», да «товарищ Бабаев».—Видать, что-то еще хочет... А я ничего. Схватился уже

за ручку двери, хочу отворить. Он меня за руку.—«Знаете,—говорит, —товарищ Бабаев; если вздумаете, что написать—буду рад. Ваши письма мне передадут прямо. Пишите обязательно. Распрощались по-хорошему. Вот ведь какой он. Значит понял, что я ему дело писал.

Бертеньев опытной рукой попробовал клавиши на пианино и заиграл. Вся комната осветилась сразу, словно двойным светом. «Управлять»—значит—«рука с рукою, мысль одна»,—подумал Андронников под звуки волнующей его музыки. «Все выше, все выше», твердил он сам себе неизвестно о чем.

А звуки лились, словно радовались своему воскресению из хаоса.

«Все смелее, смелее», твердил про себя Андронников неизвестно почему.

— А за окнам, не закрытым занавесками, притаилась тихая, черная московская улица. Тихая, черная, как лихая изменница.

— Трррррр, трррр...—как бешенный ворвался телефонный звонок во все уши.

Андронников сидел близко к телефону.

— Слушаю,—сказал он.

— Где, в Басманном?—спросил он, встрепенувшись и побледнев. А, в Замоскворечье, у Михельсона... Сейчас еду.

Оборвались звуки музыки, звуки слов. Оборвались мысли и чувства.

Андронников, нахлобучив фуражку, успел только сказать:

— Ленина... стреляли...

Я. БЛИНКОВ

В ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ.

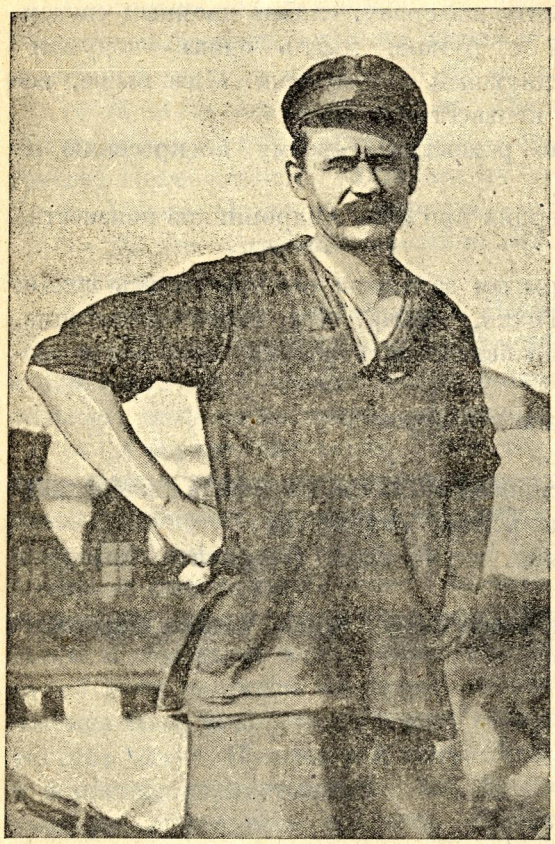
День 30 августа 1918 года—это один из памятных дней в моей жизни. В этот день преступной рукой был ранен Ленин и я был свидетелем этого гнусного преступления.

Теперь, описывая события этого дня, мне кажется, что все же я не в силах передать всего того, что я видел и пережил за тот день.

В то время очередные митинги происходили в гранатном корпусе завода бывш. Михельсона, ныне имени «Владимира Ильича».

Как единственное большое помещение в Замоскворецком районе, находящееся в самой заселенной местности, рабочими было приспособленно для митингов свободное помещение при заводе бывш. Михельсона.

Посещаемость рабочими митингов была большая, и как ни велика она была раньше, я, будучи почти на каждом митинге, никогда не наблюдал такого большого стечения народа, как в этот день—день 30 августа. Преобладавшее большинство было рабочее. Тут были не только рабочие завода Михельсона и близко проживающие от него, но также и пришедшие с окраин Москвы—из Даниловской и Симоновской слободы, и из других отдельных районов.



Т. Иванов, задержавший покушавшуюся на Владимира Ильича ф. Каплан.

Здесь были и мужчины и женщины, даже и дети. В районе уже знали, что на сегодняшний митинг приедет Ленин.

Всем хотелось его услышать.

В то тяжелое, голодное время забота всех была о хлебе, но для честного пролетария услышать слово от своего вождя «Ильича» было большая потребность, чем хлеб.

(Трудящиеся сознавали, что слова Ильича есть их вся жизнь, все светлое будущее.)

В $6^1/_2$ часов вечера, когда я только пришел на митинг, у помещения было уже много народа. Разделившись на группы, многие обсуждали между собою злободневные вопросы дня.

Народ все прибывал, и когда пустили в помещение и открыли митинг, то огромное помещение было совершенно полно.

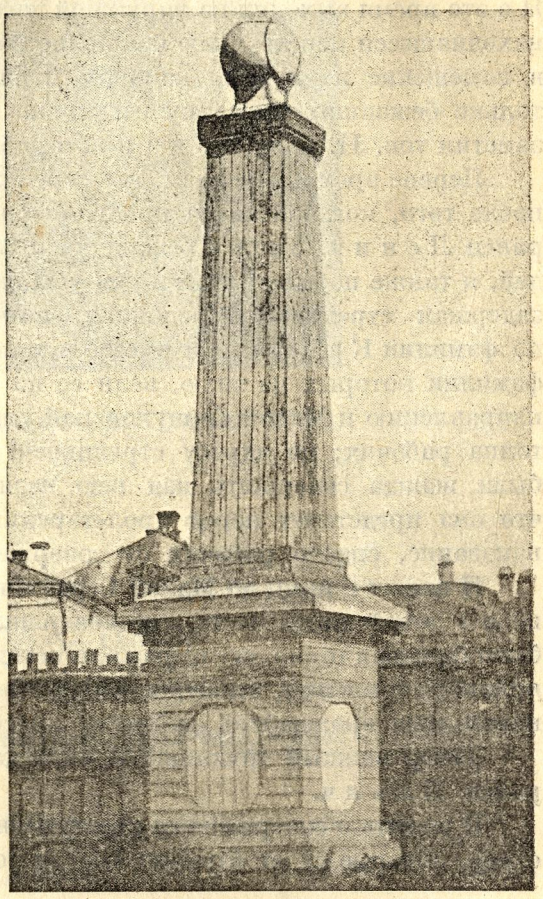
Я не помню, кто говорил и что говорилось по открытии митинга до приезда «Ильича», и я думаю вряд ли кто из присуствовавших в то время помнит что-либо, так как, мне кажется, что все как-то бессознательно слушали речи ораторов: настолько были поглощены мыслью—приедет ли Ленин.

И вдруг раздался взрыв апплодисментов в начале у входа, а потом раздался по всей аудитории. Пронесся гул по помещению «п р и е х а л». И, наконец, революционный замоскворецкий пролетариат увидел своего вождя на трибуне.

Апплодисменты долго еще не смолкали, энтузиазм был огромный и чтобы описать его, я не имею слов для выражения.

Л е н и н у сейчас же было дано слово, и достаточно ему было сказать «т о в а р и щ и», как наступала тишина и внимание и слух был направлен на его речь.

Нельзя представить, с какою жадностью все слушали его. Мне приходилось слышать Л е н и н а и раньше, и в этот день, как и всегда он говорил простым понятным для всех языком, открывая перед рабочей массой все махинации и козни Антанты против Советской России. Он не закрывал рабочим глаза на переживаемое тяжелое время и просил только немного выдержки и тогда же предсказывал скорую победу над разрухой и голодом; трудящиеся понимали и верили ему.



Первый памятник на месте покушения.

Когда кончилась речь Л е н и н а, энтузиазм массы пришел в неописываемое состояние. Стоял шум от апплодисментов и приветствий; неслось могучее пение Интернационала.

Когда Л е н и н сошел с трибуны, сейчас же образовался живой коридор, по которому он проходил к выходу, а за ним шла вся аудитория с пением Интернационала. Идущие рядом с Л е н и н ы м разговаривали с ним, задавая какие-то вопросы, на которые он отвечал. И в то время, когда Л е н и н вышел из помещения на

небольшой дворик перед выходом и подходил к автомобилю, в то время, когда из помещения неслось могучее «мы наш, мы новый мир построим»... раздался выстрел.

Все это произошло так неожиданно, так быстро, что стрелявшего видели во время стрельбы очень немногие, в противном случае близстоявшие от Ленина защитили бы его своей грудью.

Как мне пришлось слышать, выстрел был произведен в упор. Я в это время выходил из наружной двери. Когда раздался выстрел, находившееся передо мною большинство женщин бросилось обратно в помещение и увлекли напором меня с собой. Я успел увидеть только бежавших на улицу несколько человек, между которыми заметил тов. Н. Иванова и автомобиль, увозивший Ильича.

Первое время я не знал, кто стрелял и в кого стреляли, и лишь после того, когда я снова пробрался на улицу, то узнал, что был ранен Ленин. Увидев бежавших к Арсеньевскому переулку людей, я также побежал туда и там увидел тов. Иванова, который задержал стрелявшую женщину, как впоследствии выяснилось, по фамилии Каплан и вместе с тов. Уваровым и другими, фамилии которых не знаю, вели ее по Арсеньевскому переулку по направлению к Малой Серпуховской улице. Их провожала большая толпа рабочих; по адресу стрелявшей неслись проклятия; у всех была жажда совершить над нею казнь сейчас же, но сознание, что она предстанет перед пролетарским судом и понесет должное наказание, спасло рабочих от совершения самосуда.

Я дошел с ними до Малой Серпуховской улицы и когда возвращался домой мимо места, где совершилось преступление, там еще была большая толпа, все выражали негодование, и в то время не было никакого сомнения, что стрелявшая принадлежала и действовала от какой-либо враждебной рабочему классу партии.

Тепер каждый трудящийся никогда не забудет место, где был ранен Ильич.

В память о совершенном преступлении на том месте разбит ныне сквер, которые будет служить местом почитания всех трудящихся.

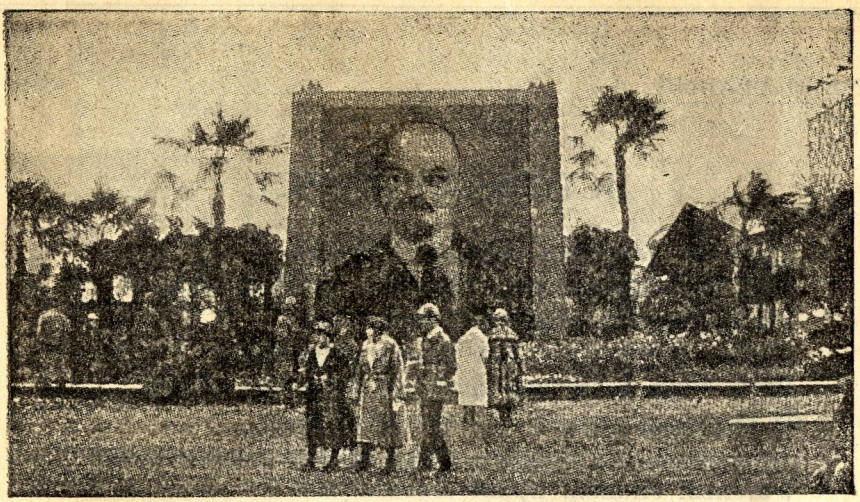
В. И. Ленин во время болезни (август 1923 г.).

В. МАЯКОВСКИЙ.

БЮЛЛЕТЕНЬ.

Тенью истемня весенний день
Выклеен правительственный бюллетень.
Нет!
Не надо!
Разве молнии велишь:
—не литься!—?
Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
Грохотать
набатный
Ленинский язык.

Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч—
чтоб вихрем не кипел?!
Нет!
не ослабеет Ленинская воля
В миллионосильной волне Р.К.П.
Разве жар
такой
термометрами меряется?
Разве пульс
такой
секундами гудит?!
Вечно будет Ленинское сердце
Клокотать
у революции в груди,
Нет!
Нет!
Не-е-т!
Не хотим,
не верим в белый бюллетень!
С глаз весенних сгинь навязчивая тень!



Цветник-портрет В. И. Ленина работы худ. Бежанова на Всесоюзной выставке.

М. СВЕТЛОВ

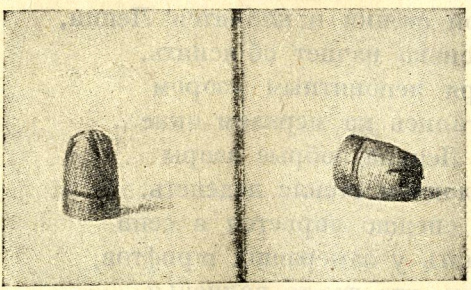
УТРОМ.

Ранним утром счастливые вести
Мне газеты опять принесли,
И о том, что волненья в Триесте,
И о том, что здоров Ильич.
На окне моем изморозь вяжет
Сноп непахнущих зимних цветов,
Мне сегодня о многом расскажут
Корпуса онемевших шрифтов.
Льют столбцы оживленные пренья,
Непонятные для меня...
С белой стенки наклонится Ленин,
И тихонько начнет об'яснять.
Декабря непонятным узором
Расписались на мерзлом окне...
Будут Ленина добрые взоры
На холодном стекле леденеть.
Вьюга снежно ворвется в сени
Разузнать у замерзших шрифтов,
И о том, что где-то волненья,
И о том, что Ильич здоров.

ИСТИННЫЙ ПРИВЕТ.

Еще не улеглись порывы урагана
Еще корабль дрожал, встречая грозный вал,
Но повинуяся искусству капитана,
Ходил уверенно в его руках штурвал.
Шум бури заглушив потоком слов хвалебных
И окружив толпой восторженной того,
Чей гений вел корабль среди стихий враждебных,
Усталый экипаж приветствовал его.
Матросов обведя спокойными глазами,
На их приветствия ответил капитан:
— «Меня хваля, себя тем хвалите вы сами,
Но... где ж испытанный товарищ наш Хуан?—
— «Х—хе кто-то отвечал с насмешкою задорной:
Хуан приветствовать тебя придет... в порту.
Сейчас он молотом внизу стучит упорно,
Чиня пробоину в борту».
И молвил капитан: «Скажите же Хуану:
Штурвала выпустить я не могу из рук,
Пусть громче бьет Хуан,—его я слушать стану:
Приветствий слаще всех мне будет этот стук».

Друзья, приветствуя сегодня Ильича,
Ответный похвалы лишь будет тот достоин,
Кто, тяжким молотом (не языком) стуча,
Спасает наш корабль от тысячи пробоин.



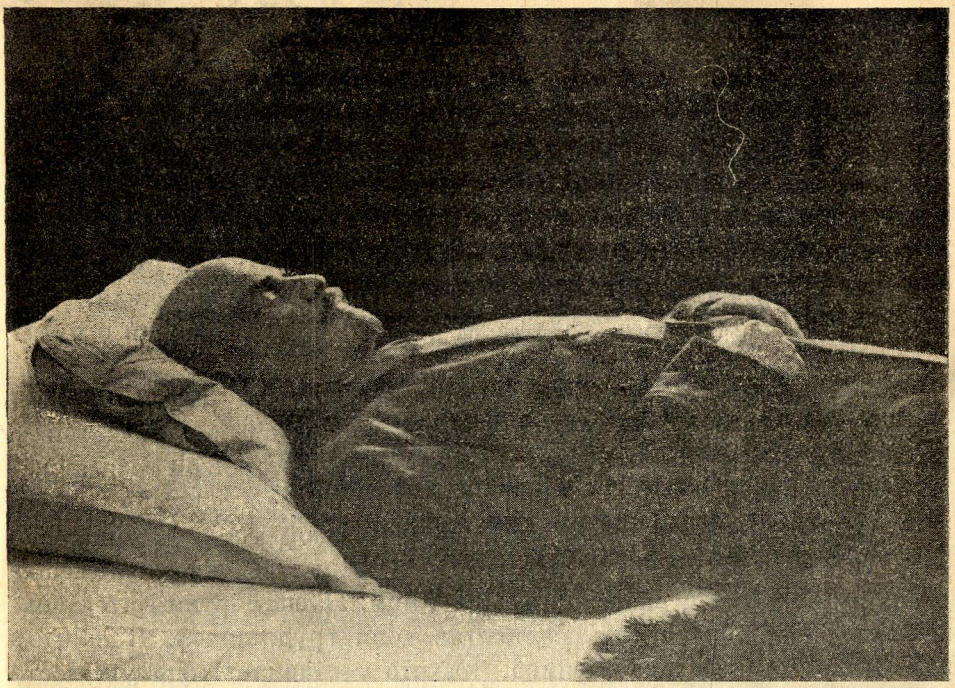
Пули, отравленные ядом „кураре“, которыми стреляли во Владимира Ильича.

ОТДЕЛ ДЕВЯТЫЙ

Не важно, что сеявший не жнет
Достаточно, что жатва растет

ЛЕБОН.

Ленин умер 21-го января
в 6 час. 50 мин. веч.



В. И. Ленин на смертном одре

Л. ТРОЦКИЙ

ЛЕНИНА НЕТ.

Ленина нет! Нет больше Ленина. Темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов, оборвали эту жизнь. Медицина оказалась бессильной свершить то, что от нее со страстностью ждали, требовали миллионы человеческих сердец. Сколько бы среди них отдали не задумавшись свою кровь до последней капли, только бы оживить, возродить работу кровеносных сосудов великого вождя—Владимира Ильича, единственного, неповторимого.

Но чудо не свершилось там, где бессильной оказалась наука.

И вот Ленина нет. Слова эти обрушиваются на сознание, как гигантская скала в море.

Можно ли верить? Мыслимо ли признать это?

Сознание трудящихся всего мира не захочет понять этого. Ибо страшно силен еще враг, долог путь, не закончена великая работа—величайшая в истории. Ибо Ленин нужен мировому рабочему классу, как может быть никогда не был нужен человеческой истории.

Более десяти месяцев длился второй приступ, более тяжкий, чем первый. Кровеносные сосуды, по горькому выражению врачей, все время «играли». Это была страшная «игра» с жизнью Ильича. Можно было ждать и улучшения, почти полного восстановления, но можно было ожидать и катастрофы. Мы все ждали выздоровления, а пришла катастрофа. Дыхательный центр мозга отказался служить поддержкой центру гениальной мысли.

И вот нет Ильича.

Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство поражает прежде всего при вести о смерти учителя-вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу? не собьемся ли с пути? Ибо Ленина, товарищи, с нами нет.

Ленина нет, но есть «ленинизм». Бессмертное его учение, его работа, его методы, его пример живут в нас, в той партии, которую он создал, в том первом рабочем государстве, которое он возглавлял и направлял.

Наши сердца поражены сейчас потому такой безмерной скорбью, что по великой милости истории мы родились современниками потому что жили и работали вместе с ним. Наша партия есть «ленинизм», наша партия есть коллектив воли трудящихся. В каждом из нас живет частица Ленина, то, что составляет лучшую часть лучшего из нас.

Как пойдем вперед?

С фонарем «ленинизма» в руках.

Найдем ли дорогу?

Коллективной мыслью, коллективной волей партии—найдем.

И завтра, и послезавтра, и через неделю, и через месяц мы будем спрашивать себя: неужели Ленина нет? Ибо невероятно чудовищным произволом природы долго еще будет казаться его смерть.

Пусть страшный укол, который мы чувствуем сейчас, будут каждый раз чувствовать наши сердца при мысли о том, что Ленина больше нет, пусть он станет для каждого из нас напоминанием, предостережением, призывом. Твоя ответственность повысилась, будь достоин твоего воспитателя, твоего вождя. Скорбя, в трауре, в горе сомкнем наши ряды и сердца, сомкнем их для новых боев! Товарищи-братья, Ленина больше нет. Прощай, Ильич. Прощай, наш вождь!

Н. СЕМАШКО

ВСКРЫТИЕ.

Вскрытие тела Владимира Ильича подтвердило в точности те предположения, которые делали врачи при жизни, разве только с одной поправкой: болезненный процесс прошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше.

Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Ильича. Основная артерия, которая питает, примерно, три четверти всего мозга — «внутренняя сонная артерия» при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее, при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости.

Если уже основная артерия, при самом своем выходе в череп, так изменилась, то становится понятным, каково было питание всего мозга и каково было состояние других мозговых артерий, ее веточек: они тоже были поражены, одни больше, другие меньше. Например, отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собою не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. Перебирали каждую артерию, которую клиницисты предполагали измененной, и находили ее или совсем непропускавшей кровь, или едва пропускавшей.

На всем левом полушарии мозга оказались «кисты», т. е. размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам крови, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани.

Такая же киста константирована была и в правом полушарии.

Склероз обнаружен был и в некоторых других органах: в нисходящей части аорты, на клапанах сердца, отчасти в печени; но степень развития склероза этих органов не могла итти ни в какое сравнение с развитием склероза в артериях мозга; в мозгу он пошел гораздо дальше, вплоть до об'извествления сосудов.

Отчего получился этот склероз?

Прежде всего почву для него подготовила наследственность.

Но гораздо большую роль сыграли не наследственные, а «приобретенные» причины: склероз поразил прежде всего мозг, т.-е. тот орган, который выполнял напряженную работу за всю жизнь Владимира Ильича; болезнь

поражает обыкновенно «наиболее уязвимое место», таким «уязвимым» местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударяли прежде всего по мозгу.

Самый характер склероза определен в протоколе вскрытия, как склероз изнашивания, отработки использования сосудов.

Отсюда же понятна и безуспешность лечения: ничто не может восстановить эластичности стенки сосудов особенно, если она дошла уже до степени об'извествления, до каменного состояния; не пять и не десять лет, очевидно, этим болел Владимир Ильич, не обращая должного внимания в начале болезни, когда ее легче было задержать, если не устранить. И когда артерии, одна за другой, отказывались работать, превращаясь в шнурки, нельзя было ничего поделать: они «отработались», «износились», «использовались». С такими сосудами мозга жить нельзя.

Кровоизлияние в «четверохолмие», которое послужило ближайшей причиной смерти, является, таким образом, не больше, как каплей, переполнившей расстройство кровообращения в головном мозгу, толчком, нарушившим и без того неустойчивое равновесие. Кровяное напряжение в мозгу достигло крайней степени, и излившаяся из лопнувшего сосуда кровь привела к непосредственному смертельному исходу.

Таким образом, вскрытие тела Владимира Ильича констатировало изнашивание, как основную причину болезни и смерти; оно показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти.

Л. Б. КАМЕНЕВ

ВЕЛИКИЙ МЯТЕЖНИК.

Сказаны все слова, и ясно, что нет тех слов, которые были бы достаточны для того, чтобы охарактеризовать то великое и в величии своем простое дело, которое жизнью своей сделал ушедший от нас вождь. Там, в глухой провинции отсталой крепостнической России, меньше, чем через 10-летие после того, как Россия перестала быть страною «крепостных мужиков», родился в семье учителя человек, который пошел на завоевание мира и который мир завоевал. Чем он был вооружен? Чем боролся он в мире насилия и зла? Что могон противопоставить господствующему строю?

У него было пламенное сердце, но история человечества знает большое количество мечтателей, которые, однако, не смогли побороть ни одной капли человеческого зла. У него была железная воля, но человечество знает людей, результатом железной воли которых было только усугубление количества зла, только войны и гнет над миллионами.

Но кроме пламенного сердца, кроме души великого мятежника против всякого насилия, кроме железной несгибаемой воли наш вождь был вооружен идеей, идеей освобождения трудящихся масс, идеей, которая не знает границ, которая охватывает весь мир, которая соединяет людей в братскую семью и в стальную когорту борцов. И этой идеей, ею одной он, казалось бы, бессильный и слабый, он потряс мир, он ниспровергнул самую обширную монархию мира, он заставил дрожать самые крепкие престолы, он заставил к этой идее примкнуть миллионы людей, которые считали, что судьба их обречена, что у них нет выхода.

Ильич связал себя с рабочей массой не только идеей. Нет! у Здесь у нас, в Москве, по улицам ее, от Серпуховки и до дверей его кабинета идет кровавый след, след его живой крови, и эта кровь, живая кровь, связывающая его кабинет с рабочей Москвой, с рабочими окраинами, она вошла в то море крови, которым оплачивает рабочий класс свое освобождение.

Но не только кровь свою влил Владимир Ильич в это море крови, которого, как искупительной жертвы, требует капиталистический мир от борющегося пролетариата. Он отдал этой связи свой мозг. Врачи, которые достали из мертвого тела Владимира Ильича пулю, которая в последние годы оставалась там, как свидетель ненависти всех эксплоататоров к нашему вождю, эти врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не знает себе равного. И они сказали нам сухими словами протокола, что этот мозг слишком много работал, что наш вождь погиб потому, что не только кровь свою отдал по каплям, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью, без всякой экономии, разбросал семена его, как крупицы, по всем концам мира, чтобы эти капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками, батальонами, дивизиями, армиями борющегося за свое освобождение человечества.

Он работал всегда во имя этой идеи. Но не всегда ему, прирожденному вождю миллионов, человеку, который рожден был для того, чтобы быть полководцем пролетарской и крестьянской армии, не всегда было ему дано счастье говорить с тысячами и даже с сотнями. Годы, долгие годы, большее число лет, чем то, которое он имел возможность непосредственно общаться с рабочими массами, он провел в изгнании и в эмиграции. Он должен был в эти долгие годы

затрачивать свой мозг не для того, чтобы руководить миллионами, а в группах в 20—30 человек, подготовляя будущих вождей пролетарской армии, и он делал это дело в парижских рабочих предместьях, в женевском изгнании, обучая мелкие группы изгнанников с такой же страстью, с такой же верой, как тогда, когда его с глубоким вниманием слушали миллионы людей.

Он никогда не боялся остаться один, и мы знаем великие поворотные моменты в истории человечества, когда этот вождь призванный руководить человеческими массами, когда он был одинок, когда вокруг него не было не только армий, но и группы единомышленников. В момент, когда он начал организовывать нашу коммунистическую партию, он был один против всяких авторитетов. В момент, когда разразилась война, он остался один против всех соединенных авторитетов-социалистов. Что давало ему силу в такие моменты? Он был один, но он верил... он жил великим доверием к массам. Единственно, что не оставляло его никогда—это вера в творчество подлинных народных масс. Я не знаю слова, которое реже попадалось бы в сочинениях и в речах Владимира Ильича, чем слово «я». Он был вождем, он был полководцем, он принимал решения, которых ждали с напряженным вниманием не только низы человечества, но и «господа» человечества. Он знал, какое значение имеет его слово, и он никогда не говорил: «я решаю», «я хочу», «я думаю», он говорил: масса хочет, масса решает, партия хочет, партия решает. Он был рупором подлинных масс, подлинных низов человечества, был их вождем, был рупором нашей партии. Он формулировал то, что росло бессознательно в сердцах и умах угнетенного пролетариата.

Он говорил не раз: я знаю несовершенство наших декретов, я знаю несовершенство нашего законодательства, но это—преходяще, преходящи наши законы, преходящи наши организации, мы будем ошибаться, мы будем переделывать, но непреходящим, непреложным, единственным камнем будущего является творчество, является творчество самих масс, «черной кости», «простонародья».

К этому творчеству вел пролетариат и крестьянство Владимир Ильич. И на этой почве он создал невиданное движение, открыл во всемирной истории новую эпоху человечества.

Мы, коммунисты, не привыкли ни перед чем склонять своих голов. Сейчас мы склоняем головы свои перед могилой вождя... Не верится, что нет его.

Да, он среди нас, он живет,—живет в партии, живет в рабочем классе, живет в крестьянстве, живет во всем мире, и весь мир стоит сейчас с обнаженной головой у могилы вождя, борющегося и освобожденного человечества, и вместе с нами шлет проклятья той проклятой судьбе, которая отняла у нас и у мира великого вождя.

С. ТРЕТЬЯКОВ

МЫ ПОМНИМ.

Цехи, конторы, трюмы
Свел один паралич.
Владимир Ленин умер,
Кончился старый Ильич.
Одна тугая гримаса
Свела суровые рты
От угольных дыр Донбасса
До приисков Читы.
Читали, а губы бледнели.
С двух сумасшедших слов
У чуждых людей на панели
Плечи плачем трясло.
Мука ломала колени.
Муку не сбросишь швырком.
Умер Владимир Ленин
Рабочий предсовнарком.
Боль такая бывает,
Когда умирает сын.
Гудки от края до края
Завыли, как на смерть псы,
Это от моря до моря
Встало плечом к плечу
Одно беспартийное горе
В последний черед к Ильичу.

Ленин!
Мы помним,
Ленин,
Твой боевой приказ!
Вейся знамен пламя.
Туже рабочий нажим.
Ленин
всегда с нами,
Ленин
всегда жив.

Идут. Точно взорваны шлюзы,
Где он от утра до утра
Под колоннами Дома Союзов
Принимает последний парад.
По-детски Владимир — Воля
По взрослому Воля — Октябрь,
Это он земле не позволил
Вертеться у хищи в когтях.
Мы понуры и седоголовы.
Страшно прятать в последнюю клеть
Самого молодого
Из всех людей на земле.
Не плакать, не плакать, не плакать,
Не плакать об Ильиче!
Пусть плачут слезами шлака
Глаза плавильных печей.
Дрожь, просеки моторы!
Вдвое завойте, станки!
В цехи, в поля, в конторы,
Рабочие и мужики!
Ни дряби, ни хмури, ни лени!
Льни к рычагу рука.

Процессия с телом В. И. Ленина от Горок до Герасимово.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИН И РАБОЧИЕ.

В статье, посвященной памяти Карла Маркса, покойная Роза Люксембург писала:

«Если бы мы захотели в немногих словах сформулировать все, что сделал Маркс для современного рабочего движения, то мы бы сказали, что Маркс открыл современный рабочий класс, как историческую категорию, т. е. как класс с определенными историческими условиями существования и определеными законами исторического развития».

В. И. Ленину выпало на долю большее счастье: теоретически «открытый» Марксом рабочий класс он повел в бой. Под его руководством рабочий класс, по крайней мере, в одной из стран превратился из «низшего» класса в господствующий класс. Его гением создана международная организация рабочих, поставившая себе эту же задачу в интернациональном масштабе.

Сам В. И. Ленин чувствовал себя всегда только первым из рабочих, выдвинутых ходом истории на первое место. Всем своим образом действий он как бы говорил нам: я только один из передовых рабочих; мне выпало на долю большое образование и дарование; мое дело собрать всех остальных рабочих и повести их в бой.

Это основное настроение В. И. Ленина тысячами невидимых нитей по «беспроволочному телеграфу» передавалось от серца к сердцу в самые широкие круги беспартийных рабочих масс.

Глубоко любовное, интимно-любовное отношение широчайших слоев беспартийных рабочих масс к Владимиру Ильичу впервые отчетливо обнаружилось с особой силой в 1918 году, когда раненный эсеровской пулей Ленин боролся со смертью.

Рабочая масса не слишком щедра на похвалы и громкие эпитеты. Рядовой рабочий скромен и застенчив в выражении своих чувств даже к любимому вождю. Но по отношению к В. И. Ленину этот рабочий-рядовик нашел в 1918 году такие слова, которые делали из некоторых резолюций беспартийных рабочих настоящие образчики художественной прозы.

То же самое, в еще большем масштабе, наблюдаем мы теперь, когда Владимир Ильич закрыл глаза навеки.

Прочитайте следующий отрывок письма работницы на смерть Ленина. Безработная Никифирова пишет: «Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки...

Мы знаем, что скоро настанет тот час, когда со всех стран мира посыплются на твою горячую могилу венки...

Не утренняя летняя роса будет кропить ее, а слезы твоих детей, которые так горячо тебя любили и будут вечно преданы тебе»...

Кто видел дясятки и сотни тысяч рабочих, в благоговейном молчании ожидающих своей очереди, чтобы войти в Колонный зал и отдать последний долг усопшему, тот никогда не забудет этого зрелища, величавее которого не знала мировая история...

Кто знает отношение русских рабочих к Владимиру Ильичу, тот не сомневался в том, что в ответ на смерть учителя широкая беспартийная рабочая масса скажет какое-то свое особое слово.

Теперь это уже ясно. Беспартийная рабочая масса отвечает тем, что массовым потоком устремляется в ряды той партии, которую создал В. И. Ленин.

В Петрограде, и Воронеже, в Киеве и Харькове, в Москве и Иваново-Вознесенске, в Донецком бассейне и на Кавказе—всюду мы наблюдаем одно и то же явление: обнажая голову перед свежей могилой В. И. Ленина, беспартийные рабочие твердо и без лишних слов заявляют о желании вступить в ряды нашей партии.

Целые заводы постановляют — всем вступить в партию. Или «отобрать лучших и послать в члены партии».

Это—совершенно исключительное явление. Важность его трудно переоценить. Партия должна внимательнейшим образом изучить это явление, понять его и сделать из него все надлежащие практические выводы.

«В потрясенной утратой своего учителя и вождя организм РКП мы решили влить свою беспартийную силу путем нашего вступления в ряды славной РКП». Так пишут беспартийные рабочие патронного завода в Москве.

На совместном летучем митинге рабочих чугунного завода «Москуст» и «Мотомашина» утром 23 января присутствовало около 400 рабочих; 99 из них заявили желание немедленно вступить в партию. В ячейку завода «Красный Кожевник» поступили десятки подписей беспартийных рабочих с такими же заявлениями». Кто покрепче в ряды РКП; будем стремиться к тому, чтобы все лучшее отдать в ряды РКП».

Эти голоса несутся из кругов беспартийных рабочих крупнейших заводов-гигантов Петрограда и других городов.

Мы не говорим уже о тех сотнях и тысячах резолюций беспартийных рабочих, которые только в общей форме говорят о необходимости «укрепить» нашу Р.К.П.». Мы не говорим о тех рабочих, которые исключительно под влиянием чувства заявляют сейчас о своей верности нашей партии: Мы не сомневаемся, что, если бы проходящим в течение последних дней к Колонному Залу Дома Союзов, сотням тысяч рабочих, мы предложили записываться в партию, добрая половина сделала бы это с величайшей искренностью. Мы говорим здесь исключительно о той наиболее крепкой, закаленной части беспартийных рабочих, для которых их нынешнее отношение к Р.К.П. есть нечто вполне созревшее и обдуманное.

Пусть наша партия обратит самое пристальное внимание на то замечательное движение, которое началось в широких кругах беспартийных рабочих в последние дни. Мы должны пойти навстречу этому движению всеми силами. Если нам удастся влить в ближайшее время целый новый слой рабочих от станка в нашу партию, то это будет лучшим венком на свежую могилу Владимира Ильича. Тот новый слой рабочих, который после необходимого отсеивания войдет в нашу партию в связи с наметившимся в последние дни под'емом среди беспартийных пролетариев, будет, мы уверены, не худшим слоем. Эти свежие слои, вчера еще беспартийных рабочих, при помощи нашей партии сумеют получить надлежащий закал и марксистское воспитание, они станут достойными продолжателями дела Владимира Ильича.

Вчера мы случайно подслушали разговор двух рабочих.

Первый.«Что же мы будем делать теперь без него (Владимира Ильича).

Второй. Эх, теперь все ж уже не так трудно будет. Что делали бы мы, если бы он умер 3—4 года тому назад».

Так простые рабочие переводят на свой язык слова поэта:

...Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были...

Несчастье, обрушившееся на голову нашей партии, воспринято всем рабочим классом нашей страны, как свое собственное несчастье. Умер лучший друг народа. Но и самой смертью своей он еще и еще раз сплотил тот класс, знаменосцем которого он был.

Ближе, еще ближе к рабочим массам—вот наше ответное движение на начавшийся под'ем среди беспартийных рабочих. Только такая политика нашей партии будет достойна Владимира Ильича.

Н. КРУПСКАЯ.

ВЫШЕ ЗНАМЯ.

В эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда он не говорил этого сам, да и я бы вероятно не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Но я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа: каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. Он нашел там ответы. С этими ответами пошел он к рабочим. Это были 90-е годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в петроградские рабочие кружки. Пошел рассказать то, что узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он там нашел. Но пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. Он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал то, что говорил ему рабочий. А питерский рабочий говорил ему не только о порядках на фабрике, не только об угнетении, но и о своей деревне. В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из ра-

бочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это—тульский крестьянин. Этот тульский крестьянин, рабочий Семенниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: «Тут, в городе, мне трудно все об'яснить, я пойду в свою Тульскую губернию и там передам своим родным и другим крестьянам все, что вы говорите. Они мне поверят. Я—свой. Там никакие жандармы нам не помешают».

Теперь мы много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка дана самой историей, ибо русский рабочий одной своей стороной рабочий, а другой—крестьянин.

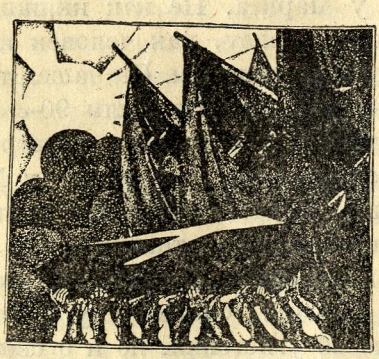
Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам помогли Владимиру Ильичу понять великую мысль Маркса что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся. В том, что он—передовой отряд, в том, что за ним идут далее все массы трудящихся, все массы угнетенных,—его сила, залог его победы. Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить.

Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. Эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу власть эта нужна не для того чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса—освобождение всех угнетенных, всех трудящихся.

Эта основная идея положила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Владимир Ильич, наш любимый, наш родной—умер. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое знамя Ленина.

Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!



Д. Моор

Траурный поезд (полустанок Герасимово).

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

О НЕМ.

В эти дни траура, когда наша осиротевшая партия и осиротевший рабочий класс находятся под тяжестью невознаградимой утраты, когда мы все думаем только о том, что потеряли,—не мешает чаще вспоминать и о другом: о том, то мы получили от Ленина, и почему получили Ленина. Утешая друга, потерявшего сына, один греческий философ сказал: не плачь над тем, что он умер, а радуйся тому, что он жил. Будем же чаще так думать. И нетолько потому, что от этого легче...

Смерть гения—это процесс в мозгу, в легких, в сердце. Появление же гения, вернее—проявление гения, и как вся его работа это тоже процесс, но процесс специально обусловленный, где нет ничего случайного в главном и основном. Гений Владимира Ильича есть продукт исторической необходимости, продукт мирового рабочего движения в период распада капитализма, продукт, созданный на российском участке этого движения, носящий все черты своего

российского происхождения, но в то же время далеко поднявшийся над уровнем российского движения. Ленин сделался вождем Интернационала одновременно с тем, как наша пролетарская революция сделалась первым актом рабочей революции, как наша советская власть сделалась первой крепостью диктатуры мирового пролетариата.

Наш Союз Советских Республик лежит на грани Европы и Азии. Он не является ни Европой, ни Азией. Авангард нашего рабочего есть продукт европейского капитализма, вторгшегося в молодую, капиталистически не развитую страну и в кратчайший срок построившего сотни крупнейших предприятий по последнему слову западной техники. Наш рабочий класс—молодой, полный сил варвар, не испорченный цивилизацией капиталистического Рима, не привыкший ценить мелкобуржуазного уюта, падающего со стола эксплоататоров колоний, не ставший законопослушным по отношению к капиталистическому порядку и буржуазной законности. Его предки—крестьяне, поджигавшие помещичьи усадьбы; его дедов и прадедов секли на барских конюшнях и с бубновыми тузами прогоняли по Владимирке на рудники Урала и Сибири. В его жилах есть порядочная доза крови повстанцев, потрясавших во время бунтов Стеньки Разина и Пугачева устои власти московских царей.

Наш рабочий класс начал ненавидеть капитал и бороться с ним раньше, чем проникся уважением к нему, как к организатору нового типа хозяйства, более высокого, чем ремесло и крестьянское хозяйство; он начал презирать его раньше, чем вкусил от древа познания буржуазной культуры и потянулся к ней. Он не похож ни на пролетария Запада, вышколенного двумя столетиями мануфактуры и капиталистической промышленности, ни на полупролетария Индии или Китая. Он—совершенно особый тип рабочего класса. Тот, кто не поймет его особенностей, тот ничего не поймет во всех чудесах, которые он вписал в историю человечества, не поймет существа того социологического феномена, который называется РКП не поймет вождя, которого воспитал наш рабочий класс в течение тридцати лет его политической борьбы. Потому, что наша партия—тоже особая партия, и ее вождь-организатор—также совершенно особый вождь-уникум, для которого нет ни аналогии, ни вторых изданий.

Наш рабочий класс соединил в себе революционность и непосредственность пролетарской классовой молодости и свежести с той дисциплиной, которая сплачивает миллионы, об'единенные в трудовом процессе вокруг машины. К этому прибавился двойной пресс царского самодержавия и дикого нажима полуазиатского капиталистического класса. Историческая задача Ленина состояла в том, чтоб на такой классовой основе создать партию, которая соединяла

бы в себе все революционные преимущества пролетариата, стоящего на грани Европы и Азии, со всеми завоеваниями западно-европейской пролетарской мысли в виде марксизма, которая соединяла бы дух неукротимой пролетарской революционности русского рабочего с пролетарской дисциплиной и с классовым опытом европейского пролетариата, накопленным в течение двух столетий в борьбе с капитализмом.

Гений Ленина справился полностью с этой задачей. Он справился и с рядом других задач, которые попеременно выдвигались перед нашим рабочим классом на протяжении трех революций. При решении этих задач развертывается во всем блеске могучий гений Ленина, потому что гений—это не только продукт исторической необходимости, но в данном случае сама эта необходимость, воплощенная в действии и в руководстве действием миллионных масс.

История взвалила на плечи наших рабочих чудовищно тяжелое бремя. Они должны были пробить первую брешь в стене капитализма, ослабленного войной; они должны были в стране с стомиллионным крестьянским населением построить первое социалистическое государство; они должны были отстоять это государство, воюя крестьянской армией со всем буржуазным миром. Эта задача могла быть выполнена как следствие той исключительно счастливой обстановки, благодаря которой наша пролетарская революция соединилась с крестьянским восстанием против помещиков, так и благодаря гениальному руководству Ленина.

Гений Ленина подсказал партии единственно правильный выход: опереться в натиске на капитализм и войну, на союз рабочего класса с крестьянством и мудрой политикой обеспечить революционному, героическому, но малочисленному рабочему классу поддержку крестьянских резервов страны.

Под руководством Ленина партия и рабочий класс на спинах аграрной крестьянской революции ворвались в октябрьские дни в Зимний дворец и в Кремль. Под его руководством партия отступила на позиции Брестского мира, преодолевая наступательный автоматизм октябрьской революции, чтобы не порвать связи со своей пехотой от сохи и плуга, не желавшей воевать. Под его руководством партия, после курса на комитеты бедноты, берет курс на 8-м с'езде партии на середняка, эту основную массу нашей Красной армии. Под его руководством наша партия, прощупав предварительно ребра европейского империализма походом на Варшаву, делает крутой поворот от военного коммунизма к нэпу с той же целью: не порвать с резервами деревни и сохранить политическое руководство пролетариата над крестьянством.

В чем проявился организационный гений Ильича? В том, что он создал такую форму организации парти, при которой слабый

численно пролетариат и недостаточно культурно-развитый имел шансы победить в крестьянской стране с наименьшей затратой сил.

В чем проявился тактический гений Ленина? В том, что пролетарскую революцию, которая, по всем об'ективным данным, имела 90% шансов потерпеть поражение на одной из извилин ее пути, он провел через узкий проход этих 10 процентов к победе.

Тактический гений Ленина был пропорционален опасностям, которые угрожали революции, которые давили на его мозг, напрягая все его творческие силы, всю дальнозоркость, всю изобретательность, всю хитрость против врагав рабочего класса. Ленин был выдвинут вперед первыми шагами массового ребочего движения в России, предвестниками революции 1905 года; он развился в гениального вождя в период войны и трех революций? он был рожден и воспитан на стыке Запада с Востоком и на историческом стыке буржуазных революций с пролетарскими. Он отдал весь свой гений революционному процессу. И пролетарская революция, вскрывшая в нем силы гения, общественно породившая его, как гения, она же и убила его, безжалостно высосав все соки его мозга для своих исторических задач.

В своем духовном завещании, оставленном для нашей партии, в своих статьях о рабкрине, Ленин ставит перед нашей партией задачу еще более грандиозную, чем те, которые она уже разрешила. Он завещает нам, всемерно охраняя союз с нашим крестьянством в период мирной передышки, держать связь с угнетенными народами Азии и других колоний и готовить эту пехоту из всех человеческих рас к тому, чтобы на волнах восставшего против империализма большинства человечества организованно ворваться в твердыни мирового капитализма.

Мы должны сделать все человеческое и сверхчеловеческое, чтобы выполнить духовное завещание Ленина. Выполняя каждый свой долг, делая каждое порученное ему партией дело, мы ни на минуту не должны забывать о той великой исторической ответственности, которую мы, члены РКП, правящая партия Советского Союза, имеем перед угнетенными массами всего мира. Мы должны воспитывать нашу молодежь на понимании этих грандиозных задач, для выполнения которых потребуется и огромная воля к победе, и железная твердость при возможных неудачах и трудны поворотах: потребуется хладнокровие и выдержка, будет нужен тот героизм, энтузиазм, без которого не совершаются ничего великого в истории; одним словом, будет нужно все то, живым воплощением и примером чего был Ленин.

Владимира Ильича нет. Наши враги ликуют. Наиболее глупые из них давно уже привыкли отождествлять бюллетень о здоровье Владимира Ильича с состоянием диктатуры в нашей стране. «Глу-

бокие знатоки» нашей революции и нашего рабочего класса и его партии, шатающиеся по кабакам Парижа, Берлина и Праги и воспрянувшие духом от наших дискуссионных излишеств, теперь с удвоенным усердием будут строить новые схемы контр-революционного переворота в России,—в России без Ленина.

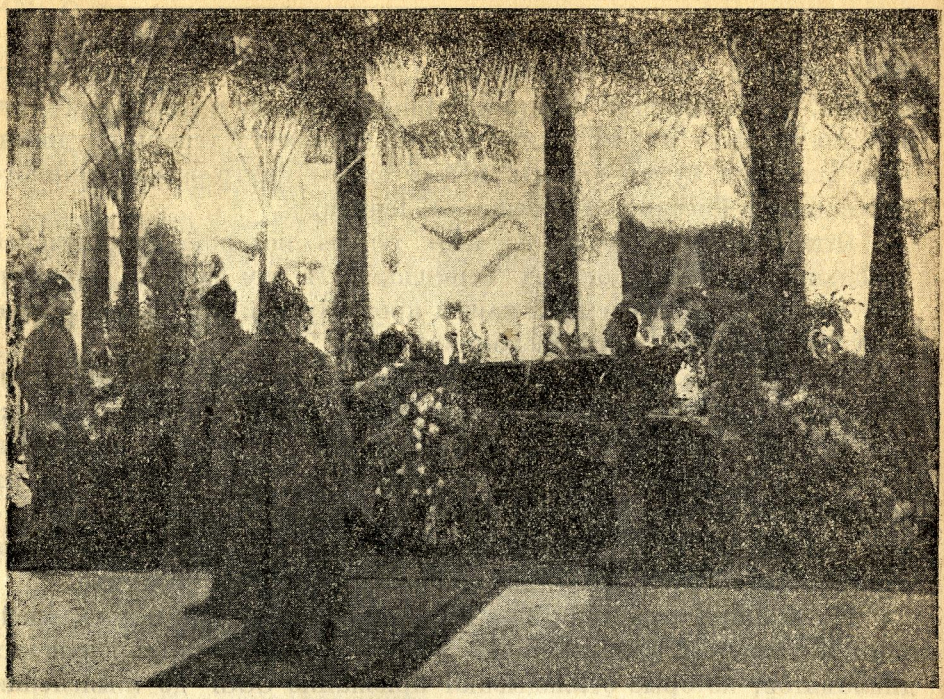
Эти господа усердно изучают теперь историю французской революции сообенно период Термидора. И чем больше изучают, тем меньше понимают смысл нашей пролетарской революции и причину ее растущей организованной мощи.

Если раньше они писали о борьбе за власть внутри коммунистической партии, о скрещивании шпаг перед одром Ленина, то как же они радостно завоют теперь! И буржуазные дипломаты, приглядываясь к нам, также ищут «прецедентов», которые помогли бы им разобраться на седьмом году пролетарской диктатуры, с кем и с чем они имеют дело, чтоб раньше времени не допустить ошибки «признания». Смерть Владимира Ильича усилит их раздумье.

Но история отпустит лишь несколько недель для белогвардейских иллюзий и для проверки «благоразумия» тех европейских дипломатов, которые откладывают признание СССР до «выяснения ситуации». В тот период, когда наши враги ждут от нас максимальных несогласий, споров и раздоров,—именно теперь мы проявим величайшее единодушие, сплоченность и совершенно сознательную железную дисциплину. Это все настолько ясно для каждого коммуниста, настолько разумеется само собой, что всякие слова на эту тему кажутся ненужными. Когда тело великого вождя величайшей в мире революции будет опускаться в могилу на Красной площади, вся наша партия, как один человек, молчаливо примет клятву сделать свое железное единство стальным и удесятерить свои коллективные, дружные, братские усилия в борьбе за коммунизм.

И если это единодушие партии, имеющей за собой величайшее дела в прошлом и еще более грандиозные задачи в будущем, сравнить с дегенератским, безнадежно-пошлыми и мещански-тупоумными белогвардейскими надеждами, то делается понятным, почему эти господа потерпели поражение. С тех пор, как гении буржуазных революций превратились в контр-революционных ослов история начинает давать этим ослам отставку в меру созревания пролетарской революции. Почин уже есть. Не этим людям управлять миром в двадцатом столетии. Над миром будет парить дух Ленина, мир будет принадлежать ленинцам, проводникам нового класса к власти над землей.

Не важно, что сеявший не жнет,
Достаточно, что жатва растет.



Дом Союзов. Колонный зал, где находился гроб В. И. Ленина.

ПИСЬМО Н. К. КРУПСКОЙ

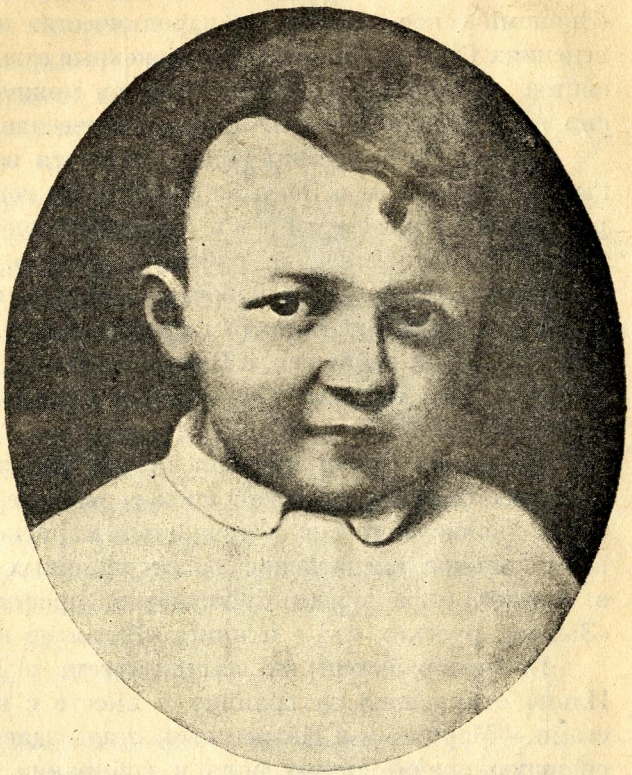
в ответ на многочисленные выражения сочувствия со стороны трудящихся.

«Товарищи рабочие, работницы, крестьяне и крестьянки! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и так далее. Всему этому он придавал в жизни так мало значения, так тяготился всем этим! Помните—много еще нищеты и неустройства в нашей стране! Хотите почтить имя Владимира Ильича—устраивайте ясли, детские сады, детские дома, школы-библиотеки, амбулатории, больницы, дома инвалидов и так далее. Проводите в жизнь его заветы!

ОТДЕЛ ДЕСЯТЫЙ

ДАТЫ.

Владимир Ильич Ленин родился 10 апреля 1870 г. в городе Симбирске. Отец его, родом крестьянин, работал на Волге директором народных училищ и пользовался большой любовью среди учителей и школ своего округа. В 1886 г., за год до окончания Владимиром Ильичем Симбирской гимназии, умер его отец, а в 1887 году произошло событие, оставившее по себе глубокий след во всей дальнейшей жизни и деятельности Ленина. Восьмого мая за покушение на Александра III-го был повешен царским правительством его брат Александр Ильич Ульянов — один из видных деятелей «Народной воли» того времени.



Ленин-дитя.

Осенью 1887 г. Владимир Ильич окончил с большим успехом Симбирскую гиназию и поступил на юридический факультет Казанского университета, но уже через месяц был исключен оттуда за участие в студенческих беспорядках. В студенческих революционных кружках прошла вся первая полоса общественно-политической деятельности Ленина. Там-же он впервые познакомился с произведениями бывших «черноперельцев», затем первых русских марксистов (Плеханова).

В 1891 г. Владимир Ильич сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета и переехал в Самару, где обосновал первую самарскую группу марксистов (Ульянов, Скляренко, Лалоянц). Осенью 1893 года он возвратился в Петербург, где организовал первые рабочие кружки и быстро сплотил вокруг себя небольшую группу интеллигентов-марксистов.

Через некоторое время Владимир Ильич стал наиболее популярным марксистом в Петербурге. Его столкновение с В. Воронцовым — виднейшим народником того времени — и выпущечная им нелегальная брошюра «Кто такие друзья народа и как они воюют против социал-демократов»—первый труд Владимира Ильича, направленный против Михайловского—столпа Народной Воли, обратили на него широкое внимание революционной молодежи.

Изданные Лениным в 1895 г. под псевдонимом Тулина статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в произведениях Струве» вызвали восторженные отзывы среди старых марксистов и Аксельрод заявил: «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящие социал-демократические мыслители».

В 1895 г. Владимир Ильич связался за границей с Плехановым, Аксельродом и Засулич и в том же году вместе с некоторыми марксистами организовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По поручению Союза Ленин проводил первые рабочие стачки, руководил кружками, писал и выпускал листовки (о штрафах и др.). В конце 1895 г. Союз был арестован, распущен, а Владимир Ильич попал в тюрьму, откуда в 1897 г. был отправлен в ссылку в Сибирь, в с. Шушенское Енисейской губ.

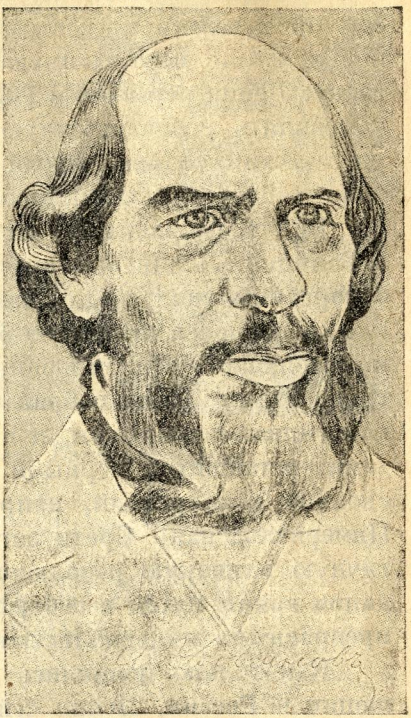
В ссылке Ленин написал целый ряд экономических и политических статей и брошюр, из которых две серьезной научностью в постановке вопросов и точностью марксистского анализа произвели сильное впечатление на заграничных марксистов, а вторая в России, даже среди буржуазных профессоров. Брошюры эти: «Задачи русских с.-д.» и книга «Развитие капитализма в России».

По возвращении из ссылки-ареста в Петербурге, Владимир Ильич отправился за границу и вместе с видными тогда марксистами,—Мартовым и Потресовым, стал издавать газету «Искра», сыгравшую значительную роль в собирании русской марксистской революционной мысли. В 1902 г. вышла книга В. И. «Что делать», осветившая в революционно-марксистском духе все наболевшие вопросы общественного движения того времени, и окончательно утвердившая Ленина, как вождя Российской социал-демократии.

К этому времени Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие старые марксисты стали в целом ряде вопросов тактики отходить от своих революционных традиций.

Ленин, чувствуя, что под мелкими организационными расхождениями в партии определенно нарождается оппортунистическое крыло, и в 1903 г. на втором С'езде партии, видя невозможность создания единой организации, повел жестокую критику нарождавшегося меньшевизма. Партия раскололась на большевиков и меньшевиков, и Ленин стал во главе первых.

Выйдя из состава «Искры», перешедшей к меньшевикам, он создал первую большевицкую газету «Вперед», откуда повел энергичную аттаку против меньшевиков, предсказывая им их дальнейшую дорогу по пути сближения с буржуазией и отрыва от классовых революционных традиций. Собравшийся в 1905 г. третий (большевицкий) С'езд партии поставил Ленина во главе ЦК Партии и Ц.О. «Пролетарий», в котором он стал энергично проповедывать необходимость вооруженного восстания и установления диктатуры пролетариата.



Отец В. И. Ленина.

Значительную организующую роль сыграл Владимир Ильич в революции 1905 г. Его политические статьи, брошюры, листовки давали направление революционной борьбе рабочего класса. Но это его мало удовлетворяло, и в конце 1905 года он после пятилетней эмиграции возвратился в Россию, чтобы принимать непосредственное участие в революционной работе. Он пропагандировал, собирал силы с[illegible]язался с вооруженным восстанием в Москве и Петербурге, призывал рабочих к поддержке такового.

В 1906 году, после деятельного участия в работах четвертого (Об'единительного) С'езда партии, Ленин опять возвратился в Россию, связался с организаторами Кронштадтского и Свеаборгского восстаний, повел агитацию среди рабочих масс и принимал все меры к перенесению движения в Петербург. Параллельно с этим в нелегальном большевицком «Пролетарии», он продолжал вести ожесточенную борьбу с «рабоче-с'ездовцами», «блокистами», «эс-эрами», и другими оппортунистическими группами, тормозившими развитие классовой революционной борьбы русского пролетариата.

В 1907 г., после подавления русской революции, Владимир Ильич отправился во вторую эмиграцию. До 1910—11 годов, когда начало возрождаться потушенное реакцией рабочее движение, Ленин за границей продолжал дело революционного очищения партии и пролетарского движения. Он издавал нелегальные газеты, ездил с конференции на конференцию, занимался научной работой.

Самой значительной книгой, написанной им в то время, была «Марксизм и эмпириокритицизм», направленная против буржуазных влияний в философии, которым поддались и некоторые марксисты.

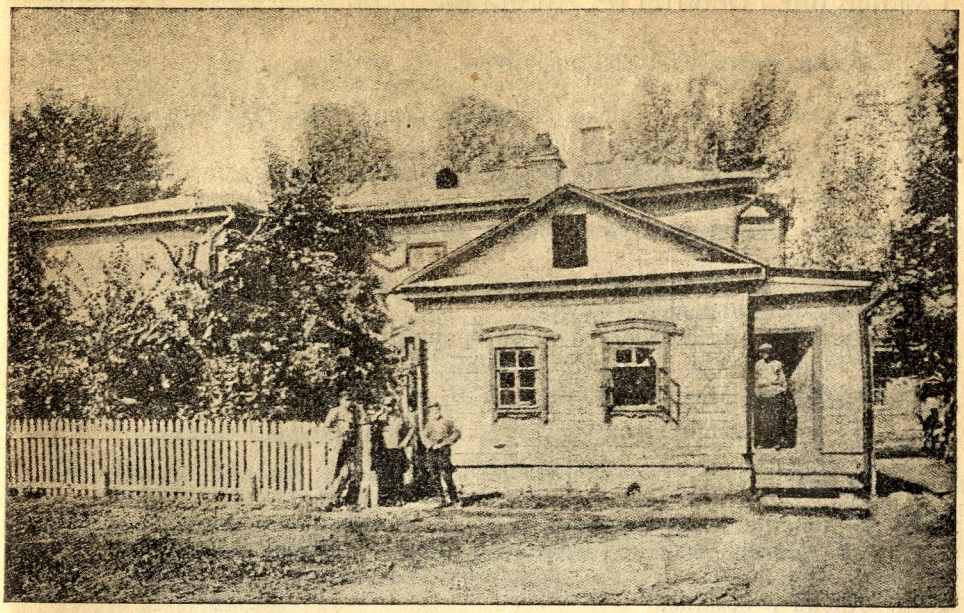
В 1912 году, когда в Петрограде уже выходили легальные большевицкие газеты, когда после Ленских событий по всей России прокатились массовые рабочие стачки, когда рабочее движение показало неожиданную живучесть и готовность к новому натиску, Ленин переехал в Галицию, поближе к России, чтобы лучше направлять революционную работу. Он руководил большевицкими газетами, созывал целый ряд совещаний и конференций, направлял работу большевицких представителей в Думе.

Война неожиданно застала Ленина в маленькой деревушке в Галиции. Ленин был арестован австрийским правительством, но вскоре ему удалось пробраться в Швейцарию, и среди рабочего класса он повел жестокую борьбу с новыми врагами пролетариата и революции—социал-шовинизмом и оборончеством. С большими трудностями Ленин собрал осколки разбитой войной революционной социал-демократии, и вместе с заграничными социал-демократами, оставшихся верными революционному знамени, созвал несколько конференций, направленных против войн (Кинтальская, Цимервальдская). Среди заграничных рабочих Ленин повел энергичную кампанию революционной борьбы под лозунгом: «Ликвидация войны путем всеобщей забастовки, вооруженного восстания, превращения империалистической войны в гражданскую».

Как только появились первые сведения о февральской революции в России, Ленин сейчас же после десятилетней эмиграции вернулся на родину. Задача немедленного развития, превращения буржуазной февральской революции в социалистическую, поставленная им тотчас по приезде в Россию перед партией и рабочим классом, смутила даже многих большевиков. Среди буржуазии же и черносотенцев приезд Ленина вызвал бурю негодования и озлобления.

Правительством Керенского был отдан приказ об его аресте, охотникам на Ленина обещалось по сто тысяч. Скрываясь среди болот Финляндии, в шалаше, на сеновалах Владимир Ильич продолжал руководить накоплением большевицких революционных сил. Октябрьским же переворотом он руководил не только статьями и инструкциями, но в полной мере командовал каждым участком революционного фронта.

На наших глазах, на всем протяжении организации и собирания единственной в мире пролетарской республики необычайно широко развернулась вся сила творческого гения, вся мощь организующего таланта великого вождя пролетариата. Трудно сейчас писать о деятельности Ленина в эти последние революционные годы, как трудно сейчас писать тесно сросшуюся с ним историю коммунистической партии и советской власти международного рабочего движения.



Дом в Симбирске, в котором родился Владимир Ильич.

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

1870. 10 апреля родился В. И. в Симбирске.

1886. 12 января смерть отца Владимира Ильича И. Н. Ульянова—организатора народных училищ Симбирской губ.

1887. 8 мая казнь А. И. Ульянова, брата В. И., произведшего покушение на Александра III.
В. И. кончил Симбирскую гимназию и осенью поступил в Казанский университет.

1888. 5 февраля исключается из университета за участие в студенческих волнениях и высылается в Кукушино Казанской губ.
Июль. В. И. отказывают в обратном принятии в университет.
Сентябрь. Запрещение полиции В.И. поехать за границу.
1888—89. В. И. в Казани.

1889. Лето. Переезд в Самару.

1891. Сдал экстерном Государственные экзамены на юридическом факультете СПБ университета.

1893. Жизнь в Самаре.
Первая группа Марксистов в Самаре;
«В. И. Ульянов, А. И. Скляренко и И. Х. Лалаянц».

1893. Осенью переезд в Петербург.

1894. Первый труд В. И., нелегальная брошюра «Кто такие друзья народа и как они воюют с с.-д.».
В. И. вступает в СПБ кружок с.-д. «Центральная группа для руководства рабочим движением».
В. И. руководит «Критиком в гавани» из рабочих.

1895. Апрель. В. И. выехал за границу, где вошел в сношение с Плехановым, Аксельродом, Засулич.
Сентябрь. Возвращается из-за границы и организует «союз борьбы за освобождение рабочего класса».
9 декабря Арест «Союза» и В. И. в тюрьме.

1896. Тюрьма.
В. И. работает в тюрьме над книгой «Развитие капитализма в России».

1897. 29 января. Приговор по делу В. И. и отправка в ссылку в Сибирь, в Енисейскую губ., с. Шушенское, на 3 года.

1898. Жизнь в ссылке.
В. И. избирается редактором «Рабочей газеты», оффициального органа партии.

1899. Ссылка.

1900. 21 января. Возвращение из Симбирской ссылки. Трехнедельный арест В. И. в Петербурге.
16 июля. От'езд за границу. Переговоры с «группой осв. труда» в Швейцарии.
Переезд в Мюнхен и начало издания «Искры».

1901. В. И. руководитель «Искры».

1902. В. И. читает лекции в Парижской «Высшей школе соцаильных наук».

1903. Отказ либералам со стороны с.-д. по инициативе В. И. от издания общего противоцаристского журнала.

2-й С'ЕЗД Р. С. Д. Р. П.

1903. Работа В. И. на с'езде в духе революционного марксизма.
Раскол партии на большевиков и меньшевиков.
В. И. во главе большевиков.
В. И. избран членом Ц. К., Совета партии и ред. Ц. О. «Искра».
1 ноября. В. И. на шаг Плеханова (перешедшего к союзу с меньшевиками) ответил выходом из редакции «Искры» и из Совета партии.

1904. В. И. член Ц. К.
Выход В. И. из Ц. К. партии.
В. И. становится во главе агитации за III с'езд в виду нарушения меньшевиками воли и решений большинства партии.
Декабрь. В. И. во главе «Вперед», органа большевиков.

1905. Выборы по подготовке 3-го партс'езда: редактирование газ. «Вперед».
Май. 3-й с'езд Р. С. Д. Р. П.
Интенсивное участие в работе с'езда.
В. И. во главе Ц. К. партии и «Пролетарий».
Август—сентябрь. В. И. агитирует за бойкот «булыгинской» думы и за восстание, за свержение самодержавия.
Сентябрь—ноябрь. Возвращение В. И. в Россию после пятилетней эмиграции.
Пропаганда и подготовка «вооруженного востания», поездка в Москву.
В. И. в Петербурге агитирует за поддержку петербургскими рабочими востания в Москве.

1906. Апрель. 4-й об'единительний с'езд Р. С. Д. Р. П. (Стокгольм).
Деятельная работа В. И. на об'единительном с'езде.
Доклады В. И. по нескольким вопросам.
После с'езда В. И. возвращается в Россию, руководит большевицкой частью партии.
Июль. Находится в связи с организаторами Свеаборгского и Кронштадского восстаний и принимает меры к перенесению движения в Петербург.
В. И. издает и редактирует нелегальный орган большевиков «Пролетарий», ведя ожесточенную борьбу с меньшевиками и с.-р.'ами.
Ноябрь—декабрь. Ожесточенная борьба с «рабоче-с'ездовцами», «блокистами», с «К.-Д.» и с оппортунистической тактикой меньшевиков и Плеханова.
В. И. вырабатывает платформу большевиков для участия в избирательной комиссии.

1907. В. И. высказывается за выборы во 2-ю гос. Думу и участие в ней (чтобы разоблачить либералов, народнические группы и меньшевиков).
В. И. руководит большевицкой частью с.-д. депутатов в Думе.
Апрель—май. 5-й лондонский с'езд Р. С. Д. Р. П. Деятельное участие В. И. в работах с'езда.
Июль. Возвращение В. И. после с'езда в Россию.
Жизнь В. И. в Финляндии (Куоккола).
В. И. на обще-партийной конференции высказывается за выборы в 3-ю Гос. Думу.
Август. В. И. на Штутгардском конгресе II Интернациола.
Тезисы В. И. и Р. Люксенбург;
«В случае империалистической войны начать социластическую революцию».
В. И. вторично эмигрирует за границу (2-я эмиграция 1907—17 г.).

1908. Пребывание В. И. в Женеве, сборник статей «За 12 лет».
Август. Поездка в Лондон.
Выступление против «эмпириокритицизма» Богданова, Луначарского, Базарова.

ПЕРЕЕЗД В ПАРИЖ.

1908. 21 декабря. Участие В. И. на декабрьской конференции. Напряженная борьба В. И. против «ликвидаторства» и «отзовизма».

1909. В. И. живет в Париже.
Май. Конференция большевиков в Париже. Раскол с «отзовистами».
Сближение с Плехановим на почве борьбы с ликвидаторами.
«Марксизм и эмпириокритицизм»,—труд В. И., направленный против «эмпириокритиков».
Декабрь. Лекции В. И. «каприйцам».

1910. В. И. живет в Париже. Работа в Пленуме Ц. К.
Поездка на Копенгагенский Конгрес II Интернационала. Работа В. И. в кооперативной комиссии.
Ноябрь. В. И. создает «Рабочую газету».

1911. В. И. предлагает взять инициативу созыва конференции и организации нового Ц. К.
Лето. Лекции В. И. в партийной школе.

1912. Работа В. И. над востановлением партии.
Работа на Парижской конференции в Ц. К. партии.
9 мая. Доклад В. И. на заседании Парижской Секции Загран. Орган. Р. С. Д. Р. П.
Июль. Переезд В. И. из Парижа в Галицию (ближе к русской границе, чтобы лучше влиять на революционное движение).
Работа в газетах: «Социал-демократ», «Правда», «Звезда», «Невская Звезда» и в журнале «Просвещение».

1913. Деятельное участие В. И. в целом ряде совещаний Ц. К. большевиков (частное, августовское.)
Руководство работой думской «Пятерки».
Борьба за «неукороченные» лозунги рабочего класса. Работа в «Правде», «Просвещении».
Поздравительная телеграмма Ленину от союза металлистов, «как истинному вождю рабочего класа».

1914. Борьба за партию с вождями II интернациола.
Работа в «Правде», «Просвещении».
Об'явлени**е** войны застет В. И. вместе с Зиновьевым в глухой деревушке Галиции. Австрийское правительство арестовывает В. И. и держит около 2-х недель в австрийской козе (кордегардии).
В. И. перебирается в Швейцарию.
«Тезисы о войне» В. И. (о переходе войны империалистической в войну гражданскую).
Борьба с «социал-шовинизмом» и оборончеством.

1915. Борьба с «социал-шовинизмом» и империалистической войной. В. И. работает в «Социал-Демократе». В. И. работает среди Швейцарских рабочих. Деятельное участие В. И. в работах Бернской конференции загран. секции большевиков.
Работа над организацией и об'единением сил революционной социал-демократии.
(Бернская 2-я конференция загран. секции большевиков, форконференц. 11 июля в Берне).
5—8 сентября. Циммевальдская Конференция.
Ленин—представитель левого крыла. Столкновение с Ледебуром.

1916. Работа В. И. на Бернском совещании 5—8 июня, Кинтальской конференции 24—30 апреля (левая оппозиция во главе с Лениным). Лозунги: принять крайние меры для ликвидации войны: всеобщ. забастовку, саботаж, вооруженное восстание: превращение империалистической войны в гражданскую.

Февраль. Выступление В. И. вместе с Раковским на митинге социалистов в Берне.

(Неизбежность после войны пролетарской революции против существующего капиталистического строя).

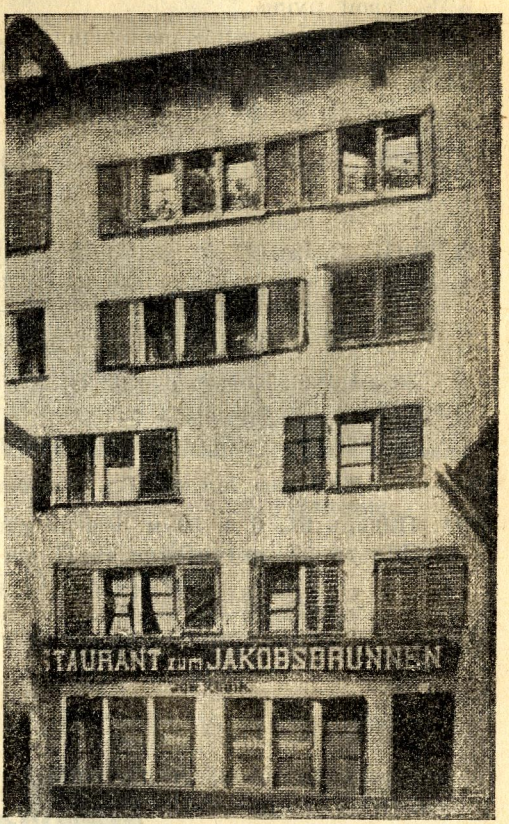
Доклады В. И. в Берне и Цюрихе в 1-й половине 1916 года.

1) Необходим пересмотр аграрной программы Р. С. Д. Р. П. в смысле замены «муниципализации» «национализацией»: 2) ближайшие задачи с.-д. в России.

Письмо В. И. в СПБ о необходимости по возобновлении сессии Госдумы выступить на ее заседании с категорическим заявлением о немедленном мире.

Пропаганда идей революционного интернационализма среди Швейцарских рабочиих.

В. И. выпускает в Цюрихе три книжки журнала «Форботе».



Дом, в Швейцарии, в котором жил Владимир Ильич в 1910 году.

1917. Возвращение В. И. в Россию после, почти, десятилетней эмиграции.

Первое обращение к массам с заключительных лозунгом: Да здравствует мировая социалистическая революция.

4 апреля. «Тезисы» В. И.

Работа на конференции большевиков.

22 мая. Речь В. И. на I-м с'езде Кр. Депутатов.

Июнь. Выступления В. И. на I-м Всероссийском С'езде С.-Р. и С.-Д. («пощупать капиталистов»).

Разгром «Правды».

Приказ об аресте В. И. Ленина.

Июль. В. И. принужден снова около 4-х месяцев провести в подполье на Выборгской стороне и в Финляндии. Из подполья руководит партией и роботает в большевицкой печати.

1917. Июль. 6-й с'езд Р. С. Д. Р. П. (большевики). Главная задача свергнуть Керенского, ликвидировать войну и приступить к социалистическому строительству.

Лозунг В. И.: «необходимо брать скорее власть, не то будет поздно».

Письмо в Ц. К. партии: «довольно тянуть канитель, нужно окружить войсками Александринку, разогнать всю шваль и взять власть в свои руки».

В. И. «самовольно», рискуя попасть в руки агентам Керенского, приезжает из подполья в СПБ для организации восстания.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

25—26 октября. 2-й с'езд советов Р. и С. Депутатов. Речь В. И. на СПБ. С. Р. Д. 2-й с'езд по предложению В. И. декретирует немедленный мир, земля без выкупа трудящимся.

Совет Народних Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

1918. Переезд В. И. вместе с С. Н. К. в Москву.

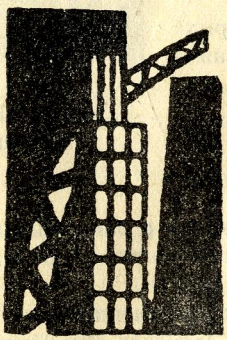
30 августа. Покушение на В. И. члена партии С.-Р.

1919-20-21-22 г.г. Бессменный руководитель Коммунистической партии, Советской власти и вождь мировой пролетарской революции.

1922—23.. Тяжелая болезнь Вл. Ильича.

1924. Январь 21, 6 ч. 50 м. вечера кончина В. И.

Январь 27—погребение В. И. на Красной площади в Москве.



Читают Ленина. В. Малютин.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1894.

Первый труд В. И.

1. Нелегальная брошюра: «Кто такие друзья народа и как они воюють с с.-д.», брошюра направлена против: Михайловского, Булгакова и Кривенко из «Русского Богатства».
2. Реферат: Отражение марксизма в буржуазной литературе. По поводу книги Струве.

1895.

1. «Экономическое содержание народничества и критика его в работе Г. Струве» в сожженном цензурой сборнике «Материалы для характеристики нашего хозяйственного положения».
2. Листки к петербургским рабочим.

1896.

1. Брошюра «О стачках» (писана в тюрьме).
2. Проект программы русских с.-д. погиб при последующих арестах.

1897.

1. Манускрипт «О законе 2 июня».
2. «Задачи русских с.-д.» (с предисловием Аксельрода).
3. Статья «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты-народники)».
4. Статья: «От какого наследства мы отказываемся».
5. Статьи в журнале «Новое Слово».
6. Перевод книги С. и Б. Вебб «Теория и практика Тред-Юнионизма».

1898.

Работа в «Научном Обозрении», рецензии на немецкие работы по экономическим вопросам

Статьи:

1. «Перлы народнического прожектерства».
2. «К вопросу о нашей фабрично-заводской промышленности».
3. «Кустарная перепись 1894—95 г. в Пермской губ. и общие вопросы кустарной промышленности».

1899.

Книги:

1. «Развитие капитализма в России» Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности.
2. «Экономические этюды и статьи» протесты против оппортунистического «кредо» Кусковой, отосланные за границу (протест русских с.-д.).

Работы в журналах «Начало» и «Жизнь».

1900.

Статья «Капитализм в сельском хозяйстве» (журн. «Жизнь» 1900 г., 1 февраля).

(Критика статьи Булгакова, направленной против книги Каутского). Статьи в журналах «Научное обозрение» и «Жизнь».

Первые статьи в «Искре».

1901.

Статьи в «Искре».

1. «Рабочая партия и крестьянство» (№ 3—4).
2. «С чего начать» (№ 4—5).
3. «Беседа с защитниками экономизма» (№ 12, дек).
4. «Аграрный вопрос и критика Маркса» (борьба с «ревизионизмом», против Булгакова, Чернова, Герца).
5. «Гонители земства и Аннибал либерализма», «Заря» по поводу брошюры Витте: «Смодержавие и земство» с предисловием Струве).

1902.

1. Брошюра «Что делать».

1. (Критика правого крыла русских с.-д. в плоскости организационных и тактических задач, восхваления «стихийности масс», «тредюнионистического уклона» тактики кустарничества в сфере организации).
   «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (организация местных ячеек с..д. революционной рабочей партии, подчиненных директивам конспиративного центра из профессиональных революционеров).
3. «Аграрная программа русской соц. - демократии» (обоснование лозунга о возвращении крестьянских отрезков («Заря» № 4).

4. Статьи в «Искре».

1. «Самодержавие колеблется». Ст. в «Искре» за март.
2. «Задачи революционной интеллигенции» (письмо к студенчеству).
3. «Струве, изобличенный своим сотрудником», апрель.
4. «К деревенской бедноте» (брошюра—об'яснение для крестьян, чего хотят с.-д.). Май.
5. «Ответ на критику нашего проекта программы» (критика П. Маслова).
6. Мобилизация реакционных сил и наши задачи, июнь.
7. «Национальный вопрос в нашей программе», 15 июня.
8. «Эра реформы» 15 авг.
9. «Сорвалось». 15 сент.
10. «Максимум беззастенчивости и минимум логики», 1 окт.
11. «Положение Бунда в партии». 25 окт.
12. «Почему я вышел из редакции «Искры» (письмо в редакцию «Искры»).

1904.

1. «Шаг вперед, два назад» (кризис в нашей партии). Обвинение меньшевиков в оппортунизме по организационным вопросам. Женева, май.
2. «Земская кампания и план «Искры».
   (Обвинение меньшевиков в «тактическом оппортунизме»), Женева, ноябрь—декабрь.
3. Статьи «О хороших демонстрациях пролетариата и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов», «Вперед» № 1.

1905.

Статьи в газете «Вперед».

1. «Падение Порт-Артура» № 2, янв.
2. «Рабочая и буржуазная демократия» (№ 3, янв.).
3. «Две тактики» (№ 6, февраль).
4. «О боевом соглашении для восстаний» (№ 7, февраль).
5. «Пролетариат и крестьянство» (№ 11, март).
6. «О нашей аграрной программе» (№ 12, март).
7. «Социал-демократия и временное революционное правительство» (№ 13, 14 марта).
8. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (№ 14, март).
9. «Аграрная программа либералов», (№ 15, апрель).
10. «Маркс об американском черном переделе».
11. «Итоги стачки», (№ 17, апрель).
12. «Политический социализм» (№ 18, май).

Статьи в газ. «Пролетарий».

13. «Третий С'езд» (№ 1, май).
14. «О международном значении русской революции» (№ 2, май).
15. «О времени революции правительства», (№ 2, 3 мая).
16. «Разгром» (№ 3, май.)
17. «Демократические задачи революционного пролетариата» (№ 4, июнь).
18. «Революционеры в белых перчатках» (№ 5, июнь).
19. «Борьба пролетариата и холопство пролетариата» (№ 6, июнь). «Три конституции» («Листок»).
20. «Революц. армия и револ. правительство» (№ 7, июнь).
21. «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры» (№ 8, июль).
22. «Революция учит» (№ 9, июль).
23. «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» (№ 10, июль).
    Статьи обосновывают, в борьбе с оппортунизмом меньшевиков, революционную тактику рабочего класса, направленную к свержению самодержавия путем вооруженного восстания и установления диктатуры пролетариата и крестьянства.
24. «Две тактики с.-д. в демократической революции» (июль). Непримиримые тактические разногласия с меньшевиками: пролетариат должен быть чемпионом в происходящей революции; цель движения не переход власти к либералам, а к револ. демократии, диктатура пролетариата и крестьянства.
25. «Бойкот «Булыгинской» думы и восстание» (№ 12, август).
26. «Европейская революция и европейская реакция» (№ 13, август).
27. «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революц. пролетариата» (№ 15, август).
28. «Отношение с.-д. к крестьянскому движению» (№ 16, сентябрь).
29. «Мир и реакция» (№ 17, сентябрь).
30. «Игра в парламентаризм» (№ 18, сентябрь).
31. «Революция и контр-революция» (19 сентября).
32. «Социализм и крестьянство» (№ 20, сентябрь).
33. «Политическая стачка и уличная борьба в Москве» (№ 21, октябрь).
34. «К деревенской бедноте». Об'яснения для крестьян, чего хотят

с.-д., с приложением программы с.-д. р. п. Легальное издание, (9 окт.).
35. «Уроки московских событий» («Пролетарий» № 22, окт.).
36. «Всероссийская политическая стачка» (№ 23, окт.).
37. «Буржуазные соглашатели и пролетарская революция» (№ 23, октябрь).
38. «Первая победа революции» (№ 24, октябрь).
39. «Мелко-буржуазный и пролетарский социализм» (№ 24, май).
40. «Приближение развязки (№ 25, ноябрь).
41. «Между двух битв»(№26,ноябрь).

Статьи в легальной «Новой Жизни» за ноябрь.

42. «Пролетариат и крестьянство».
43. «Войско и революция».
44. «Чашки колеблются».
45. «Революционная канцелярщина и революционное дело».
46. «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти».
47. «Социализм и анархизм».
48. «Социалистическая партия и беспартийная революционность».

Разоблачение реакционной тактики дворянского кабинета Витте, политики либеральной буржуазии, мелкобуржуазного народничества, оппортунизма меньшевиков и пропаганда идей вооруженного восстания.

1906.

1. «Государственная дума и с.-д. тактика» «Партийные известия» № 2 (бойкот Гос. думы).
2. «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (февраль).
3. «Победы кадетов и задачи рабочей партии».

Статьи в «Волне».

4. «Борьба за свободу и борьба за власть» (№ 9, май).
5. «Новый под'ем» (№ 10, май).
6. «Дума и народ» (№ 12, май).
7. «Вопрос о земле в Думе» (№ 15, май).
8. «Ни земли, ни воли» (№ 17, май).
9. «Вопрос о земле и борьба за свободу» (№ 29, май).
10. «Плохие советы» (ответ Плеханову») (№ 23, май).
11. «Кадры трудовиков и рабочая партия» (№ 5, май).
12. «Доклад об о единительном с'езде Р.С.Д.Р.П --письмо рабочим» (май).

Статьи в газете «Вперед».

13. «Как рассуждает Плеханов о тактике с.-д.», (№ 1, май).
14. «Пусть решают рабочие» (№ 6, июнь).
15. «Реакция начинает вооруженную борьбу» (№ 9, июнь).
16. «Колебания сверху, решимость снизу» (№ 13, июнь).
17. «Борьба за власть и «борьба» за подачки» (№ 17, июнь).

Статьи в газете «Эхо».

18. «По поводу декларации нашей думской фракции» (№ 1, июнь).
19. «Кто за союзы с кадетами» (№ 3, июнь).
20. «Кадетские подноски» (№ 5, июнь).
21. «Армия и народ» (№ 10, июль).
22. «Смелый натиск и робкая защита» (№ 12, июль).
23. «Думские партии и народ» (№ 13, июль).
24. «Заговоры реакции и угрозы погромщиков» (№ 14, июль).
25. «Роспуск думы и задачи пролетариата »(призыв к вооруженному восстанию и созданию боевых дружин) (июль).

Статьи в нелегальном «Пролетарии».

26. «О бойкоте» (№ 1, август).
27. «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (№ 1, август).
28. «Обывательщина в рев. сфере» (№ 6, октябрь).
29. «Соц.-дем. и избирательные соглашения», (октябрь).

30. Соц.-дем. и избирательная «кампания» (№ 7, ноябрь).
31. «Платформа 14 делегатов общерусской конференции».
32. Предисловие к брошюре Каутского «движущие силы и перспективы русской революции», (декабрь).
33. Предисловие к книге В. Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений», декабрь (Осуждение Плеханова за пропаганду избирательных блоков с кадетами).

1907.

1. «Соц.-дем. и выборы в Думу».
2. «Услышишь суд глупца» (из заметок с.-д. публициста).
3. «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика».
4. «Как голосовать на выборах в Петербурге» («Зрение» № 1).
5. «Мелко - буржуазная тактика («Новый Луч» № 4, февраль).
6. «Большевики и мелкая буржуазия» (№ 6, февраль).
7. «Тактическая платформа меньшевиков» (сборник вопросов тактики).
8. «Интеллигентские воители против господства интеллигенции». «Наше Эхо» (№ 5, март).
9. «Аграрный вопрос и сила революции». «Наше Эхо» (№ 7, апрель).
10. «Сила и слабость русской революции» («Наше Эхо» № 10, 12 апр.).
11. «Торжествующая пошлость или кадетствующие с.-р.» («Наше Эхо» № 4, апрель).
12. Предисловие к переводам писем К. Маркса к Кугельману и В. Ф. Зорг.
13. Тезисы (с Каменевым) против и за бойкот Думы.
14. «Предисловие к сборнику» «За 12 лет».
15. «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции 1905-7 г.» (теоретические и практические доводы в пользу национализации земли).

1908.

1. Сборник «За 12 лет».
2. Сборник «Аграрный вопрос» (старые статьи).
3. «Аграрный вопрос в России к концу 19 века» (энцикл. словарь).
4. «Нейтиральность профессиональных союзов» (статья в сб. «О веяниях времени»).
5. «Марксизм и ревизионизм» (статтья в сборнике «К. Маркс»).

1909.

1. «Марксизм и эмпириокритицизм» (критические заметки об одной реакционной философии).

1910.

1. «О статистике стачек в России».
2. «Герои оговорочки» («Мысль» № 1, декабрь).
3. «Разногласия в европейском рабочем движении» («Звезда», № 1, декабрь).

1911.

1. «Наши упразднители» («Мысль», № 2, январь).
2. «Толстой и его эпоха» («Звезда» № 6, январь).
3. «По поводу юбилея 19-го февр.» («Мысль» № 2, февраль).
4. «Меньшиков, Громобой, Изгоев» («Звезда» № 11, февраль).
5. «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» («Мысль» № 4, март).
6. Предисловие к брошюре Каменева «Две партии» («Париж», август).

1912.

1. «Принципиальные вопросы избирательной кампании» Тулин. («Просвещение» № 1—2, 1911—1912 г. г.).
2. Статьи в «Соц.-Демократе».
3. «Анкета об организационных группах капитала» Тулин. («Просвещение» № 5—7).

1913.

1. В. Ильин «Итоги выборов» («Просвещение» № 1, январь).
2. «Что делается в народничестве и что делается в деревне» («Просвещение» № 2, февраль).
3. «Три источника и три составные части марксизма» («Просвещение» № 3, март).
4. «Возрастающее несоответствие»— («Просвещение» № 3—4, апр.).
5. «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы» («Просвещение», № 5, май).
6. «Как В. Засулич убивает ликвидаторов» («Просвещение», 9 авг.).
7. «Критические заметки по национальному вопросу» («Просвещение» № 11—12, сент.).
8. Статьи в газ. «Правда».

1914.

Статьи в газ. «Правда и в «Просвещении».

1. «К вопросу о задачах земской статистики» (№ 1, январь).
2. «Радикальный буржуа о русских рабочих», «Политические уроки», («Просвещение» № 3, февраль).
3. «Еще одно уничтожение социализма» («Совр. Мир» 1914, март).
4. «О праве наций на самоопределение» («Просвещение» № 4—5, апрель).
5. «Чему не следует подражать в нашем рабочем движении» («Правда» № 4).
6. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» («Просвещение» № 5, май).

Начало войны.

Статьи в «социал-демократе».

7. «Положение и задачи соц.-демокр. Интернационала» («Соц.-Дем.» № 33).
8. «Один немецкий голос о войне» (Необходима пропаганда направить оружие против своих буржуазно-империалистических правительств).
9. «О национальной гордости великороссов» («Соц.-Дем.» № 35).
10. «Мертвый шовинизм и живой социализм» («Соц.-Дем.» № 35).
11. «Что же дальше» («Соц.-Дем.» № 36).

1915.

Статьи в «Соц.-Дем.»

1. «Русские Зюдекумы»(«Соц.-Дем.» № 37).
2. «Как полиция и реакционеры охраняют единство немецкой соц.-демократии» («Соц.-Дем.» № 39, март).
3. «О лондонской конференции» («Соц.-Дем.» № 39).
4. «Что доказал суд над РСДР фракцией» («Соц.-Дем-» № 40, март).
5. «По поводу Лондонской конференции» («Соц.-Дем.» № 40).
6. «К иллюстрации лозунга гражданской войны» («Соц.-Дем-» № 40).
7. «Социализм социал - шовинистов» («Соц.-Дем.» № 41, апрель).
8. «Вопрос об об'единении интернационалистов» («Соц.-Дем.» № 41, апрель).
9. «Буржуазная филантропия и реакционная социал-демократия» (№ 41).
10. «Крах платонического интернационализма» (№ 42, май).
11. «О борьбе с социал-шовинизмом» (№ 42).
12. «О поражении своего правительства в империалистической войне («С.-Д.» № 43, июнь).
13. «О положении дел российск. с.-д.» (№ 43).
14. «О лозунге соединенных штатов в Европе» (№ 44, июль).
15. «Крах II-го Интернационала» («Коммунист» № 1—2).
16. «Социализм и империализм в Италии» («Коммунист» № 1—2).
17. «Честный голос французского социализма» («Коммунист» № 1-2.
18. «Первый шаг» («Социал-Дем.», № 45—46, сентябрь).

19. Революционные марксисты на международной социалистическ. конференции.
20. «Несколько тезисов» (№ 47, декабрь).
21. «О двух линиях революций» (№ 48, октябрь).
22. «У последней черты» (№ 48).
23. «Прикрытие соц.-шовинистическ. политики интернационалистическими фразами» (№ 49, дек.)
24. «Социализм и война», совместно с Зиновьевым.
25. «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. I-й. Капитализм в земледелии в Соед.-Штатах Америки».

1916.

Статьи в «Соц.-Дем.».

1. «Есть ли своя линия у К. и фракции Чхеидзе» (№ 50, июнь).
2. «О мире без аннексий» (№ 51, февраль).
3. «Вильгельм Колоб и ГеоргийПлеханов» (№ 51).
4. «О программе мира» (№ 52, март брошюра-исследование).
5. «Империализм, как новейший этап капитализма».

1. «О сепаратном мире» («Соц.-Дем.» № 56, ноябрь).
2. «Целый десяток социалистических министров» (№ 56).
3. «Итоги дискуссии о самоопределении» (Сборн., «Соц.-Дем.», 1-го октября).
4. «О лозунге разрушения» (Сборник, 2 окт.).
5. «Империализм и русский социализм» (Сборник ,февраль).

1917.

1. Статья в «Соц. Зем.»,«Переворот в мировой политике»(№ 58, явн.).
2. Статьи в «Солдатской Правде» и «Социал-Демократе», март.
3. «Тезисы» («Правда» от 7 апр.).
4. «Политические партиии в России и задачи пролетариата», «Письма о тактике. Письмо 1-е», апрель (брошюра).
5. «Открытое письмо делегатам 1-го Всероссийского с'езда крестьянских депутатов» (май).
6. «Уроки революции» (август).
7. «К лозунгам», брошюра.
8. «Крестьяне и рабочие» («Рабочий» № 6, август).
9. «О компромиссах», август.
10. «Государство и революция» (неокончена из-за октябрьских событий), авг. — сент.
11. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться (брошюра), сент.
12. «Один из коренных вопросов революции», сентябрь-
13. «Удержат ли большевики государственную власть» (брошюра).
14. «Тезисы об учредительном собрании», конец декабря.

1918.

1. «Главная задача наших дней», «Известия», 10—12 марта.
2. «О левом ребячестве и о мелкой буржуазности», май (полемика с Бухариным и левыми коммунистами).
3. «О голоде» (письмо к питерским рабочим).
4. Книга: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (по поводу книги Каутского «Диктатура пролетариата»). (Основные пункты книги: 1) о понятии «демократии», 2) о буржуазном парламентизме, 3) о сущности «советской власти», как государственной организации трудящихся и эксплоатируемых масс, 4) о подлинном интернационализме), ноябрь.

1919.

1. «Все на работу по продовольствию и транспорту» (призыв начать положительную работу по воссозданию хозяйственной жизни страны) («Правда,» № 19, 28-го января).
2. «Ответ на запрос крестьянина» (об отношении к среднему крестьянству) («Правда» № 35, 15-го февраля).

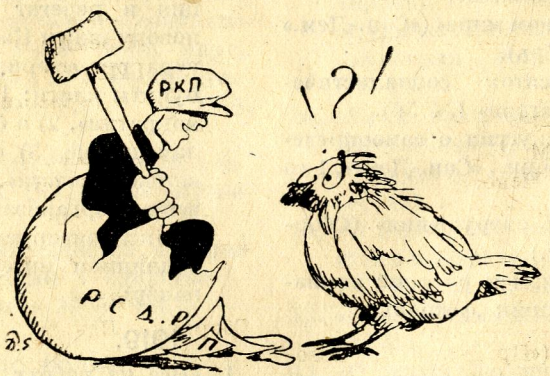
3. «Ответ на открытое письмо специалиста» («Правда», 28 марта).
4. «Письмо к питерским рабочим» (о колчаковской опасности) от 10 апреля.
5. «III Интернационал и его место в истории» («К. И.» № 1, 15 апреля).
6. «Привет венгерским рабочим» («К. И.» № 2, 27 мая).
7. «Герои Бернского Интернационала» (там же).
8. «Великий почин» (о героизме рабочих в тылу). По поводу коммунистических «субботников» (от 29 июня).
9. «О задачах III Интернационала» («К. И.» № 4, 14 июля).
10. «Как буржуазия использует ренегатов» («К. И.», № 5, 20 сент.).
11. «Пример петроградских рабочих и призыв к мобилизации рабочих масс после взятия белыми Курска» 4 октября.
12. «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» («К.И.» № 6, 30 октября).
13. «Работа в деревне», 16 ноября (речь на I Всер. совещании по работе в деревне).
14. «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» («К. И.» № 7 и 8, 16 декабря).

1920.

1. Статьи в «Правде».
2. Книга «Детская болезнь левизны в коммунизме» (о болезнях в международном рабочем движении).
3. «Продналог» (переход к новой экономполитике).

1921—23.

1. Статьи в «Правде», «Известиях» о советском строительстве.
2. Статьи о Рабкрине и по национальному вопросу.
3. Статьи по кооперации.



ЧТО ЧИТАТЬ О ЛЕНИНЕ.

Зиновьев—Н. Ленин—В. И. Ульянов (Очерк жизни и деятельности) изд. ВЦИК'а М. 1919.

Невский—В. И. Ульянов—Ленин. Изд. ВЦИК. М. 1919.

Каменев—История партии коммунистов и В. И. Ленин. Изд. ВЦИК. М. 1919.

Павлович—Ленин, как разрушитель народничества («Под знаменем марксизма» № 4—5, за 1923 г.).

Ольминский—Ленин («Вестник жизни» № 2, 1918).

Горев—От Томаса Мора до Ленина (глава о Ленине) Изд.«Красная Новь» М. 1923 г.

Адоратский,—Марксистская диалектика в произведениях Ленина («Печать и Революция» № 2 за 1922 г.).

«25 лет РКП»—сборник, изд. «Октябрь» Тверь 1923. Статьи о Ленине: Осинского, Радека, Преображенского, Семашко, Мицкевича.

Луначарский—Великий переворот. П. 1920.

Его же—Революционные силуэты. (глава о Ленине). ГИЗ. М. 1923 г.

Лепешинский—На повороте. Изд. ГИЗ, М. 1923 г.

Бонч-Бруевич—Некоторые сведения о юношеских годах В. И. Ленина по оффициальным документам («Пролетарская Революция» № 2, за 1921 г.).

Шидловский—Ленин — мифическое лицо («Пролетарская Революция» № 3, за 1921 г.).

Зеликсон-Бобровская—Записки рядового подпольщика, ч. 1. ГИЗ. М. 1922 г.

Елизарова—Страничка воспоминаний («Пролет. Революция» № 2, (14) за 1923 г.).

Емельянов—Таинственный шалаш. (Воспоминания о нелегальном периоде жизни В. И. Ленина после июля 1917 г.) «Красная Летопись» № 4, за 1922 г.

Невский—Две встречи (там же).

Ровио—Как Ленин скрывался у гельсингфорского «полицеймейстера» («Красная Летопись» № 5, за 1922 г.).

Бухарин—Классовая борьба и революция в России (главы о Ленине) изд. «Прибой»П.1918 г.

Обвинительный акт по делу с.-р. Изд. ВЦИК'а. М. 1922 г. (стр. 89—92, 98—164, посвященные покушению на Ленина).

Воронский—Россия, человечество и Ленин («Прожектор» № 14, за 1923 г.).

Зорин—Что может означать Ленин. (Там же).

Аросев—Наш Ильич (Там же).

Моризе—У Ленина и Троцкого. ГИЗ. М. 1923 г. Стр. 81—85, 260—268.

Уэльс—Россия во мгле (Глава «Кремлевский мечтатель»). ГИЗ 1922 г.

«Правда» и «Изестия» от 30 авг. 1923 г.

«Петроградская Правда» от того же числа (статьи Зиновьева и Гернле).

Джон Рид—10 дней, которые потрясли мир.—«Моск. Раб.»—1923 г.

Сборник о Ленине. Изд. ГИУ Екатеринослав, 1921 г.

Сборник о Ленине. Изд. «Большевик», Киев. 1923 г.

«Правда» и «Известия» за 10 апреля, 1920 и 1923 г. г., посвященные В. И. Ленину.

Приложение к «Правде» в окт. 1922 г. О болезни В. И. Ленина.

ЛОЗУНГИ.

Исполнительный комитет от имении революционного пролетариата, стоящего на пороге своей мировой победы, выражает свою твердую уверенность и горячую надежду, что Владимир Ильич будет стоять во главе движения вплоть до окончательного освобождения человечества.

Да здравствует всемирный коммунизм и гениальный вождь Ленин!

Из воззвания
III Коммунистич. Интернационала.

Ленин олицетворяет собой русский пролетариат—молодой класс, которому политически, пожалуй, не больше лет, чем Ленину от роду, но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующие развитие России, в нем все ее будущее, с ним живет русская нация.

Свобода от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии, отвага, никогда не переходящая в безрассудство, характеризует русский пролетариат и с ним вместе Ленина.

Теми неведомыми, наукой еще не раскрытыми путями, какими формируется человеческая личность, Ленин впитал в себя из национальной среды все, что понадобилось ему для величайшего революционного действия.

Именно потому, что через Ленина социалистическая революция, давно имеющая свое интернационально-теоретическое выражение, нашла впервые свое национальное воплощение, Ленин стал в самом прямом и самом непосредственном смысле революционным руководителем мирового пролетариата.

Л. ТРОЦКИЙ.

Пусть назовут нам другое имя во всей новейшей истории человечества, кототрое заставило бы учащенно биться сердце стольких миллионов людей, как имя Ленина. Другого имени никто не назовет. Ленин — это не только целая программа, это целый период в истории человечества, это тот период, когда на смену ему пришел коммунизм. Наиболее мощная, наиболее великая фигура, которую выдвинул освобождающий себя и все человечество мировой пролетариат — вот кто такой Владимир Ильич Ленин.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знает, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю, до низу, до дна в государственную работу.

Русь рабочих и крестьян взрастила в муках своего освобождения от всяческого рабства лучшего работника всемирного освобождения.

Л. КАМЕНЕВ.

Ленин теперь, вероятно, самое популярное имя в мире, но в то время, как другие громкие имена зачастую произносятся народами с проклятиями, имя Ленина вызывает скрежет зубовный только среди эксплоататоров и угнетателей, но зато с надеждой и любовью произносится миллионами людей разных цветов, крови и самых различных языков. Ленин является символом освобождения униженных и оскорбленных по лицу всего земного шара и вместе с тем символом беспощадной борьбы со всеми видами насилия и эксплоатации.

Ю. СТЕКЛОВ.

Миллионами ратей поля и металла
Понятен ты и равен, как двойник.
И в мире—от велика и до мала—
Тебя воззвал родимых масс язык.

И. ФИЛЛИПЧЕНКО.

Портретов Ленина не видно
Похожих не было и нет,
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Н. ПОЛЕТАЕВ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Д. ЛЕБЕДЬ.	Введение	7
	ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.	
К. РАДЕК.	Революционный вождь.	15
Н. БУХАРИН.	Революционный теоретик	22
И. СТАЛИН.	Организатор и вождь Р. К. П.	27
Л. ТРОЦКИЙ.	Ленин, как национальный тип.	33
В. ГОРЕВ.	Ленин.	37
Н. ОСИНСКИЙ.	Рисунок пером	42
М. КОЛЬЦОВ.	Человек из будущего	46
В. ПОЛИЩУК.	Мысли о грядущем	51
	ОТДЕЛ ВТОРОЙ.	
И. ПОЛЕТАЕВ.	* * *	55
А. ЛУНАЧАРСКИЙ.	Владимир Ильич Ленин	56
БОНЧ-БРУЕВИЧ.	Как учился Ленин	61
А. ЕЛИЗАРОВА.	Первое выступление в Москве	62
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ	Товарищ Ленин	66
Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ.	По соседству с Владимиром Ильичем	67
ГАНДУРИН.	Воспоминание о лондонском с'езде	78
Л. ГЕРМАНОВ.	Из партийной жизни	79
	ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.	
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ.	Приезд Ленина в Россию	83
Н. ЕМЕЛЬЯНОВ.	Таинственный шалаш	87
РОВИО.	Как Ленин скрывался у Гельсингфорского «полицеймейстера»	92
	Протокол заседания Ц. К. 10 октября 1917 г.	99
В. КАЗИН.	Ленин	101
Н. ПОДВОЙСКИЙ.	Ленин в военно-революционном штабе	103
В. ПОЛЯНСКИЙ.	Разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу	107
ШЛИХТЕР.	Октябрьские дни	110
Г. ЗИНОВЬЕВ.	Ленин—Марат	112
С. ЗОРИН.	Что может означать Ленин	114
	ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.	
Э. ГЕРНЛЕ.	Ленин и германский пролетариат	123
МАК-МАНУС.	Ленин и английское революционное движение	125
А. ВИТАЛИ.	О влиянии произведений Ленина в Италии	127

стр.

БОРИС СУВАРИН. Несколько воспоминаний по поводу годовщины покушения 130
И. АМТЕР. Ленин указал путь американским коммунистам . 134
Н. КЛЮЕВ. Ленин 138

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

М. ГОРЬКИЙ. Владимир Ильич Ленин 141
А. МОРИЗЕ. Ленин и эволюция большевизма 147
Т. УЭЛЬС. Кремлевский мечтатель 151

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

Я. ЯКОВЛЕВ. Ленин и революция на Украине 159
Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным 162

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

Н. ЛЕНИН. Задачи Союзов Молодежи 169
Л. КАМЕНЕВ. Ленин и молодежь 182
Н. ТИХОНОВ. Сами 184
М. КОЛОСОВ. Тринадцать 187
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. У «Ильича» 191

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

А. АРОСЕВ. Выстрел 195
Я. БЛИНКОВ. В памятный день 199
В. МАЯКОВСКИЙ. Бюллетень 203
М. СВЕТЛОВ. Утром 205
Д. БЕДНЫЙ. Истинный привет 206

ОТДЕЛ ДЕВЯТЫЙ.

Л. ТРОЦКИЙ. Ленина нет 213
Н. СЕМАШКО. Вскрытие 215
Л. КАМЕНЕВ. Великий мятежник 216
С. ТРЕТЬЯКОВ. Мы помним 219
Г. ЗИНОВЬЕВ. Ленин и рабочие 220
Н. КРУПСКАЯ. Выше знамя 223
Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. О нем 225
Письмо Н. К. Крупской 230

ОТДЕЛ ДЕСЯТЫЙ.

Даты 209
Важнейшие события из жизни Владимира Ильича . 213
Библиография 219
Что читать о Ленине 221
Лозунги 222

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА У ЛЬВОВІ

7р.65к.
1986
2983
РА

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ: ХАРЬКОВ, „Молраб“ Мироносицкая 21-б. МОСКВА: „Молраб“, Тверская 25. Книжный склад Ц. К. желдор. и водн. Ильинка, Козмодемьяновский переул. 5. ЛЕНИНГРАД, Книжный склад Ц. К. желдор. и водн. Проспект Володарского, 53-а.

РЛ2983